

ВИЛСОН

Ф. ПОЛ

ОХОТА НА КЛОНА

ВИЛСОН

*Издательство «Центрполиграф»
выпустило в свет романы Ф. Пола Вилсона*

в серии «Наладчик Джек»

МОГИЛА
НАСЛЕДНИКИ
БЕЗДНА
ЯРОСТЬ
ПОЖИРАТЕЛИ СОЗНАНИЯ
КРОВАВЫЙ ОМУТ
ВРАТА
ПЕРЕКРЕСТЬЯ

в серии «Ночной мир»

ЗАМОК
МОГИЛА
ПРИКОСНОВЕНИЕ
РОЖДЕННЫЙ ДВАЖДЫ
АПОСТОЛ ЗЛА
НОЧНОЙ МИР

в серии «Федерация Ла Нага»

ЦЕЛИТЕЛЬ
КОЛЕСО В КОЛЕСЕ
ТЕРИ
ОХОТА НА КЛОНА

F. PAUL

WILSON

D Y D E E T O W N
W O R L D

A NOVEL

ВИЛСОН

Ф. ПОЛ

ОХОТА НА КЛОНА

РОМАН

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ
2006

УДК 820(73)-31
ББК 84(7Coe)
В44

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

This edition published by arrangement
with Writers House LLC and Synopsis Literary Agency

Художественное оформление
И.А. Озерова

Вилсон Ф. Пол
В44 Охота на клона: Роман / Пер. с англ.
А.И. Ганько. — М.: ЗАО Центрполиграф,
2006. — 252 с.

ISBN 5-9524-2333-7

Чуть было не став кормом для тираннозавра и с трудом
распутав сложное дело, порученное ему девушкой-клоном, част-
ный детектив Зиг Дрейер снова попадает в неприятности: на
этот раз он переходит дорогу производителям нейрогормонов.
Убийца устраивает ему ловушку из молекулярной проволоки,
которая режет кости как масло...

УДК 820(73)-31
ББК 84(7Coe)

Dydeetown World
Copyright © 1989 by F. Paul Wilson
© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2006
© Художественное оформление,
ЗАО «Центрполиграф», 2006

ISBN 5-9524-2333-7

ОХОТА НА КЛОНА

РОМАН

Выражаю особую благодарность Бетси Митчелл за поддержку и одобрение, за то, что она подгоняла меня при всякой возможности, а также за ее замечание: «Почему бы тебе не придумать хороший конец для детей-беспризорников?»

Стивена Спруилла я благодарю за разрешение воспользоваться идеей из его «Планеты парадоксов».

Часть первая

СПЛОШНАЯ ЛОЖЬ

Если бы клонировали твою сестру, хотел бы ты, чтобы она работала в Дайдитауне?

Граффити из Информпотока

I

Джин Харлоу.

Вернее, клон Джин Харлоу — Джин Харлоу-К.

Я не сразу узнал ее в лицо, но вряд ли вам доводилось видеть еще у кого-нибудь такую белую кожу. Потом до меня дошло. Мне попался портрет ее прототипа. Платиновая блондинка — слишком уж платиновая; в жизни таких светлых волос не бывает. Слишком белая кожа, неправдоподобно ангельское личико. Такое не забывается, хотя я не любитель блондинистых красоток. Правда, надо признаться: даже я отдал ей должное. Синий облегающий костюм сидел на ней просто потрясно.

— Вы ведь мистер Дрейер, да? — спросила она резким металлическим голосом после того, как за ее спиной захлопнулась раздвижная дверь.

Я вдруг ужасно заинтересовался поверхностью своего письменного стола. Вся засижена тараканами! Я смахнул щелчком кучку тараканьего помета и буркнул:

— Выход там же, где вход.

— У меня есть для вас работа.

Ничего не отвечая, я продолжал очищать стол от тараканьих экскрементов. Как я устал торчать в своем кабинетишке день за днем в ожидании хоть какого-нибудь дела!

— На клонов не работаю.

На самом деле все обстоит не совсем так, но к чему ей знать правду?

Она с присвистом втянула в себя воздух.

— Как вы догадались?..

— У меня прекрасная память на лица, — ответил я наконец, поднимая на нее взгляд.

Некоторое время назад я уже вел расследование для девушки из Дайдитауна. Чтобы докопаться до истины, мне пришлось перелопатить целую библиотеку; вот когда я насмотрелся на тех, с кого выводили клонов, а заодно освежил в памяти историю создания Дайдитауна. В результате многих обитательниц Дайдитауна я стал узнавать в лицо и кое-что узнал об их предшественницах. В свое время — то есть неведомо когда — настоящая Джин Харлоу была той еще штучкой. Родилась в 1911 году, умерла в 1937-м. Киноактриса. Платиновая блондинка. Вызывающе вульгарная внешность. Она была настоящим секс-символом — правда, недолго, так как скончалась в возрасте двадцати шести лет. Клон, стоящий передо мной, был не совсем точной копией — клоны никогда не получаются точными, стопроцентными копиями, — но все равно сходство было поразительным. Не понимаю, что наши предки находили в Джин Харлоу; впрочем, я допускаю, что с тех пор вкусы сильно изменились. Только не могу взять в толк, зачем кому-то понадобилось отыскивать бранные ос-

танки Джин Харлоу, выкрадывать кусочек ткани и клонировать актрису!

Впрочем, я невысокого мнения о Дайдитауне.

— Вы работали на Кушеги. Она мне все рассказала.

Я вновь углубился в изучение своего стола.

— То был особый случай.

— Что же в нем было такого особенного?

— Не твое собачье дело!

Правда заключается в том, что тогда я изрядно поиздержался. Когда я пытался расплатиться по счету и вкладывал палец в прорезь автомата, в ответ раздавался противный писк да еще мигала красная лампочка: «ноль кредиток». А желудок мой, сами понимаете, привык получать пищу по крайней мере один раз в день, да и другие органы тоже требовали своего. Короче говоря, я подрядился работать на клона потому, что тогда находился на грани отчаяния. Откровенно говоря, и сейчас я находился примерно в таком же состоянии.

— Выслушайте меня! — попросила она.

— Я тебя не выслушаю, а выпровожу. — Гордость у меня еще оставалась.

Тут что-то с глухим стуком упало на стол и запрыгало между маслянисто-черными кучками. Мне даже не надо было смотреть, что там. Плоский золотой кругляш подкатился мне под самый нос.

— Говори, — смиловился я.

Она оглянулась на мою дверку, словно желая убедиться, что та плотно закрыта, а потом присела на один из двух стульев, стоящих у противоположного края стола.

— Я думала, у вас кабинет побольше.

— Я не материалист, — сообщил я, подбирая монету и откидываясь на спинку стула.

— Это успр.

Я взвесил монету в руке. Холодная на ощупь и тяжелая. Граммов двадцать пять. Судя по всему, девятьсот девяносто девятой пробы, по обычным усприанским стандартам. Конечно, нелегальная, но кто осмелится запретить типам из Восточной Секты чеканить собственную монету? Уж точно не я, братишка. Точно не я.

— Твои клиенты — фальшивомонетчики из Дайдитауна?

— И они тоже.

Я решил выдержать паузу. Молча сидел и царапал поверхность монеты ногтем.

Как я и думал, ее не надолго хватило. Вскоре она снова открыла рот:

— Иногда я имею дело с фальшивомонетчиками, но в основном получаю деньги от людей, которые не желают оставлять в Дайдитауне отпечатки своих пальцев.

— В Дайдитауне никто не хочет оставлять следов.

— И тем не менее оставляют. — Девушка-клон строптиво вздернула вверх подбородок и принялась сверлить меня своими глазами. — Они приходят к нам каждую ночь — толстопузые, с жирными пальцами...

— Чтобы найти «самых красивых женщин и мужчин в истории», — продолжил я, цитируя известный рекламный слоган.

— Вы совершенно правы, мистер Дрейер!

В голосе ее и оттенка стыда не было слышно. Правда, чего ей-то стыдиться? Она — всего лишь

клон. Она не создана ни для чего другого; стыдно должно быть тем, кто ее покупает.

— Итак, чем я могу тебе помочь?

С души воротило сидеть и разговаривать с ней, как будто она настоящая. Но ладонь приятно холодила денежка, в которой я так нуждался!

— Мне нужно кое-кого найти.

Ну и дела! Еще одна пропавшая красотка!

— Почему обратилась ко мне?

— Кушеги очень вас хвалила. Она говорит, что вы — молодец.

Я ошетинился. Какая-то паршивая девчонка из Дайдитауна, клон звезды голографического порно XXI века, еще смеет оценивать мою работу? По какому праву...

Я заставил себя успокоиться. Бесполезно! Пустая трата сил.

— Она не получила того, что хотела, — заметил я.

— Правда... Ракель была мертва, когда вы ее нашли. Но все-таки вы нашли ее!

— Значит, ты хочешь, чтобы я нашел твоего любовника?

Она кивнула. Робко кивнула.

Я щелчком метнул монету на стол.

— Нет уж, спасибо.

— Ну пожалуйста! Прошу вас!

Если она думала, что мольба в ее голосе растопит мое сердце, она просчиталась.

— Кем бы он ни был, пусть его — или ее — ищет законный хозяин. Владелец. А еще лучше — пусть владелец наймет меня. Но не ты.

— Я ищу настоящего человека!

— Вот как!

Я снова взял монету и откинулся на спинку стула. Мне очень не нравилась вся эта история, но выбора у меня не оставалось.

— Как его зовут?

— Кайл. — Голос у нее дрогнул, а глаза опасно заблестели. — Кайл Бодайн.

Я решил, что она сейчас разревется, но ей удалось сдержать слезы, слава Ядру.

— Послушай. Если тот парень обидел тебя, ограбил или обманул, напусти на него хозяина.

— Ничего такого не было. — Она шмыгнула носом. — Мы с ним собирались пожениться.

Я чуть со стула не свалился.

— Что вы собирались сделать?!

Наверное, я закричал, потому что она отскочила, как будто я направил на нее бластер.

— П-пожениться... Мы собирались пожениться.

Я не смог удержаться и прыснул. Вот все говорят, что клоны тупы, но никогда не понимаешь, насколько они тупы, пока лично с ними не пообщаешься. Они умеют хорошо выглядеть, ласково улыбаться, доставлять максимум телесного удовольствия, но, наверное, когда их выводят, что-то происходит. Может, по пути теряется часть мозгов. Разума у них ни на грош!

Она покраснела.

— Почему вы смеетесь?

— Ни один настоящий человек не женится на клоне!

— Кайл женится! Он любит меня!

— Он лжет.

— Нет!

Она вскочила со стула и оперлась руками о столешницу.

— Я очень много для него значу! — В ее голосе послышались визгливые нотки. — Я для него любимая — а не грязь, как для большинства остальных!

— Эй... ты полегче, — сказал я. Не хотелось, чтобы она упорхнула со своей золотой монетой. — Никто не собирается тебя ругать. Просто настоящие не женятся на клонах. Я тут ни при чем, такова жизнь.

— И вам это по душе, верно?

— Я не испытываю ненависти к клонам, но я и не клонолюб.

Несмотря на ее золото, я не собирался ей лгать. Ну не лежит у меня душа к клонам! Правда, и ко многим настоящим тоже. Но особенно мне не нравятся клетки, выращенные из тканей, которые выглядят как настоящие люди.

— Держу пари, твой «жених», — последнее слово я процедил сквозь сжатые зубы, — настоящий клонолюб. Наверное, он — один из тех бодрячков, что шляются по туннелям и требуют: «Свободу клонам!», «Долой хлорофильных коров!», «Усынови беспризорника!» или другие глупости. Наверное, он хочет жениться на тебе в назидание другим. Чтобы доказать, какой он хороший и порядочный.

— Я бы ни за что не согласилась, чтобы меня использовали в рекламных целях. Нет, мы с ним хотели улететь отсюда.

— Куда?

— В другую галактику.

Я снова откинулся на спинку стула, на сей раз медленно, и внимательно посмотрел на нее. Чем дальше, тем больше мне не нравился ее рассказ.

Я уже сказал, я не клонолюб. Откровенно говоря, я бы хотел, чтобы их и вовсе не было. Но это вовсе не означает, что я приветствую дурное обращение с клонами. Клонов создаем мы, настоящие; поэтому мы за них в ответе. И вот какой-то мерзавец замыслил подлость по отношению к данной особи — пусть она и поразительно тупа даже по меркам клонов! Может, кому-то не понравится моя точка зрения, но я не намерен мириться с жестокостью по отношению к клонам!

— Послушай, — медленно заговорил я, надеясь, что она способна хотя бы отчасти понять то, что ей внушают. — Даже не знаю, как тебе втолковать, но некоторые вещи ты обязана знать. Вот, например: ты никак не можешь улететь с Земли. На другие планеты, в другие галактики могут перебраться только настоящие. Тебе понадобится документ, вид на жительство — грин-карта, а у клонов грин-карт нету. Вы — недочеловеки. Вы — чья-то собственность. Вы непременно кому-то принадлежите — человеку или корпорации. У клонов даже нет счетов в банке; так что, сама понимаешь, клоны не могут путешествовать и летать к звездам, когда им заблагорассудится.

Я все старался придумать, как бы попроще разъяснить ей принцип работы Центральной базы данных, чтобы до нее дошло. Она расстегнула свою поясную сумочку.

— Видишь ли, сразу после твоего рождения... то есть вылупления, не знаю, как сказать...

— Деинкубации или выведения, — пробормотала она, не прекращая рыться в сумочке.

— Не важно. Так вот, сразу после выведения у тебя взяли биопсию и твой генотип занесли в

Центральную базу данных. Твой генотип останется там, пока ты не умрешь. Как и мой. Как у всех.

Она кивнула:

— Знаю. Меня не имеют права снова клонировать, пока я не умру. По закону «одна личность — один генотип».

— Ах, так ты о нем знаешь! — удивился я. — Тогда с чего ты взяла, что сумеешь улететь с Земли?

Она оглянулась, как будто боялась, что я прячу кого-нибудь за столом или где-нибудь еще, хотя мой кабинетик по размерам не больше обувной коробки.

— Наш разговор тайный? Секретный?

— Правильнее сказать, конфиденциальный. Да, все будет храниться в тайне. Что там у тебя в руке?

Она вытащила что-то из сумочки и положила мне на стол:

— Вот!

Грин-карта.

На секунду я просто онемел. У клонов красные карты, а не зеленые! Зеленых у них сроду не водилось. Невозможно — но вот карточка, лежит у меня на столе.

— Подделка. Наверняка подделка!

Она покачала головой:

— Нет. Настоящая.

— Ты уже пробовала ее?

— Мне не нужно пробовать. Я просто знаю, что она настоящая.

Я взял карточку. Выглядела действительно как настоящая. Настроение у меня стремительно портилось.

— Знаешь ли, за такие делишки тебя могут запросто сослать на Южный полюс. Будешь там с утра до ночи выгребать навоз за хлорофильными коровами.

Она кивнула:

— Знаю. Но какое мне дело до Южного полюса? Скоро мы окажемся там, куда улетели нормальные люди.

От этого выражения просто с души воротит. Кажется, все сговорились именовать другие планеты и галактики — внешние миры — именно так. Все, кроме меня. Если туда улетели хорошие парни, как называть нас, тех, кто предпочел остаться на Земле? Впрочем, не стану отрицать, доля правды в рекламном утверждении есть.

В общем, я не позволил клону уклониться от темы.

— Понимаешь, тебе ведь понадобится не только карточка. До тех пор пока в Центральной базе данных ты значишься как клон, а не как настоящая, твоя карточка — просто кусок зеленой пластмассы. В космопорте карточку и твой палец засунут в специальную машинку, и сразу выяснится, что такого человека, как ты, не существует. Тебя арестуют за незаконный вывоз краденной собственности, то есть тебя самой.

Она рассеянно улыбнулась:

— Знаю. Но ничего такого не будет.

— Почему ты так уверена?..

Она пожала плечами и улыбнулась:

— Кайл все устроил. Он отщипнул у меня кусочек кожи, а через несколько дней вернулся с карточкой. Он любит меня.

Я снова посмотрел на грин-карту. С виду точь-в-точь моя собственная. Я ничего не понимал. Человек, который идет на такие крайние меры ради клона, должно быть... действительно любит ее.

Ну и ну!

Но я сохранял профессионально вежливое выражение лица.

— Как давно пропал твой Кайл Бодайн?

— Пять дней назад. В пятницу ночью мы с ним должны были встретиться в порту Эл-Ай, у доков. Но с утра пятницы от него ни слуху ни духу!

— Как по-твоему, где он может быть?

— Не знаю. — Глаза у нее снова заблестели. — Ума не приложу! Я... боюсь за него!

— Может, он просто передумал лететь с тобой?

Она бешено затрясла головой:

— Нет! Ни за что!

— Ладно, ладно. Не возбуждайся.

Я встал и подошел к видеолюку за столом. Хотелось бы выглянуть из настоящего окна, а не из проема во внутренней стене, но я едва осиливал плату за свой кабинетик. Комната с внешней стеной была мне не по карману. В правой руке я все время вертел монету, а левую холодила пластиковая карточка. Что-то здесь не так. Так не бывает!

— Вы вернете мне мою карточку?

Я повернулся к ней и протянул ей пластик. Да, карточка для нее очень важна.

Тут к моему ботинку подбежал таракан — огромный! Я с наслаждением раздавил его каблук-

ком. Таракан противно захрустел. Придется снова привезти сюда Игнаца — пусть наведет порядок в моем кабинете.

— Ладно. Давай прикинем, что тебе известно о твоём парне.

Оказалось, что известно ей совсем немного.

У них случилось то, что вы назовете любовью с первого взгляда. Кайл Бодайн работал в какой-то импортно-экспортной фирме. У него были налажены связи во внешних мирах, и ему дали понять, что он может прилететь туда с молодой женой. Почти везде в освоенном космосе действуют законы против клонов, но влюбленные решили никому не признаваться в том, что Джин Харлоу-К — тоже клон. По ее словам, в последний раз она видела его в Дайдитауне в пятницу утром. У него неплохая квартира в довольно дорогом жилом комплексе на Манхэттене. Дверь квартиры Кайл настроил на ее отпечатки пальцев — она открывалась после прикосновения ее руки. Джин много раз звонила туда, но к видеофону никто не подходил. Она съездила к нему домой. Ни следа Кайла. И ничего подозрительного.

Тут в дело предстояло вступить мне.

— Ладно, — сказал я. — Плата — две сотни в день плюс расходы.

— Заметано, — кивнула она.

Я подкинул монету на ладони.

— Она стоит больше, чем неделя аванса.

— Если вы найдете его меньше чем за неделю, даже сегодня — монета все равно ваша.

Да, она действительно очень хотела найти своего парня!

Я сказал ей, что днем буду занят; мы с клоном договорились встретиться на квартире у Бодайна ближе к вечеру.

Выждав немного после ее ухода, я вскочил в пневмотрубу и полетел вниз. Скоро я очутился на уровне земли. Прежде чем лететь в Манхэттен, необходимо было избавиться от монеты. Не только потому, что владеть ею противозаконно, но еще и потому, что ее могли украсть прежде, чем я обменяю ее на кредитки.

Я знал, куда мне идти, и отправился в такое место, где не принято задавать лишних вопросов.

II

Заранее никогда не знаешь, на что будет похож бар Элмеро в следующий раз. Большинство владельцев заведений выбирает постоянный внешний вид. Элмеро же поступает наоборот. Меняет голографический фасад в соответствии с настроением. Сегодня он, к моему удивлению, выбрал голограмму старинного салуна в Аризоне. Синее небо, яркое солнце; крыльцо из неотесанных бревен. И даже лошади. Кони, привязанные у коновязи, пили воду из корыта.

Здесь, на уровне земли, настоящее солнце не светит никогда.

Внутри, в баре, было обычное столпотворение. Несмолкаемый гул голосов; испарения и перегар. И, как всегда, в ближнем углу, на видеостене, бубнит Информпоток. Издали я разглядел смазливое личико дикторши седьмого канала. Она вела выпуск последних новостей из

Центральной базы данных. Из-за загородки в самом темном углу послышался чей-то вой — там играли в «Патруль Проциона». Игрок — никогда его раньше не видел — вывалился из-за загородки, держась за плечо, и покатился по полу. Куртка у него на плече была прожжена. Вскоре ему удалось затушить огонь; он встал, встряхнулся и вернулся за загородку. Посетители приплачивают Элмеру, чтобы поиграть у него в «Патруль Проциона», с тех пор, как он частично отключил глушители вражеских лазеров. Когда враги стреляют в ответ, они действительно стреляют. И в игре можно получить серьезную травму. Вот почему подправленные автоматы вне закона.

Элмеру специализируется на всем нелегальном.

Док махнул мне из-за своего столика. Минн тоже углядела меня из-за барной стойки. Она взяла пузырек с «дьюаровой зеленкой» — моим обычным заказом — и вопросительно подняла брови. Я жестом показал, что не буду. Сейчас не то настроение, чтобы нюхать или затягиваться. Мне необходимо было пообщаться с боссом. Я показал в направлении задней комнаты, и она кивнула.

— Занят, Элм? — спросил я, чуть-чуть приоткрывая раздвижную дверцу и просовывая внутрь голову.

— Зиг! Входи!

Так я и сделал и дверь за собой прикрыл.

— Зиг, ты выглядишь еще хуже, чем всегда.

Он никогда не упускает случая поиздеваться над моим землистым цветом лица.

— Спасибо, Элм. Не всем же быть такими здоровяками-хитрованами, как ты.

Ростом Элмеро вымахал под два метра; однако при всей высоте он жутко тощий. И ноги вечно заплетаются одна за другую. Он нажал кнопку и привел свою раздвижную лежанку в сидячее положение. Я давно завидовал его креслу. Наверное, у него самое удобное кресло во всем освоенном космосе. В один прекрасный день, если я разбогатею...

— Чем я могу тебе помочь?

— Мне нужно кое-что обменять. — Я щелчком швырнул ему монету.

Он подкатился в кресле к угловой полке и бросил монету в чашу настольного анализатора, который взвесил монету, оценил по отношению к сегодняшнему курсу золота и выдал цифру, видную только Элму. Элм любит золото. Он проворачивает массу незаконных делишек и предпочитает не связываться с официальными обменными пунктами. Вот почему золото для него — универсальное средство обмена.

— Даю тебе за нее тысячу шестьсот.

Монета стоила все две тысячи, и мы оба это знали, но Элмеро обожал торговаться.

— Я рассчитывал получить тысячу шестьсот — тысячу семьсот чистоганом, после вычета налогов.

Он улыбнулся. Говорил я ему — такие ухмылочки ему не к лицу.

— Может, сойдемся на полутора тысячах? — предложил он.

— Заметано, — сказал я. Именно столько я и рассчитывал получить от него.

Он подошел к панели расчетов и ввел все нужные данные. Номер моего удостоверения он помнил наизусть.

— Готово, Зиг, — сказал он наконец. — Я только что заплатил тебе восемнадцать сотен за неделю работы. Какую дату проставить?

Я пожал плечами:

— Все равно.

Он снова застучал пальцами по клавишам. Мы подождали пару секунд, потом я подошел к его кредитному терминалу и приложил большой палец к окошку. Нажав на кнопку, я выяснил, что на моем счете 1522 кредитки — после автоматического вычета налогов. По крайней мере, больше я не буду получать красных огней и могу перестать извиняться и врать, что мой транспондер требует замены. Постоянное вранье надоедает и как-то... смущает.

— Вот что, Элм... Сегодня я видел фальшивую грин-карту.

— Как так? — Казалось, мои слова его ничуть не взволновали.

— В общем, карта на самом деле не принадлежит ее владельцу.

— Если генотип владельца не соответствует тому, что введен в карточку, и если эти данные не сочетаются с данными Центральной базы данных, документ гроша ломаного не стоит. С такой фальшивкой будет ходить только последний псих.

Он явно меня не понял.

— Я как раз и толкую о Центральной базе данных — изменения были внесены туда.

Элм пожал плечами:

— Такое тоже случается. Не обычным способом, конечно, но, если знать нужных людей и хорошо заплатить, можно изменить что угодно. Удаляют записи о преступлениях, меняют кредитную историю. Не ври, будто впервые слышишь о подобных проделках.

— Не впервые. А ты когда-нибудь слышал о том, чтобы клона перевели в категорию настоящих?

Наконец-то Элм проявил хоть какой-то интерес к моим словам: брови его едва заметно поползли вверх.

— Трудновато... Те, кто в состоянии произвести замену, могут отказать, невзирая на цену. — Он снова нехорошо ухмыльнулся. — Так сказать, по принципиальным соображениям.

— Но могут и не отказать?

— Могут... если у тебя найдется образец ткани для идентификации генотипа, а еще если тебе встретится хороший посредник — прожженный и изобретательный мошенник, которому сам черт не брат.

— Вроде тебя?

Элм с самодовольной улыбкой откинулся на спинку кресла и сцепил пальцы домиком. Элмеро нравится воображать, будто он — король преступного мира.

— То, что ты сказал, не находится за пределом моих способностей.

Я задал главный вопрос:

— Тебе доводилось проворачивать нечто подобное?

— Нет. — Он медленно качнул головой. — Но если бы мне представилась возможность, я бы не отказался.

Невероятно!

— И ты бы помог тупой ходячей опухоли сойти за настоящую?

— Бизнес есть бизнес. И потом, клон — такая же «опухоль», как и однояйцовый близнец. Что касается тупой... Знаешь, если бы все твое образование сводилось к уходу за собой да овладению техникой секса — собственно говоря, больше ничему их не учат, — ты был бы еще большим занудой, чем сейчас.

— Спасибо, Элмеро, — рассмеялся я и встал. — Вот не знал, что ты заделался клонолюбом!

— Всегда пожалуйста, Зигмундо. Только не оскорбляй старших!

III

При помощи голографии жилой комплекс был оформлен под индейскую глинобитную деревню. Не забыли про самих индейцев, про сигнальные костры, приставные лестницы и прочее. Отличная работа. Сразу и не поймешь, что все ненастоящее.

Не знаю, почему жилой комплекс, в котором находится квартира Бодайна, называется Центральным Парком. Никакого парка там нет и в помине. Кроме мха, во всем нашем мегаполисе на уровне земли никакой зелени не осталось — разве что в садиках на крышах. Может быть, когда-то давно, в древности, здесь действительно был парк. Но какая теперь разница?

И почему в голову лезет такая ерунда?

Как мы и договорились, клон Джин Харлоу ждала меня на Пятой, у входа на уровне первого

этажа. Я лавировал между лужами по обомшелой улице и вдруг увидел ее. Она сидела на корточках рядом с маленьким мальчиком — на вид ему было не больше двух-трех лет. Она держала малыша за руку и что-то ему втолковывала. Лицо у нее было очень оживленное; должно быть, малыш решил, что она смешная, потому что он хотел так, словно она была самым великим комиком Джоуи Хосе.

Я знал, что малыш не один. Поискал глазами его стражу и нашел их — трое десятилеток стояли чуть поодаль, пристально разглядывая прохожих. Обычно банды детей-беспризорников используют малышей в качестве попрошаек. У них сложился своего рода симбиоз. Нелегально рожденных детей — тех, что превысили квоту по самозамещению, — подбрасывают в подземные уровни. Банды малолеток подбирают их, воспитывают, учат попрошайничать и велят в свою очередь заботиться о следующем поколении беспризорников. Вечный двигатель какой-то!

Интересно, как бы поступили охранники малыша, если бы узнали, что он держит за руку клона? «Смотри, клон тебя заберет!» — любила угрожать мама, когда я баловался в детстве. Я долго их боялся. Всем известно: как только клонов выводят, их сразу стерилизуют. В обязательном порядке. Так что, видимо, клоны действительно иногда крадут детей — раз не могут заводить своих. Хотя я никогда не слышал о том, чтобы клон действительно украл ребенка, слухи об этом ходят постоянно.

Старшие дети заметили, как я направляюсь к малышу и клону. Должно быть, они решили, что

я представляю для них потенциальную угрозу; стоило мне подойти поближе, как они мигом подхватили малыша и унеслись прочь.

Клон смотрела вслед убегающим детям, и на лице у нее появилось такое тоскливое выражение, что даже меня проняло. Может, слухи не врут и клоны в самом деле так отчаянно хотят родить детей, что готовы их красть?

Мы вместе вошли в жилой комплекс Центрального Парка. Приятно оказаться на улице, подышать прохладным октябрьским воздухом и сыростью, что веет от земли. Когда мы шли по главной аллее, я увидел, как исказилось ее лицо — словно ее скрутило судорогой.

— Что с тобой?

Лицо тут же приобрело нормальное выражение.

— Ничего.

— Не ври. У тебя все лицо перекосилось.

Она улыбнулась — как мне показалось, застенчиво.

— Я просто играю... — Она показала пальцем куда-то вперед. — Видите даму вон там, слева? Поглядите, какая у нее кислая физиономия: как будто она только что съела лимон.

Я посмотрел, куда она показывала. Точно, у старушки вся физиономия в складках. Я посмотрел на клона. Джин Харлоу-К замечательно изобразила старушку, которая будто бы съела лимон.

— Тренируешься? Пытаешься сойти за настоящую?

— Нет. Просто развлекаюсь. А как вы развлекаетесь, мистер Дрейер?

Я открыл было рот, но передумал. Какое ей дело? Мною овладело смутное беспокойство. Оказывается, я не могу придумать ответ! Ведь должен же я как-то развлекаться?

— Уж я для развлечения не езжу в Дайдитаун, можешь быть уверена, — промямлил я под конец. Неубедительно.

Я обрадовался, когда мы сели в кабину пневмотрубы и понеслись вверх, по направлению к той секции, где находилась квартира Бодайна.

Мы вышли на двадцать седьмом уровне и подошли к нужной двери. Клон отперла замок, приложив к двери ладонь. Она шагнула на порог, но тут же остановилась — так резко, что я налетел на нее.

Открыл рот, чтобы как следует отругать ее, но тут автоматически зажегся свет, и я осекся.

Все оказалось перевернуто вверх дном.

— Класс, — заметил я.

Оставив клона у двери, я прогулялся по квартире. Осветительные приборы, подушки, мебель, даже ковер — все места, в которых можно было что-то спрятать, разрезаны на мелкие кусочки и вывернуты наизнанку. Хорошо потрудились. Что бы тут ни искали и кто бы ни искал — они очень хотели это заполнить.

— Говоришь, твой Бодайн работает в импортно-экспортной фирме?

Она кивнула, не разжимая губ.

— И что же он импортирует или экспортирует?

— Я... не знаю.

Лгунья из нее никудышная.

— Твоего дружка ищет кто-то еще.

— Но зачем?..

— Сама скажи.

Она покачала головой:

— Сказала бы, если бы знала.

Я снова ей не поверил.

— Пошли отсюда, — заявил я. — Ребята, которые здесь порезвились, могут вернуться. Очень не хочется подвернуться им под руку.

Вывел ее в холл; дверь за нами закрылась.

— Вы с ними справитесь?

— Разумеется, но потом весьма утомительно объяснять, откуда взялась гора трупов!

Пусть думает, будто я крутой. Откровенно говоря, при виде той квартирки мне стало не по себе. Одного взгляда хватило, чтобы понять: дело не только и не столько в пропавшем дружке. Я понятия не имел, что происходит, но мне захотелось как можно скорее оказаться подальше от жилого комплекса Центрального Парка и по пути не налететь на недружелюбно настроенных противников.

Оружия с собой я, как всегда, не взял. Да если бы и взял, разница была бы небольшая — я не чемпион по меткости. Если честно, стреляю я паршиво. Да и в рукопашной схватке от меня мало толку. Я пока не выяснил, в чем от меня есть толк, но твердо знаю: не в стрельбе и не в кулачном бою.

Мы вышли из пневмотрубы, завернули за угол и, как положено по инструкции, полетели в сторону центральной аллеи. Там нас понесло к выходу. Мы пролетали мимо пятнадцатого этажа, когда к нам присоединились два мрачных типа — огромных, плотных, в свободных

комбинезонах. Они опустились на наш уровень по перекладинам. Я углядел под мышками у них небольшие выпуклости. Двое громил могли бы сойти за родных братьев; разве что у того, что справа, был большой красный нос, а у парня слева от меня недоставало мизинца на правой руке. Если человек по собственной воле отказывается от трансплантации отсеченного органа или от протеза, значит, у него сильный характер. Не хотел бы я спорить с таким человеком.

Появление двоих громил мне совсем не понравилось. Я взял клона под руку и постарался сказать как можно беззаботнее:

— Давай спустимся на пятый и поглядим, дома ли твоя мать.

Она вздрогнула, но не успела ничего сказать, потому что мясистая лапища с четырьмя пальцами ухватила меня за левое плечо, а скрипучий голос произнес мне в ухо:

— Твоя следующая остановка — первый этаж!

— Заметано, — согласился я. — Твоя мать мне никогда не нравилась.

— Да что с тобой такое?! — удивилась клон.

— Ничего. Не дергайся и делай то, что велят эти симпатичные ребята.

Она посмотрела направо, налево, и вдруг в глазах у нее заплескался страх. Это подтвердило мои подозрения: ей известно гораздо больше того, что она мне рассказала.

Клон, ходячая опухоль, меня обманула! Может быть, подставила! Работать на клона и так противно, но чтобы клон еще и обвел вокруг пальца! Я полный придурок.

Когда мы опустились на центральную аллею, где действовала сила тяжести, я взял ее под руку, как будто она настоящая. Мне вряд ли поможет, если все поймут, что моя спутница клон.

— Куда мы идем? — спросил я наших конвоиров.

— Тут недалеко, — ответил четырехпалый.

Они повели нас по аллее прямо к пневмоэкспрессу, который без остановок домчал нас до парковки на крыше. Все восемьдесят этажей мы пролетели в молчании. В полуметре от крыши плавно покачивался дорогуший флитер — спортивная модель, роскошный «ортега скарлет бриз». За пультом управления сидел еще один громила. Мы влезли внутрь и взмыли вверх, туда, где яркое солнце — настоящее, не голограмма — таяло в полуденной дымке.

— Кто хочет нас видеть? — вежливо и беззаботно спросил я.

Четырехпалый, видимо, был уполномочен говорить от имени всей троицы. Он дал нам, как всегда, подробный и пространный ответ:

— Йокомата.

— Ага, — сдавленным голосом произнес я. — Йокомата, значит. Просто прекрасно!

Йокомата — крупная фигура в криминальном мире Бозиоркингтона. Не самая крутая, не такая, как, к примеру, Эстервин или Лютус, но работает чисто, выше среднего уровня.

Я бросил на клона выразительный взгляд:

— Полагаю, ты ужасно удивлена.

Клон ничего не ответила, но ее испуганные глаза сказали мне все.

IV

Судя по средним размерам королевскому тираннозавру, свободно мотавшемуся по саду, Йокомата не жаловала нежданных гостей.

Особняк Йокоматы оказался Тадж-Махалом в миниатюре — разумеется, голографическим. Углы великолепного дворца чуть подрагивали. Понятия не имею, как выглядит ее жилище на самом деле. Возможно, за голографическим фасадом ее дом представляет собой обыкновенную металлическую коробку.

Когда флитер медленно и плавно перелетел через стену, десятиметровый тираннозавр направился в нашу сторону, топча мощными задними лапами траву. Когда он подошел почти вплотную и стала видна его огромная красная слюнявая пасть и сверкающие в багровом солнечном свете зубы сантиметров в двенадцать, пилот взмыл вверх, издав утробное рычание. Челюсти тираннозавра лязгнули в воздухе; мы услышали лязг даже через звуконепроницаемые стенки летательного аппарата.

Красноносый не слишком любезно треснул пилота по затылку:

— Ты что, совсем рехнулся? Когда-нибудь подлетишь слишком близко — и привет!

Я посмотрел в заднее окошко. Тираннозавр по-прежнему топал за нами; он проводил нас до самого дома и долго следил за флитером своими мутными черными глазками. Наконец мы сели на крышу дворца и оказались вне пределов видимости рептилии. С крыши вниз вела лестница; мы спустились и вдруг увидели саму Йокомату, которая сидела за столом.

Она внимательно разглядывала нас; ее черные глазки были не добрее глазок ее плотоядного любимца, стерегущего двор. Йокомата оказалась крупной женщиной с широким желтым лицом. Она была похожа на... представьте себе борца сумо на пенсии, который какое-то время просидел на диете из сои и воды.

— Я не намерена тратить на вас больше времени, чем необходимо, — заявила она вкрадчивым, утомленным голосом, вынимая из аппарата две распечатки. — Мне известно, кто вы: девушка из Дайдитауна, клон Джин Харлоу, и Зигмунд Дрейер, никудышный — очень никудышный — мелкий сыщик. — Она перевела взгляд на меня. — Я хочу знать, что вы делали в квартире Кела Баркема.

— Какого еще Кела Баркема?! — удивилась клон Джин Харлоу. — Мы были дома у Кайла Бодайна.

Йокомата посмотрела на четырехпалого; тот кивнул:

— Он снял ее несколько месяцев назад под этим именем.

Йокомата по-прежнему не сводила глаз с четырехпалого.

— Спроси, как она оказалась в его квартире.

— Я искала его. — Девушка не стала дожидаться, пока четырехпалый откроет рот. — Мы с ним должны были встретиться в пятницу ночью, но он исчез.

— Значит, она наняла Дрейера, чтобы тот нашел его? Неужели она так интересуется всеми своими клиентами?

— Разумеется, нет! — вспылила девушка-клон. Я понял: сейчас она проболтается. Но остановить ее не сумел. — Мы с ним собирались пожениться.

На секунду-другую в комнате воцарилось молчание. Первым нарушил его красноносый; он вскрикнул и разразился хохотом. Ему вторили четырехпалый с пилотом. Клон покраснела и поджала губы. Только Йокомата оставалась невозмутимой.

Вот что встревожило меня больше всего. Йокомата лично допрашивала нас! Значит, местонахождение Кайла Бодайна — он же Кел Баркем — настолько важно для нее, что она не доверила допрос ни одному из своих подчиненных.

Когда хохот наконец стих, она уставилась на меня в упор. Желудок у меня подпрыгнул вверх и очутился где-то в горле. Нет, я не задрожал, даже не шелохнулся; просто застыл на месте.

— Что же вы узнали с тех пор, как вашей клиенткой стала шлюха из Дайдитауна?

Я постарался как можно беспечнее пожать плечами.

— Почти ничего, кроме того, что ваши люди грубо работают. В том бедламе, что они устроили, можно спрятать целый труп. А еще мне стало ясно: вам зачем-то очень нужно разыскать того парня.

— Маловато!

— Я ищу Бодайна... или как его там... всего полдня. Я, конечно, мастер своего дела, но не настолько же!

Йокомата вышла из-за стола и направилась ко мне. Она оказалась выше, чем мне представлялось.

— Никакой вы не мастер, мистер Дрейер. Те немногие, кто слышали о вас, уверяют, что вы когда-то были молодцом, но теперь вы просто жалкий оборванец, который подбирает чужие объедки. Правда, я не успела выяснить, какого мнения придерживаются о вас клоны.

— Мы считаем, что он честный, — вмешалась Джин Харлоу-К.

Мы с Йокоматой не обратили на нее внимания. Йокомата — потому, что намеренно игнорировала ее присутствие, а я ни за что не позволил бы клону выступать в мою защиту.

— Сюда. — Йокомата жестом подозвала меня к стене. — Хочу кое-что вам показать.

Когда мы подошли, стена стала прозрачной, и перед нами открылся внутренний дворик.

— Красивая трава, — похвалил я. — Неужели сами подстригаете?

— Смотрите, — сказала она, пропустив мой вопрос мимо ушей. — Сейчас начнется.

Я стал смотреть. Любовался травой, деревьями, которые отбрасывали длинные тени. И деревья, и тени покачивались от легкого ветерка. Уже собирался отвернуться, когда что-то вынырнуло из кустарника у дома. Коричневая спина, белый живот, тонкие ноги, грациозная шея. Я видел такие существа на картинках. Безрогий олень. Вернее, олениха.

Олениха покружила по двору и вдруг застыла на месте, словно превратившись в статую. Внезапно она рванулась в сторону. Но было уже поздно. Серо-зеленое чудовище вынырнуло из засады, набросилось на олениху и откусило ей голову.

Я услышал, как вскрикнула клон у меня за спиной, когда из перскушенной шеи брызнули в воздух два фонтана крови. Тело дернулось. Вначале мне показалось, будто туловище оленихи сумеет бежать и без головы. Потом ноги у туловища подкосились, и оно рухнуло на траву. Тираннозавр ухватил челюстями туловище оленихи за заднюю часть и потряс, смахивая траву. Быстрый поворот головы, судорожный глоток — и оленихи не стало.

— Класс, — сказал я.

— Наводит на определенные размышления, правда? — прошептала Йокомата, стоящая рядом.

— И на определенные выводы, — кивнул я. — Если олень что-то знал, он уже никому ничего не расскажет. Не заговорит никогда.

Йокомата некоторое время молчала, а потом велела:

— Пойдемте со мной.

Мы все спустились вниз, на другой этаж. Здесь мебели было поменьше, чем наверху. Она жестом приказала мне сесть в мягкое кресло:

— Устраивайтесь поудобнее. Я хочу задать вам несколько вопросов.

Я сел...

И попал в ловушку. Из ткани выскочили металлические наручники и сковали мои запястья и лодыжки.

Таким тоном, словно она заказывала завтрак, Йокомата приказала:

— Введите ему сыворотку правды.

Меня охватила тревога; я выгнулся, пытаюсь взломать браслеты. Я понимал, что они не поддадутся, но надо было хотя бы попробовать.

— Я уже сказал все, что мне известно! — завопил я. — Больше ничего вы от меня не узнаете!

Йокомата не обратила на мои слова никакого внимания. Она хотела убедиться в том, что я сообщил ей все, что знал. Если бы я сумел придумать, как убедить ее — любым способом! — уж я бы постарался ей это доказать. Все, что угодно, лишь бы избежать сыворотки. Но в голову отчего-то не приходила ни одна умная мысль.

— Что с клоном делать? — спросил красноносый.

В первый раз Йокомата улыбнулась. Голос ее презрительно дрогнул:

— Баркем представился ей под вымышленным именем и сказал, что собирается на ней жениться.

Достаточно.

— Что происходит? — спросила клон.

Четырехпалый вытянул из стены полочку, на которой лежал шприц-пистолет, и подошел ко мне. Я услышал справа голос клона:

— Что вы собираетесь делать?

Сыворотка хуже смерти! Я готов был на что угодно, на какие угодно пытки — только не на сыворотку! Но я был не в силах помешать неизбежному. Когда четырехпалый небрежно приложил шприц к моему предплечью и спустил курок, все силы у меня ушли на то, чтобы напрячь прямую кишку и не обделаться от страха. Послышалось тихое шипение. Струя наркотика прошла под кожу и стала всасываться в кровь.

Ну и ощущение! Я опал в кресле, стараясь не развалиться на кусочки. Пройдет совсем немно-

го времени, и я выложу все, о чем меня ни спросят!

— Дайте знать, когда он будет готов, — бросила Йокомата, выходя.

Клон Джин Харлоу направилась ко мне:

— С вами все в порядке?..

Красноносый рывком отшвырнул ее назад:

— Отойди от него! — Прикосновение к ней, казалось, навело его на новую мысль. Он посмотрел на четырехпалого. — Нам с тобой крупно повезло, приятель! Есть время расслабиться и девчонка из Дайдитауна, с которой можно поразвлечься.

— Звучит неплохо, — заявил четырехпалый.

— Сейчас я не в настроении заниматься делами, — возразила клон.

Красноносый потащил ее в заднюю комнату.

— Сейчас будешь.

— Я пожалуйюсь хозяину! — Голос у нее стал визгливым.

— Не волнуйся. Йокомата твоего хозяина с потрохами купит.

Все трое исчезли. Я даже головы не повернул, чтобы проследить за ними. Просто сидел в кресле, обливаясь потом, и ждал. Где-то в доме бубнил Информпоток. Из задней комнаты слышался шум борьбы. Протестующие крики. Потом я услышал звонкую пощечину; девушка охнула от боли. Но я не особенно вслушивался. Все мои мысли сосредоточились на одном: скоро они вернутся и начнут допрашивать меня. О чем бы меня ни спросили, я выложу им всю правду.

Спустя какое-то время вернулась Йокомата. Она огляделась, метнула раздраженный взгляд в

сторону задней комнаты, а потом направилась ко мне.

— Ваше полное имя!

Слова вылетали из меня как будто сами по себе.

— Зигмунд Чандо Мерландри Дрейер.

— Где вы живете?

Я назвал адрес квартиры в Бруклине, а заодно сообщил адрес офиса в комплексе «Верразано», потому что иногда я остаюсь там ночевать. Под действием сыворотки человек ничего, абсолютно ничего не в состоянии утаить!

Наши голоса, видимо, дали понять красноносому и четырехпалому, что хозяйка вернулась. Они ввалились к нам, на ходу застегивая штаны. Йокомата встретила их ледяным взглядом.

— Вы женаты? — спросила она меня.

Я попытался удержаться, но ответ вылетел помимо моей воли:

— Был... сейчас нет... но это не ваше дело!

Йокомата улыбнулась:

— Вижу, вы уже готовы. А теперь скажите: вы утаили какие-либо сведения о Келе Баркеме?

— Нет.

— А о Кайле Бодайне?

— Нет.

— Когда вы впервые слышали имя Кел Баркем?

— Несколько минут назад.

Йокомата небрежно кивнула своим подручным:

— Хватит. Ведите их наверх. Только нигде не задерживайтесь!

Я вздохнул с облегчением. Все оказалось не так уж страшно. Она не задала ни одного лич-

ного вопроса. Йокомату интересовал только тот тип, Баркем, или Бодайн. Я настолько расслабился, что мне даже стало любопытно. Почему он так ее интересуется?

— Пойду приведу клона, — заявил четырехпалый, когда Йокомата ушла.

— А я освобожу нашего приятеля. Но сперва... — Он поглядел в спину своему дружку, потом повернулся ко мне. На губах его заиграла мерзкая улыбочка; глаза словно подернулись слезью. — Был женат, значит? Где же твоя жена? Небось сбежала, когда узнала, что ты — клонолюб?

Я попытался запеть, вспомнить какие-нибудь стихи, закричать, зарычать, выругаться, но мой рот меня не послушался и без колебаний выпалил:

— Она уехала. Восемь лет назад. Туда, куда улетають нормальные люди.

— Бросила тебя, да? И на далекой планете спуталась с каким-нибудь вонючим фермером! Какая жалость! Значит, теперь ты занимаешься этим с клонами?

— Нет.

— Тогда с кем?

— Ни с кем.

— Ни с кем? Так не бывает. С кем же ты ловишь кайф?

Я хотел закричать, зарыдать: «Не надо так со мной!» Но не смог. Я прикусил губу, прокусил ее почти насквозь, но все же не смог сдержаться. И тут клон подбежала ко мне и закричала:

— Послушайте! Так нечестно!

Не меняя выражения лица, красноносый полуобернулся и со всей силы врезал ей по лицу

тыльной стороной ладони. Она пошатнулась и чуть не упала. Из разбитой губы потекла кровь. На ее неправдоподобно белой коже кровь казалась тоже неправдоподобно красной.

Потом красноносый повернулся ко мне:

— Повтори, что ты сказал.

Я был беспомощен.

— С дискетками.

У него отвисла челюсть; глаза засверкали от радости.

— Он околпаченный! — завопил он. — Околпаченный!

Зашел сбоку и взъерошил мне волосы. Почти сразу он добрался до средней линии черепа и нашел то, что искал.

— Вот она, коробочка! Он околпаченный! — Красноносый снова встал передо мной. — Твоя женушка узнала, что ты околпаченный, и сбежала? Так, что ли?

— Нет!

— Тогда почему она тебя бросила?

Я попытался вызвать рвоту. Все, что угодно, лишь бы положить конец пытке! Но слова вылетали из меня помимо моей воли.

— Я не мог удовлетворить Мэггс ни в эмоциональном, ни в физическом плане — ни в каком; поэтому она забрала Линни и бросила меня восемь лет назад.

— А, значит, ты околпачился после того, как они улетели! В чем дело? Не смог найти себе живую бабу? Получаешь удовольствие только от дискетки?

— Нет!!! — Да кончится ли это когда-нибудь?

— Тогда в чем дело, околпаченный?

— Так легче, приятнее, удобнее и лучше. Нет «до» и «после», нет никого, кроме меня, и мне не нужно быть ни с кем, и я больше не хочу ни с кем иметь дело!

Я слышал, как признаюсь чужакам в том, в чем не признаюсь даже самому себе! Будь у меня возможность, я бы прикончил красноносого на месте. Но мои запястья и лодыжки были намертво прикованы к креслу. Я не мог поднять голову, не мог взглянуть никому в глаза и напрягал все силы, чтобы не завывать от стыда и отчаяния.

V

Мы снова стояли перед столом Йокоматы, только теперь клон опиралась на меня. Видимо, после оплеухи, которую закатил ей красноносый, у нее до сих пор подкашивались ноги. Ладно, пусть прижимается. Я смотрел прямо перед собой. Мне хотелось только одного: поскорее убраться отсюда.

— ...Итак, мы возвращаем вас в город, — говорила Йокомата. — Если меня спросят, я знать вас не знаю; разумеется, вы тоже никогда здесь не были. Если хотите, можете продолжать поиски человека, известного вам под именем Кайла Бодайна. Хотя сомневаюсь, чтобы вам удалось отыскать его раньше меня.

— Это точно! — вставил красноносый, презрительно хохотнув.

Йокомата прищурилась:

— Но если вы случайно — повторяю, случайно! — наткнетесь на какие-то полезные сведения,

вы должны немедленно передать их мне. Понятно? Если ваша информация поможет мне найти его, вы получите награду. Но если вы что-то утаите...

Она бросила взгляд в сторону стены, выходящей во двор. Сейчас стена вновь стала непроницаемой, но я-то помнил: там, в саду, бродит тиранозавр.

Нас провели наверх, на крышу, и затолкали на заднее сиденье «ортеги». Четырехпалый и красноносый остались на крыше, поручив нас заботам пилота. Окопаченный и деэушка из Дайдитауна не представляли в их глазах никакой угрозы; вдобавок пилотское кресло отделено от заднего ряда сидений прозрачной непробиваемой перегородкой.

Мы взмыли в темнеющее небо и полетели на восток. Пилот спросил, где нас посадить. Я велел доставить меня в комплекс «Верразано», а клона — в Дайдитаун.

— Я выйду с вами, — заявила она.

— Нет.

— Мне нужно с вами поговорить.

— Нет!!!

— Но почему?

В мозгу у меня до сих пор работала сыворотка; слова полились бешеным потоком:

— Потому что на сегодня с меня хватит твоего вранья; потому что я хочу остаться один. Не желаю, чтобы ты пялилась на меня. А если ты задашь мне хотя бы еще один вопрос, я вышвырну тебя отсюда! — Под конец в моем голосе послышались истерические нотки.

— Извините, -- произнесла она дрожащим голосом и вдруг, уткнувшись мне в плечо, горь-

ко разрыдалась. Я услышал, как она бормочет: — Ну почему? Почему у меня все идет не так, как надо?

— Ты промочишь мне комбинезон, — сказал я.

Она отпрянула. На щеках у нее блестели слезы; они стекали вниз, смешиваясь с кровью из разбитой губы. Мой комбинезон спереди уже украшало темное пятно из крови со слезами. Я испытал угрызения совести, вспомнив, что ее ударили после того, как она попыталась помешать красноносому совать нос в мою личную жизнь. Как ни неприятно, я ее должник.

Когда девушка-клон снова уткнулась мне в плечо, я ее не оттолкнул. Все равно комбинезон уже испорчен.

VI

Оказавшись дома, я задвинул за собой дверь и прислонился к ней. Один, слава Ядру! Наконец-то я один. Никогда еще моя комната не казалась мне такой уютной.

Выветрилась ли сыворотка? Я не знал. Теперь, когда я остался один, это не имело значения. Но... после допроса, который учинил мне красноносый, я чувствовал себя мерзопакостно — хуже некуда. Сволочь паршивая! Он полез туда, куда не имел права заглядывать, выставил на посмеище правду обо мне, которая никогда не должна была выплыть на свет. Он...

Я думал, что сейчас взорвусь.

Но не взорвался. И не взорвусь. Даже не надейтесь!

Я сорвал с себя заляпанный кровью комбинезон и пошел в душевую кабину. На меня полились струйки горячей воды с ферментами, но удовольствие было недолгим. Порция, выделенная мне, закончилась, и в дело вступили вентиляторы. Они высушили капли влаги, которая не ушла в сливное отверстие, вернувшись в систему рециркуляции.

Я бросился на измятую кровать и стал вслушиваться в монотонный шум, свойственный всем крупным жилым комплексам. В моей квартире некоторое время было тихо. Потом из кухни донеслось скрипение и царапание, а чуть позже я услышал резкий шлепок.

Я поднял голову и увидел Игнаца. Он с довольным видом сидел в углу и чавкал. Добрый старина Игнац всегда на посту. Никогда меня не подводит. Тараканы научились переваривать яды, выключать ультразвуковые отпугиватели, но еще ни один не устоял против голодной игуаны. Тараканы для него — любимое лакомство. Игнац целыми днями готов глотать, жевать и переваривать их.

Я встал и принялся мерить шагами свою комнатушку. Мне стало лучше, но все равно на душе было мерзко. Не хотелось никуда идти, ни с кем общаться... особенно с самим собой.

Мое внимание привлекло голографическое изображение Линни на полке слева от кровати. Мэггс изготовила его для меня перед отъездом. Особая голограмма, запрограммированная изменяться соответственно возрасту ребенка.

Когда Мэггс увезла Линни, ей было пять лет. Сейчас ей тринадцать; возможно, она похожа на девочку-подростка, которая смотрит на меня с

голограммы. Я часто ломал голову, зачем Мэггс оставила мне голограмму. Из сострадания или из мстительности?

Если бы только...

Неожиданно для самого себя я оказался у шкафчика с дискетками.

Возвращаясь от Йокоматы, я дал себе слово, что больше никогда не воспользуюсь дискеткой. Обещал, что разблокирую мозги. Я знаю, как говорят: раз сел на дискетки, это уже навсегда. Не важно, что бы ты ни сделал, дискетка всегда останется частью твоего сознания, и ты невольно будешь сравнивать с ней ощущения от живых людей... и находить в людях недостатки.

Но пора остановиться. Особенно сейчас, когда моя тайна стала известна типам вроде Йокоматы и ее подручных... да еще клону! Надо, надо разблокироваться. Я не смогу еще раз пережить такое унижение, как сегодня. Надо остановиться...

Но только не сегодня.

Сегодня я больше, чем когда-либо, нуждался в дискетке. Я порылся в шкафчике, вытянул одну наугад и поспешил в постель. Как обычно, голограмму Линни я снял с полки и сунул в ящик. Не хотел, чтобы она смотрела на меня. Потом я рухнул на матрац. Вставил дискетку в металлическую коробочку, вживленную в череп, и лег на спину, дожидаясь, пока импульсы начнут действовать.

Вначале медленно... легкие прикосновения, легкая дрожь удовольствия и предвкушения... она на нем, он на ней, обоюдное удовольствие, нарастает, нарастает, окутывает со всех сторон, возбуждение подступает, обжигает, усиливается.

Все тело становится сплошной эrogenной зоной — даже те места, где ничего не должно ощущаться. Рецепторы мозга находят способы передать возбуждение... оно нарастает и нарастает, и наконец происходит неизбежное; счастье кажется таким близким и вместе с тем таким обманчиво далеким... мое тело выгибается, я опираюсь о матрац только пятками и затылком... возбуждаясь все больше, пока удовольствие не накрывает меня с головой...

И я засыпаю.

VII

Еще не пробило полдень, а я вновь оказался в баре у Элмеро. Почти все, что случилось вчера, казалось мне сном, но какая-то часть меня застыла в оцепенении, сосредоточившись на металлической коробочке, вживленной в ямку на затылке. Док кивнул мне, как обычно; завсегда-тай бара тоже. Никто не свистел, не улюлюкал, не вопил: «Околпаченный!» Не знаю, чего я ожидал. Из-за того, что о моей тайне узнали несколько человек, я боялся, что о ней стало известно всем.

Элмеро встретил меня своей обычной мерзкой улыбочкой:

— Снова принес золотишко?

— Может быть, скоро принесу еще. А сейчас мне нужно кое-что выяснить об одном парне. Его зовут Кайл Бодайн. Слыхал о таком?

— Никогда.

— А о Келе Баркеме?

Элмеро расхохотался:

— Еще бы! Вот кого мне хочется найти больше всего на свете!

— Что ты имеешь в виду?

— За него назначена награда. Пятьдесят кусков за мертвого и сто — за живого. Сейчас все ищут Баркема!

А я и забыл о награде, обещанной Йокоматой. Крупный куш. Значит, Баркем-Бодайн очень нужен Йокомате.

— Скажи, чем он так насолил Йокомате?

Элмеро передернул плечами:

— Точно никто не знает, но я слышал, он как-то связан с кражей крупной партии зема.

Ясно. Всем известно, что Йокомата промышляет наркотиками. А земмелар, или, проще говоря, зем, — последний писк моды.

Когда-нибудь я тоже обязательно попробую зем, но пока у меня и без него проблем хватает. Я и так завис на дискетках, а зем — самый мощный, вызывающий привыкание, находящийся под строгим контролем синтетический наркотик, производимый во всем освоенном космосе. Я знаю одно: если придется умирать, последние часы я хочу провести нанюхавшись зема.

В конце концов, для того-то его и создали — чтобы облегчить страдания безнадежно больных и умирающих; под воздействием зема они проводят последние дни без боли, в состоянии эйфории, в окружении приятных галлюцинаций. Впрочем, никто не удивился, когда через несколько лет, прошедших с момента выпуска зема, на нем зависла масса людей, населяющих

освоенный космос. Теперь аналоги земмелара производятся на многих планетах, кроме тех, что находятся во владениях корпорации «Стикс». Однако наш, земной зем, по общему мнению, признан самым лучшим.

— Расскажи, что тебе известно о Баркеме.

Снова мерзкая улыбочка.

— Это дорого стоит.

— Если я его найду, ты получишь двадцать пять процентов от всего, что я получу. Считай свое участие выгодным капиталовложением.

— Пятьдесят процентов!

— Слишком много хочешь. Я сам все могу разузнать, если спущусь в подземку. Или выйду в бар. — Я показал пальцем через плечо.

— Не рассчитывай на это.

Он был прав. Я пожал плечами. Если я первым доберусь до Баркема, половина от пятидесяти или ста тысяч кредиток Солнечной системы все равно больше, чем я когда-либо видел за всю свою жизнь. И вообще деньги меня никогда особенно не заботили. Меня возмутило другое. Йокомата назвала меня «никудашным». И я твердо вознамерился запихнуть ее слова ей же в глотку.

— Договорились.

— Откуда мне знать, что ты не сбежишь, если сорвешь куш?

Я предложил ему единственный залог:

— Слово даю.

Элмеро вытянулся во всю длину:

— Над другим я бы просто посмеялся. Но ты, Зиг... Договорились!

Мы пожали друг другу руки, и он нагнулся вперед:

— Слушай. Баркем поднялся из подземных уровней; ему удалось довольно быстро сделать карьеру в организации Йокоматы. Последние два года он был ее правой рукой. Пользуется дурной славой; ухитряется напортить где только можно, подставить кого угодно — даже когда на то нет причин. Ему просто нравится кидать других. Но попробуй кинуть его самого — и больше о тебе никто никогда не услышит.

— Настоящий подонок.

— Точно. Йокомате он пришелся по вкусу. При нем все шло гладко, он всех держал в узде — пока не обмишурил саму Йокомату.

Так это и есть псих, блаженный клонолюб, придурак, который добыл для клона Харлоу грин-карту и собирался смыться с ней отсюда? Неужели мы говорим об одном и том же парне?

— Как ему удалось кинуть Йокомату?

Элмеро вздохнул:

— Вот и я хотел бы выяснить. Это было нелегко. Йокомата окружила дело такой тайной, что сразу ясно: если подробности проникнут в подземелья, вид у нее будет неважный. Известно мне вот что. Банда Йокоматы украла сотню пузырьков с концентратом зема прямо с поточной линии.

До тех пор я слушал облокотившись о край его стола. Но тут пришлось сесть. Сто флаконов концентрата! Прежде чем он ударит по мозгам наркоманов, его можно без конца разводить.

— Сколько это стоит?

— Миллионы, если продавать в розницу, но ходят слухи, что Йокомата торговала оптом. Хотела побыстрее вернуть денежки. Сделки проводил Баркем.

— А потом он исчез.

Элмеро кивнул:

— Смылся вместе с земом. И с парой миллионов задатка.

Ничего удивительного, что Йокомата назначила за голову Баркема такую высокую награду!

— С тех пор о нем ничего не известно?

Элмеро покачал головой.

— А в Центральной базе данных?

— У меня там есть знакомый; он проследил его кредитную историю — уверен, Йокомата тоже навела справки, — но с пятницы Баркем нигде не оставлял отпечаток своего большого пальца.

Значит, во всех сделках с тех пор он использовал натуральный обмен. Бартер. Только самый отъявленный псих будет оставлять свои отпечатки, находясь в бегах. Всякий раз, как он что-то покупает или продает, сделка регистрируется в Центральной базе данных — где, когда, на какую сумму и с кем. Вот одно из невоспетых преимуществ земной безналичной экономики.

В такой ситуации единственный выход — бартер. Легко совершать бартерные сделки, если у тебя на руках сто флаконов с концентратом зема! Он может уехать куда угодно. Да сейчас... он уже может быть где угодно!

При чем же здесь девушка из Дайдитауна?

Возможно, я никогда этого не узнаю.

— Ты больше ничего не хочешь мне сказать?

— Все. Да, еще поговаривают, будто в дело вовлечен марсианин.

Я рассмеялся:

— Конечно! Тогда я — наследник самого Бедкера!

Элмеро пожал плечами:

— Ты спросил, не слышал ли я чего-нибудь.
Ты не спрашивал моего мнения на этот счет.

Я встал и пошел к выходу.

— Спасибо, Элм!

— Не за что — только не забудь о моей доле.

VIII

Я вернулся к себе в кабинетик; понюхал по-рошка. Отпустил Игнаца на волю, и он тут же принялся поглощать тараканов. Я включил видеофон и стал смотреть, как дикторша шестого канала берет интервью у Джоуи Хосе. Вдруг по экрану, извиваясь, поползли надписи о жестоком обращении с хлорофильными коровами. Интересно, в Западном мегаполисе, в Чи-Каси или Текс-Мексе граффити тоже заполонили Информпоток? Иногда они раздражают, особенно когда показывают интервью с моим любимым комиком.

Тут ко мне пришел посетитель, и я выключил видеофон. Коротышка, ноги враскоряку, вид задирый, на вид чуть старше меня, с кудрявыми светлыми волосами, с челкой на лбу. Одет в поношенный темно-зеленый комбинезон из псевдобархата. Вначале я принял его за нового клиента.

К счастью, я ошибся.

— Это вы Дрейер? — гнусаво спросил он.

— Он самый. — Тип не понравился мне сразу.

— Где мой клон?

— Не знаю. В глаза не видел никого похожего на вас.

— Не меня, придурок! Клон Харлоу!

— Ага. А вы кто такой?

— Нед Спиннер. Ее хозяин.

Ни один из нас не выразил желания обменяться рукопожатиями.

— Не знаю такую.

— Не вилай, сукин сын! Вчера ночью она не вышла на работу, хотя была ее смена. Твою фамилию и адрес я нашел у нее в комнате.

Я пожал плечами:

— Ну и что?

— Она моя; она пропала. Если попытаешься спереть ее, считай, что ты покойник!

Я начал злиться. Бросил на него мой фирменный суровый взгляд:

— Запомни, я много раз повторять не люблю: меньше клонов мне нравятся только их хозяева. А теперь убирайся. Привет!

Он разинул рот, собираясь что-то сказать, но потом передумал. Кажется, он мне поверил. Без лишних слов удалился.

Легко догадаться, почему он так жаждет вернуть клон Харлоу. Он продал свое право иметь ребенка, а полученные деньги вложил в покупку клона, выращенного из ДНК Джин Харлоу; потом он поселил ее в комнатухе в Дайдитауне и живет на ее заработки. Без нее он разорится.

Хорошо бы!

Подумать только, он еще меня называл сукиным сыном!

Прошло не так много времени, и сама Харлоу-К вошла ко мне в кабинет. Я увидел, что губа у нее распухла, и меня прямо затошнило.

— Что вы сказали Спиннеру?

— Что никогда о тебе не слышал.

— Правда?! — Вид у нее был потрясенный. — Спасибо!

— Почему ты не вышла на работу?

— Я не могу работать. Очень волнуюсь за Кайла. И мне очень нужно поговорить с вами! — выпалила она, глотая слова. — Это важно! Дело касается Кайла.

— Ну да, конечно, — кивнул я. — Садись.

Она удивленно уставилась на меня: видимо, я захватил ее врасплох.

— Я думала, вы выгоните меня прочь.

— Зачем мне тебя выгонять? Только из-за того, что ты лгала мне про своего дружка? Не глупи!

Оттого, что она узнала мою тайну, мне хотелось залезть под стол. Но я не мог допустить, чтобы она увидела мою слабость. Положение обязывает! Нельзя ставить себя ниже клона. Поэтому я постарался забыть о вчерашнем дне. Его не было. Только так я мог сидеть и смотреть ей в лицо.

— Я обещала ему, что никому не расскажу о нем. Но сейчас я собираюсь рассказать вам все.

— Хочешь сказать, что его настоящее имя — Кел и что «экспортная фирма», в которой он трудится, на самом деле — синдикат Йокоматы?

— Его настоящее имя Кайл Бодайн, и он работает в Отделе по борьбе с преступностью.

Я чуть не подавился. Кел Баркем — сотрудник ОБП? Ничего себе!

— Садись и рассказывай по порядку. Выкладывай все, что знаешь!

Она села и сразу приступила к делу:

— Кайл — агент ОБП. Он внедрился в преступную организацию Йокоматы и много лет выжидал подходящего момента, чтобы сдать всю шайку.

Мне с трудом удалось не расхохотаться ей в лицо. Все-таки клоны — непроходимые тупицы!

— Так почему он их не выдал? — спросил я.
— Насколько мне известно, он довольно долго был у Йокоматы правой рукой.

— Он выжидал подходящий момент. И вдруг представился удачный случай, о котором можно было только мечтать.

— Он встретил тебя.

Я не считаю себя особенно чутким, но даже меня проняло, когда до нее дошел смысл моих слов и она одарила меня почти настоящей улыбкой.

— О, как мило, что вы так сказали! Нет, по правде говоря, у него появился шанс схватить самого марсианина!

Я так и застыл на месте. Марсианин! Вот уже второй раз за последнее время его имя всплывает в разговоре. Я и не подозревал, что тут окажется замешан самый известный контрабандист во всем освоенном космосе!

Мало-помалу дело начинало приобретать ясность. Зем, производимый на Земле, стоит гораздо дороже на других планетах Солнечной системы; и втрое дороже его цена во внешних мирах — кроме таких мест, как Толива; я слышал, что там он легален и продается без рецепта.

Кто лучше марсианина доставит наркотик на другие планеты?

У меня возникло скверное предчувствие. Я понимал, что увязаю все глубже и глубже. Но остановиться уже не мог.

— И в чем заключалась твоя задача?

— Я уже говорила вам: мы собирались пожениться и переехать...

— Туда, куда улетели нормальные люди. Красота! Но разве ты не должна была помочь ему в осуществлении его замыслов?

— Ну... да. Как вы догадались?

— Просто угадал. Я хорошо угадываю. Что ты делала для Баркема?

— Для Бодайна — Кайла Бодайна.

— Все равно. Говори!

— Я отвезла марсианину пакет от него.

— Что?! Ты видела марсианина?

Насколько мне известно, до сих пор никто никогда не видел марсианина.

— Нет... не совсем. Я слышала голос. Голос велел мне положить пакет и уходить. Я и ушла.

— Когда и где все происходило?

— В пятницу утром. В пещере, в Мэнском заповеднике.

— А когда ты в последний раз видела Бар... то есть Бодайна?

— В то же утро.

— И вы с ним должны были встретиться в тот же день ночью?

Она кивнула:

— Мы должны были сразу же улететь; Кайл сказал, что в Солнечной системе его жизнь не будет стоить ломаного гроша после того, как он сдаст марсианина. У нас были билеты на челнок, на первый пятничный утренний рейс.

— Почему ты обратилась ко мне только в среду? И почему сначала не пошла в ОБП?

— Я ходила туда. Но мне сказали, что никогда не слыхали о Кайле. Особенно на ОБП я не надеялась; Кайл говорил, что работает под таким мощным прикрытием, что о его существовании знают лишь несколько руководителей Отдела.

— А может, даже и они не в курсе, — съязвил я, но она не поняла юмора.

Она кивнула:

— Наверное. Но я так беспокоилась, когда не увидела в выпусках новостей репортажа о поимке марсианина! Я решила, что-то случилось. И поскольку он приказал мне ни в коем случае не обращаться к властям, я пошла к вам.

— То был мой счастливый день! Ты сумеешь показать мне ту пещеру?

— Да. Я записала ее координаты.

Она меня удивила.

— Клоны не умеют писать!

Вообще-то большинство настоящих тоже не умеют ни читать, ни писать. Но чтобы клон знал грамоту... такого я даже и представить себе не мог!

Она придвинулась ближе:

— Я учусь. Ради Кайла.

Я невольно почувствовал неприязнь к Келу — или Кайлу. Бедное тупое создание! Сукин сын обманул ее и бросил, а она учится читать ради него, думая, что он возьмет ее с собой в другую галактику. Жалко ее! Настоящие не имеют права так плохо обращаться с клонами...

Но с другой стороны, что если он был с ней честен? Если он действительно работает на ОБП,

ему пришлось бы быстро литься с Земли после того, как его раскрыли! И раз он агент ОБП, для него не проблема раздобыть чистую грин-карту для кого угодно, даже для клона.

Все страньше и страньше, как говорила Алиса в Стране чудес!

— Пожалуйста, найдите его!

— Ладно, — сказал я. — Постараюсь, но только при одном условии. Если ты рассказала мне действительно все, что тебе известно.

— Да.

— Все-все?

— Все.

Я ей поверил. Но в последний раз!

— Дай сюда свою грин-карту.

Она среагировала немедленно: вцепилась в свою сумочку.

— Нет!

— Она поможет мне выйти на его след.

— Вы так думаете?

— Уверен!

На самом деле я ни в чем не был уверен, но у меня возникло подозрение, что я узнаю много нового о Кайле Бодайне, или Келе Баркеме, или кто он на самом деле, если получше изучу грин-карту Харлоу-К.

— Ну, не знаю...

— Она может оказаться важной.

— Она уже важна для меня. Она... — Губы у нее задрожали. — Возможно, она — все, что у меня осталось... от него!

— А может, твоя карточка — путь к нему!

Она обдумала мои слова, а потом проговорила:

— Хорошо. — Выудила карточку из сумки и протянула мне так бережно, словно вручала мне свое единственное дитя. — Только обращайтесь с ней бережно. Она очень много для меня значит.

— Конечно! Буду защищать ее ценой собственной жизни.

IX

— Пожалуйста, проверь ее для меня.

Элмеро взял грин-карту Харлоу-К и внимательно осмотрел спереди и сзади.

— Что значит «проверь»?

— Я хочу знать, настоящая она или нет.

— Легко. — Он подкатился в кресле к своей многофункциональной панели.

Чтобы избавиться от Харлоу-К, пришлось сказать, что я должен взять напрокат флитер. Пообещал подхватить ее в половине двенадцатого на крыше моего офисного комплекса.

А сам пошел к Элмеро.

— Подделка, — заявил он, вытаскивая карточку из щели и через всю комнату швырнув ее мне.

— Неужели совсем плохая?

Я подозревал, что Элмеро отлично разбирается в карточках — и не только в них.

— Фальшивка, причем очень грубая. Во-первых, сама карточка толще, чем положено; во-вторых, тот, кто ее изготовил, даже не побеспокоился закодировать ее генотипом.

На карточке нет генотипа... если Баркем даже не побеспокоился о том, чтобы сделать прилич-

ную поддельную карточку, он, конечно, не вносил никаких изменений в Центральную базу данных!

Бедная Харлоу-К! Глупый, доверчивый клон! Она даже не догадалась проверить карточку. Думала, что запросто сойдет за настоящую. Но в Центральной базе данных она по-прежнему значится клоном.

— Кстати, — сказал Элмеро, — я узнал кое-что новенькое о Баркеме. Говорят, в пятницу он пытался толкнуть десять пузырей зема Лютусу. А Лютус, который известен как надежный и достойный доверия конкурент, позвонил Йокомате и поинтересовался, что происходит. И сразу же все туннели подземки облетела весть о награде за голову Баркема.

Интересно. Сведений все больше и больше, только они никак не складываются воедино. Баркем становится все больше похож на подонка из подземелья. Ничего похожего на то описание, что дала мне девушка-клон. Я решил, что терять мне нечего, и задал глупый вопрос:

— Элм, скажи... а не может так получиться, что Баркем — агент ОБП?

Когда Элмеро улыбается, он делается просто уродом; но когда он смеется, на него страшно смотреть.

— Агент? Кто — этот сукин сын?! Если Баркем — агент ОБП, значит, я тоже!

Я отшвырнул прочь ничего не стоящую карточку и встал.

— Кстати. — Он все улыбался. — Не знаю, что с карточкой такое, но в ней что-то закодировано. Только это не имеет никакого отношения к персональным кодам, какие обычно бывают в

удостоверениях личности. Если хочешь, я выясню, что именно внесено в память карты.

— Давай потом. А сейчас мне нужен лазер с дистанционным управлением.

— Зачем?! Да ты с пятидесяти метров не попадешь в стену «Северного Бедекера»! Ты гораздо лучше бегашь, чем стреляешь.

— Знаю. Но возможно, случай сбежать не представится. Может, кинжал?

— Это имеет какое-то отношение к поискам Баркема?

Я кивнул:

— Имеет.

Он поскреб длинными пальцами подбородок.

— Наверное, лучше мне защитить свои капиталовложения. Есть у меня для тебя одна штука. Раздевайся до пояса!

Х

Как только мы очутились в кабине арендованного флитера, Харлоу-К потребовала вернуть ей грин-карту. Но я сказал, что она еще мне понадобится. Ей мои слова не пришлись по вкусу, но выбора у нее не было.

Панель управления запросила данные о пункте назначения; Харлоу-К протянула мне координаты, которые она записала на клочке бумаги. Я вернул ей бумажку и велел прочитать вслух то, что там написано. Сказал, что не разбираю ее почерк.

Так и есть. Дело в том, что я почти не умею читать — разве что слов мало, они простые и написаны печатными буквами. Никогда не учился

читать. С цифрами у меня все обстоит прекрасно, но чтение — бесполезный навык. Как и у большинства людей, у меня никогда в жизни не было необходимости читать. И вот вам пожалуй-ста — рядом со мной сидит грамотный клон! Ей ни к чему знать, что я практически неуч.

Она прочитала данные вслух, флитер взмыл вверх, и мы отправились на поиски.

Если не считать того, что кожа у меня зудела от контактов на запястьях — от нагрудного пульта дистанционного управления, которым снабдил меня Элм, — путешествие было приятным. Мы почти не разговаривали; я всячески старался избежать упоминания о вчерашнем дне и пребывании у Йокоматы. Джин Харлоу-К рассказывала о книгах, которые прочитала недавно. Интересно, подумал я, она просто выставляется или правда пытается поддержать разговор? Для тупого клона она знает поразительно много!

Меньше чем через две десятых после того, как мы вылетели из Бруклина, мы уже парили над Мэнским заповедником. Не представляю, почему некоторых так тянет в Мэн. Холодные скалы, холодный ветер, холодная вода. И деревья — множество деревьев. Наш мегаполис не распространился так далеко на север и, возможно, никогда туда не дойдет. Пещера находилась прямо под нами — черная дыра в скальной породе, довольно высоко над уровнем моря.

Я посадил флитер и повернулся к ней:

— Повтори еще раз, что ты здесь делала.

— Взяла коробку, которую дал мне Кайл, и отнесла ее в пещеру.

— Коробка была большая?

— Примерно вот такая. — Она очертила в воздухе прямоугольник размером сантиметров двадцать пять на десять. Как раз подходящий размер для того, чтобы спрятать там сто ампул с зомом. — Я принесла коробку в пещеру, и голос откуда-то из темноты сказал, куда ее поставить. Я поставила коробку и ушла.

— И все? Больше ничего?

— Ничего. Я села во флитер, который доставил меня сюда, велела вернуть в порт Эл-Ай. Там мы должны были встретиться с Кайлом и вместе улететь в челноке.

— Но он так и не пришел.

Она печально покачала головой:

— Нет.

У меня в голове все начинало мало-помалу складываться; оставалось лишь обследовать пещеру, чтобы подтвердить зародившиеся подозрения.

Харлоу-К я оставил во флитере под предлогом того, что я взял куртку, а она нет. Я пошел в пещеру, светя себе фонариком из флитера. Как только я вышел, в лицо мне хлестнул порыв соленого ветра. Мне было как-то странно, что все вокруг меня настоящее. Никаких голограмм. После мегаполиса живая природа сбивает с толку. На просторах побережья Мэна я почувствовал себя голым и незащищенным. И обрадовался, когда наконец оказался в уютной и тесной темной пещере.

Его я обнаружил почти сразу. Я услышал вой и скулеж и пошел на звуки.

Не знаю, каким образом с ним сотворили такое. Должно быть, это изобретение марсианских колонистов. Я сразу понял, что здесь побывал

марсианин — он оставил свою метку, нацарапал ее в грязи рядом с тем, что осталось от Баркема: большой круг, а в нем прочерчена линия экватора, и вдоль нее еще четыре кружка.

Нетронутой у Баркема осталась только голова. Она сидела прямо на прозрачной коробке, с открытым ртом и остекленелыми глазами, и моргала в свете луча моего фонарика.

Кроме спинного мозга и основных нервных стволов, никакого туловища не было. Ни кожи, ни мышц, ни костей, ни внутренностей. Все съедено, изгрызено, расплавлено — не знаю. Короче говоря, у него не было тела, и все. На запястьях и лодыжках еще сохранились остатки мышечной ткани, однако они соединялись с остальным только нервными узлами. Кажется, его нервы покрыли каким-то изолирующим слоем, чтобы на некоторое время сохранить их жизнеспособность, а потом растянули во всю длину прямо на каменном полу пещеры, усыпанном обломками горных пород. Там, где раньше у Баркема была грудь, теперь находился аппарат «сердце—легкие». Аппарат тихо шипел, нагнетая воздух в трубки, вставленные в его дыхательное горло, и пыхтел, прокачивая по артериям ярко-алую кровь, а по венам — более темную.

Он повизгивал при каждом моем шаге.

Сначала я подумал, что он боится, думая, что вернулись его мучители. Но потом я понял: просто он чувствует каждое сотрясение воздуха, и каждый мой шаг причиняет ему невыносимую боль.

Я подошел поближе и заглянул ему в глаза. Если у него и были мозги, сейчас он почти со-

всем их лишился. Нервная система, растянутая на холодном полу пещеры, окончательно свела его с ума.

Однако зрачки его еще реагировали на свет: они сузились.

— Боженька... — От долгих криков его голос стал таким хриплым, что почти не был похож на человеческий. — Это... ты, боженька?

Я понял, что он меня не видит. Он разговаривает со светом и выталкивает из себя слова, принаравливаясь к аппарату, подключенному к обрубку шеи.

— Ага, точно. Он самый.

— Можно... мне... умереть сейчас, боженька? С меня... хватит... боженька... я готов.

— Еще рано. Сначала ответь на несколько вопросов.

Он плотно сжал веки.

— Потом... боженька... Потом... После смерти.

— Нет, сейчас. — Я не дал ему возможности снова возразить. — Ты кинул марсианина, верно?

При упоминании марсианина он задохнулся, глаза закатились, лицо перекосилось от ужаса. Я понял, что мне надо продолжать в том же духе.

— Да или нет?

Мне показалось, он пытается кивнуть, но кивать он не мог, так как мышцы шеи были отделены от тела.

— Да... но толь...ко на нес...колько... флаконов.

— И он явился за остальными.

Он всхлипнул:

— Я... все ему... отдал.

— И все же он сотворил с тобой такое.

Он снова попытался кивнуть, а потом с трудом простонал:

— Урок...

Верно. Марсианин преподавал ему хороший урок. Марсианин славится своей жестокостью. Когда узнают о том, что он сделал с Баркемом, больше никто не осмелится обмануть его.

— Значит, он смылся с земом и с деньгами.

— Нет... Он думает... что деньги... у Йоко.

Значит, марсианин получил свое. Подручный Йокоматы попытался кинуть его; видимо, Баркем подсунил в коробку несколько флаконов с простой водой, но марсианин раскусил обман. Марсианин забрал зем, за который он заплатил. Сейчас он, несомненно, уже находится на пути к Марсу.

Зато Йокомата не получила денег. Ей не заплатили! И теперь она рвет и мечет. Ей необходимо вернуть свое прежде, чем все узнают о том, что ее первый помощник обманул ее. Если она останется без наркотика, без денег и без Баркема, она, что называется, потеряет лицо.

— Где деньги?

— Боженька... разве... ты... сам... не знаешь?

— Конечно, знаю. Но тебе полезно покаяться в грехах. Очистить душу от скверны.

— В порту Эл-Ай... В камере хранения... я там их спрятал...

— А ключ?

Он всхлипнул — а может, попытался засмеяться?

— Я спрятал его... только ты... сможешь его найти.

— Где?

— У существа... которое... создал... не ты.

Тут он снова захрипел и закатил глаза. Чем больше я спрашивал, тем сильнее он закатывал глаза и хрипел. Я испытывал сильное искушение дотронуться до оголенного нерва, чтобы привлечь его внимание, но мне было противно даже думать о том, чтобы прикоснуться к нему.

Я сменил тему:

— То есть у девушки из Дайдитауна?

Он широко раскрыл глаза:

— Ты... и правда... бог!

— Мы это уже выяснили. Зачем она тебе сдалась?

Его верхняя губа дернулась; лицо перекошилось в подобии презрительной усмешки.

— Дура... глупый клон... она... такая тупица... ей ничего... не надо знать.

— Точно. Она по твоему приказу отвлекала внимание, пока ты пытался толкнуть десять украденных флаконов Лютусу. Ты обещал жениться на ней. Она любит тебя!

Он издал булькающий звук.

— Дура, клон... хотела... слинять...

Я ничего не ответил.

— Боженька... можно мне... теперь... умереть?

Я отвернулся и направился к выходу из пещеры.

— Едва ли. У тебя еще осталось время.

Он пронзительно завизжал, то громче, то тише, в зависимости от дыхания аппарата:

— Ты-ы-ы-ы-ы... обеща-а-а-а-ал!!!

Я остановился. Да, я действительно обещал ему, что он умрет. Он все продолжал хныкать,

визжать и скулить; я развернулся и подошел к незнакомой конструкции, стараясь ступать как можно тяжелее. Я уже тянулся к выключателю, когда услышал, как сзади орет Харлоу-К:

— Нет! Не надо!

И я его не выключил.

Она, спотыкаясь, побрела вперед; на лице у нее застыло выражение ужаса. Она почти затолкала кулак в рот; ее с головы до ног била крупная дрожь, словно ее ударило током. Я испугался, что она сейчас выпадет в осадок. Но она держалась, пока не добралась до аппарата «сердце—легкие». Там она рухнула на колени и глухо зарычала:

— Кайл! Кайл! Кайл! Что они с тобой сделали?! Что они сделали!

Но Баркем уже окончательно спятил. Возможно, последней каплей оказался как раз звук ее голоса. Он ничего не говорил, только закатывал глаза и как-то скрипел.

Я понял, что ее сейчас вырвет, и оттащил ее подальше.

— Ты ничем не сможешь ему помочь.

— Я могу выключить аппарат!

— Именно это я и собирался сделать, когда ты влетела сюда. Постой там, а я пока...

— Нет! Я сама его отключу. Вот самое меньшее, что я могу для него сделать.

Я расхохотался:

— Ты ничем ему не обязана!

Она набросилась на меня, как фурия:

— Обязана! Он один из всех настоящих заботился обо мне и хорошо со мной обращался. Я всем ему обязана, буквально всем!

Что тут скажешь? Я прикусил язык, а она подошла к агрегату и благоговейно потянула за рычаг. Она вела себя совершенно нелогично, абсурдно и при этом была слишком тупой и не в состоянии усвоить правду, даже если бы я все растолковал ей на пальцах. Так что я махнул на нее рукой. Только наблюдал. Она отвернулась, когда лицо Баркема потемнело и задергалось в предсмертных судорогах.

— Все кончено, — сказал я спустя какое-то время.

Она вздернула подбородок и зашагала впереди меня назад к флитеру. По-моему, она не обращала внимания ни на холод, ни на огромные открытые пространства.

Мы долго молчали, только я приказал панели управления:

— Домой.

Мы взмыли в воздух, и тут она заговорила, не глядя на меня:

— Вы видели, нет, вы видели, что они с ним сделали?!

Конечно, я видел. Ей не это нужно было узнать.

— Да-а... Очень жаль. Я буквально потрясен.

Она развернулась ко мне:

— Разве вы вообще ничего, совсем ничего не чувствуете?

— Мои чувства — совершенно не твое дело, но вот что я тебе скажу: мне абсолютно не жаль таких парней, как Баркем.

— Потому что он собирался жениться на клоне?

— Ничего он не собирался. Но даже если и собирался, его намерения тут ни при чем.

— А как же я? Вы меня знаете. Мы с вами провели вместе весь день, и вам известно, какие чувства я к нему испытываю. Меня вам тоже не жалко?

— Как правило, я не очень сочувствую клонам.

— А как же ваша жена? Ее вы когда-нибудь любили? А дочь? Вы любили хоть кого-нибудь?

Тут я точно кое-что почувствовал: гнев. У меня зачесались кулаки, так захотелось ее ударить. Она не имеет права даже знать о существовании Мэгги и Линни, не то что болтать о них. Но я сдержался. Я привык сдерживаться. Опасно показывать, что происходит в твоей душе. Нельзя демонстрировать другим, где у тебя слабые места, куда тебя легче ранить. Тогда другие могут добраться до тебя.

— Уж я такой, — ответил я беззаботно. — Бесчувственный Зиг.

— Может быть, именно поэтому они бросили вас и отправились туда, куда улетають нормальные люди! Наверно, им нужен был живой человек, а не ходячий труп.

— Наверно.

Клон нарочно пытается вывести меня из себя. Я откинулся назад и стал смотреть вперед, на темнеющий за окнами пейзаж.

— Так вот что я вам скажу, бесчувственный Зиг: сейчас я тихонько прокрадусь домой, соберу все мало-мальски ценные вещи, все продам и куплю билет на первый утренний челнок.

— А почему прокрадешься?

— Из-за одного типа по имени Нед Спиннер. Надеюсь, вы его не забыли?

— Да, верно. У тебя хозяин что надо.

— У нас, клонов, есть поговорка: можно выбирать друзей, но нельзя выбрать хозяина. Если повезет, к завтрашнему вечеру, когда он меня хватится, я буду уже в подпространстве!

— Ты не сможешь купить билет на челнок. Клоны не имеют права заводить счет в банке.

Она растянула губы, но не улыбнулась.

— Как вы думаете, мистер Дрейер, быстро ли мне удастся уговорить какого-нибудь клиента купить мне билет?

— Ни один настоящий не купит билет на челнок для клона. Это все равно что оставить на месте преступления свою фамилию и адрес.

— У меня есть... Эй! Послушайте! Моя грин-карта все еще у вас. — Она протянула руку. — Верните ее сейчас же!

— У меня ее с собой нет.

— Что-о?! — Если бы она не была пристегнута ремнем безопасности, она, наверное, набросилась бы на меня.

— Не волнуйся, твоя карта в надежном месте. Я же говорил тебе... — Я наспех придумывал, что бы ей соврать. — Я оставил ее у человека, который должен был проверить, не приведет ли она нас к Баркему. Я не думал, что мы так быстро его найдем!

Кажется, она немного успокоилась, но не совсем.

— Мистер Дрейер, прошу вас, верните мне мою карточку, и побыстрее!

— Не волнуйся. К первому завтрашнему утреннему рейсу карточка будет у тебя.

Однако до тех пор я рассчитывал найти ее карточке хорошее применение.

— Да уж, пожалуйста. Потому что послезавтра я уже не хочу быть чьей-то собственностью, вещью. Я уберу букву «К» после моей фамилии и стану свободной гражданкой за пределами нашего мира. И не советую никому становиться у меня на пути!

Она смерила меня вызывающим взглядом, как будто ждала, что я начну возражать.

— Я не против, — заметил я. — Одним клоном на Земле станет меньше.

Она откинулась на спинку кресла.

— Может быть, где-нибудь в другой галактике я встречу вашу жену. Передать ей от вас привет?

Я ничего не ответил. Уставился в одну точку и принялся насвистывать сквозь сжатые зубы какую-то песенку.

XI

Я посадил ее в городке Дайдитаун.

Не знаю, почему это место называют «городком». Дайдитаун — просто старое-престарое здание на узкой полоске Манхэттена на берегу Ист-Ривер. Домишко не блещет красотой — большая прямоугольная коробка со множеством окон. Его можно было бы одеть в голограмму, но здание нравится его обитателям таким, какое оно есть. Дайдитаун — местная достопримечательность.

Пока я занимался предыдущим делом, я много чего узнал о Дайдитауне. Выяснил, что сначала, давно, еще до моего рождения, его называли «деревней Афродиты». Видимо, потом название

каким-то образом изменилось в нынешнее. А еще раньше место или сам дом назывались непонятной аббревиатурой «ООН». Интересно, что бы это значило?

Высадив клона Джин Харлоу, я полетел прямо на восток, вдоль побережья Лонг-Айленда, держа курс на космопорт, который занимает почти всю восточную оконечность острова. Спланировал на третий уровень стоянки и пошел прямо в хранилище.

На обратном пути я много думал и теперь отчетливо представлял все, что замыслил Баркем. План у него был хорош, и ему удалось бы выйти сухим из воды, если бы не его жадность.

А может, не жадность? Элмеро говорил, что Баркем любил нагревать других просто удовольствия ради. Можно сказать, из принципа. Даже с марсианином он не устоял против искушения, за что и поплатился.

Наверное, все было так: поскольку Баркем был правой рукой Йокоматы и отвечал за сделку с земом, у него были развязаны руки. Он не спешил и договорился с марсианином, что передаст ему зем в надежном месте, где контрабандист чувствует себя спокойно, — скажем, на побережье Мэна. Тем временем Баркем абонировал ячейку в камере хранения, а также под вымышленным именем начал обхаживать девушку из Дайдитауна. Клон должна была отвезти наркотик в Мэн, и на том ее миссия заканчивалась. О ней можно было забыть. Марсианин проверил пробную партию концентрата, убедился в том, что ему не всучили подделку, и перевел кредитки из своей ячейки в ячейку Баркема.

Единственная загвоздка заключалась в том, как забрать деньги из ячейки. Баркем понимал, что за ним могут следить. Я решил, что Баркем и тут рассчитывал на помощь девушки из Дайдитауна. Она должна была забрать деньги и передать ему. А потом он бросил бы ее у космопорта и забрал бы ее бесполезную карточку — после того, как ее арестуют за попытку эмигрировать по поддельным документам.

И здесь у него тоже все получилось бы, если бы он ограничился тем, что надул Йокомату и клона. Но нет, ему непременно надо было попробовать обвести вокруг пальца самого марсианина! Мало ему было того, что он обогатился бы на миллион или два золотых монет в пересчете на кредитки Солнечной системы! Ему захотелось острых ощущений, и он решил кинуть марсианина. Будь я на его месте, я бы разместил пустые флаконы не в самом центре коробки — ведь образцы берутся наугад, с краев и из середины.

Жаль, что я познакомился с Баркемом, когда он был в столь плачевном состоянии. Я бы обязательно сказал ему: или у него крыша поехала, или он совсем спятил, или он — самый последний придурок. В довершение всего он обнаглел настолько, что попытался толкнуть ворованные флаконы главному конкуренту Йокоматы, чтобы побольнее ужалить хозяйку.

Однако все пошло не так, как он задумал. Марсианин понял, что зем элементарно разводят; он изловил Баркема, отнял у него недостающие флаконы, по-своему, неподражаемо наказал обманщика и отбыл домой. Больше марсианин сюда не

вернется. Свой наркотик он захапал; видимо, он считает, что Йокомата получила деньги.

Но денег у Йокоматы нет; более того, она понятия не имеет, где их искать!

Зато все знаю я. И у меня ключ к ячейке Баркема, запятанный в поддельной карточке Джин. Почему Баркем спрятал ключ именно там, мне уже никогда не понять. Может, чтобы не носить код при себе и в то же время держать его в надежном месте? Он был убежден в том, что Джин его не выдаст. А может, все дело опять в его сдвиге, из-за которого он стремился обмануть всех вокруг.

Мне его не понять, да и какое мне дело? Карточка теперь моя; пока что это — самое главное.

Я подошел к перегородке в камере хранения. Карточка легко прошла в гнездо. Я ждал, пока по пневмопочте прибудет содержимое ячейки. Скоро в метре от моей головы в пластиковый приемник брякнулась коробка размером с мою голову. Поскольку я заранее был готов к тому, что коробка очень много весит, я поднял ее, не показывая виду, что мне тяжело, сунул под мышку и направился обратно на стоянку.

Весила коробка немало, килограммов двадцать. Примерно столько же весила Линни, когда Мэггс увезла ее. Может быть, тогда Мэггс шла той же дорогой, что я иду сейчас, несла Линни к посадочному пандусу, рассказывала, какое интересное путешествие ждет их впереди, и объясняла, почему папа не поехал с ними.

Я поменял руки. Да, моя пятилетняя Линни весила столько же, когда ее отняли у меня. Я начал вспоминать, как приятно было носить ее на

руках; потом я стал думать о том, когда мог взять ее на руки, но не брал, — обо всех упущенных возможностях, когда я был слишком занят. Я часто забывал говорить ей, как сильно я ее люблю и как много она значит для немого в эмоциональном смысле дурака, который притворялся отцом и мужем. Больше такого случая мне не представится. Никогда, никогда, никогда...

Я остановился и стал ждать, пока картинка перед глазами приобретет четкость. Не знаю, что со мной творится. Я думал, что надежно запер воспоминания о Линни в самых дальних закоулках памяти, запер на замок, который открывается лишь иногда, по утрам, в туалете; тогда дверца открывается и выпускает наружу все, о чем я предпочитаю забыть, чтобы повседневная жизнь была сносной.

Я снова застегнулся на все пуговицы и поспешил к стоянке.

Как только флитер оторвался от земли, я вскрыл коробку. Там было множество маленьких черных статуэток Джоуи Хосе, моего любимого комика, каждая сантиметров восемь высотой. Сорок штук были расставлены в два ряда в высоту, по десять штук в каждом ряду. По весу я понял, что они золотые. По моим подсчетам, сорок полукилограммовых слитков золота стоят немногим больше полутора миллионов кредиток Солнечной системы!

Я сглотнул слюну. Целая куча денег! Такую сумму я и не надеялся когда-либо подержать в руках.

Куда лететь? Вот в чем вопрос. Прежде всего необходимо разобраться, кому принадлежит золо-

то. Корпорация «Стикс» имеет на него все права, поскольку она является официальным производителем концентрата зема. Но к ним я не пойду — придется отвечать на множество неприятных вопросов. Можно наврать, будто я случайно нашел коробку, но вряд ли такое поведение разумно. Йокомата сразу поймет, в чем дело, если я внезапно разбогатею. Лучше вернуть золото ей и покончить со всей историей. По крайней мере, я получу награду — пятьдесят штук, — а может, еще и премию за то, что вернул ей золото.

Но вначале мне хотелось разведать обстановку. Прежде чем являться к Йокомате с подарочком, надо выяснить, в каком она настроении. До моего офиса было рукой подать. Я полетел туда.

Ночью на крыше жилого комплекса «Верразано» было тихо после дневной толкотни. Я почти донес коробку до кабины пневмотрубы, когда услышал за спиной знакомый голос:

— Что там у тебя, околпаченный?

Я повернул голову налево и увидел красноносого, четырехпалого и пилота Йокоматы. Они плечом к плечу стояли у роскошного флитера «ортега». А во флитере сидела и сама Йокомата, и ее короткие ножки высывались из правой задней дверцы.

Мне не понравилось выражение их лиц — они были похожи на диких собак из подземелья, которые преследуют раненого кота. Я надеялся, что голос у меня не дрожит.

— Как раз собирался к вам! — сообщил я Йокомате, не обращая внимания на красноносого.

— Неужели? — Она неприятно осклабилась.
— Интересно, для чего?

— Я разыскал Баркема. Хотел получить награду. — Я подкинул на руках коробку. — И вот еще что я нашел. Почему-то мне показалось, что вас моя находка обрадует.

— Неужели там просто статуэтки Джоуи Хосе? Мне ужасно нравится его чувство юмора.

— И мне тоже, — ответил я, стараясь по мере сил поддерживать светскую беседу. — Я надеялся, вы подарите мне одну из этих статуэток в награду за то, что я возвращаю вам все сорок — двадцать килограммов веса.

Даже головорезов проняло.

— Представь, околпаченный, сколько дискеток ты сможешь на них купить, — сказал красноносый.

— Конечно.

— Странно. А мне показалось, будто ты направляешься к себе в офис.

— Я хотел сперва позвонить.

Такая улыбка, как у нее, могла бы украсить морду ее любимого тираннозавра.

— Как мило! Кстати, в каком состоянии был мой верный помощник, мистер Баркем, когда вы нашли его?

Улыбка еще шире расплзлась у нее по лицу, когда я описал обстоятельства, при которых обнаружил его.

Потом она приказала:

— Положите коробку.

— И руки за голову, — добавил красноносый.

Я сделал, как мне было приказано; выпрямившись, я увидел, что все трое направили бластеры в область моего солнечного сплетения.

— Не дергайся, — предупредил четырехпалый.

Красноносый, самодовольно ухмыляясь, шагнул вперед. Сначала я решил, что у него по бластеру в каждой руке. Потом заметил, что в левой у него шприц-пистолет, наполненный сывороткой.

— По-моему, нам нет необходимости обыскивать тебя, околпаченный. Ты чист. Верно ведь?

Он наскоро похлопал меня по бокам, но ничего не обнаружил.

— Доволен? — спросил я.

— Не совсем. Во-первых, надо убедиться в том, что ты сказал нам правду про Кела. А потом можно и поразвлечься — испробуем на тебе то, что марсианин сделал с Келом.

Он поднял шприц. Мне надо было двигаться быстрее; другой случай мог не представиться. Я соединил кисти рук, замкнул контакты на запястьях, и из груди моего комбинезона полыхнуло пламя. Лучи лазера молниями прорезали темноту; сначала красноносый, а потом и другие двое закрутились на месте, вокруг своей оси, покатались по крыше.

Я развел руки в стороны — мне показалось, они были соединены несколько минут, хотя не прошло и нескольких долей секунды, — и двинулся к «ортеге» Йокоматы. Я почти ничего не видел в темноте; от трупов исходил запах горелого мяса; моя грудь дымилась, да еще нагрудный лазер светился остаточными огоньками.

Я наступил на что-то и услышал металлический лязг. Что-то покатилося по крыше. Не останавливаясь, я нагнулся и подобрал бластер. Я с трудом различал впереди очертания Йокоматы; она металась на пороге флитера. Должно быть,

пыталась улететь или тянулась за своим бластером. Я лишил ее обеих возможностей. Направил ствол бластера вверх и сделал предупредительный выстрел.

— Не двигаться!

Она застыла на месте и злобно уставилась на меня. Я подошел ближе. Она оказалась без оружия.

Я схватил ее.

А что еще мне оставалось с ней делать?

ХII

Мы оторвались от земли и медленно поплыли над неподвижной поверхностью Ист-Ривер. Слева сверкал красными огнями прямоугольник Дайдитауна. Флитер перешел в автоматический маршевый режим, то есть скользил в потоке летательных аппаратов на медленной скорости. Йокомата сидела на соседнем со мной переднем сиденье, выпрямив спину. Позади, в заднем отсеке, лежали трупы трех ее головорезов; перед отлетом я заставил ее затащить их туда.

Как ни странно, я не испытывал никаких угрызений совести, убив их. Раньше мне никогда не приходилось убивать, но я нисколько не раскаивался. Самозащита самозащитой и прочая дребедень, но, если честно, мне казалось, что все сделал нагрудный лазер с дистанционным управлением, а не я. Я чувствовал себя как бы вдали от произошедшего. А если уж совсем начистоту, я был рад, очень рад, что они сдохли — особенно красноносый.

Я повернулся к Йокомате, наставил на нее бластер. На коленях у меня лежал шприц с сывороткой.

Как ни посмотришь, вляпался я по-крупному. Я не представлял, как буду выбираться, поэтому разговаривал с ней как ни в чем не бывало, однако толку не добился. Она не проронила ни слова с тех пор, как я отцепил нагрудный лазер. Чтобы добиться своего, мне необходимо было сломить ее сопротивление. И вдруг меня осенило.

— Как вы избавляетесь от ненужных трупов? Никакого ответа.

Я пожал плечами и стволом бластера махнул в сторону заднего отсека.

— Значит, будем импровизировать. Лезьте назад и вытолкните одного в реку. Для второго отыщем пустынное местечко в Бруклине, а для третьего — на Манхэттене.

— Не будьте идиотом! — огрызнулась она. Есть контакт!

Я правильно рассчитал. Меньше всего на свете — ну разве что быть подстреленной самой — она хочет, чтобы трупы ее головорезов находили по всему Центральному Бозиоркингтону.

— У вас есть другие предложения?

Она взглянула на меня в упор:

— Помните, что видели вчера у меня во дворе?

Тираннозавр! Я совсем про него забыл! Отличное средство избавления от мусора.

Я приказал панели управления:

— Домой на максимальной скорости.

«Ортега» с урчанием взмыл над центральными аллеями; вскоре мы повернули на северо-запад.

— Ну вот и хорошо, — обратился я к Йокомате, — а теперь давайте обсудим наши дела. Я намерен забыть попытку кинуть меня на крыше при условии, что вы забудете о троих убитых. Мы с вами, как говорится, начнем все сначала.

Она ничего не ответила, просто уставилась на меня своими глазами рептилии.

Я махнул на сумку с золотыми статуэтками, которая стояла между нами на полу.

— За то, что я нашел ваши деньги и вернул их вам, я рассчитываю получить десять процентов вознаграждения. Прибавьте их к тому, что вы мне должны за нахождение мертвого Баркема, и выйдет двести килокредиток — ровным счетом пять статуэток. Мы расстанемся друзьями и оба станем немного богаче.

Она по-прежнему пялилась на меня; я забеспокоился. Неприятно иметь такого врага, как Йокомата. Она славится своей злопамятностью. Придется всю оставшуюся жизнь оглядываться и бояться, что мне снесут голову.

— Звучит разумно, — выговорила она наконец.

Я скрыл облегчение. И ликование тоже. Я был готов уступить и согласился бы даже на сто тысяч.

Протянул ей руку. Она пожала ее.

— Договорились.

В оставшееся время мы немного поболтали. Мне показалось, что ее особенно интересовали подробности того, как пытали Баркема. Наверное, она хотела бы видеть все собственными глазами. Она расслабилась и держалась приветливо, однако ее подлую сущность невозможно было скрыть никакой маской.

А потом флитер завис в воздухе. Мы находились над поместьем Йокоматы, где-то между стеной и мягко мерцающей голограммой Тадж-Махала, которой был окутан ее дом. Внизу было темно.

Йокомата посмотрела в левое окошко. Я схватил шприц и вкатил ей в правое плечо большую дозу сыворотки — прямо через блузку.

Она резко развернулась и схватилась за место укола.

— Какого...

Я улыбнулся:

— Хочу сравнять счет. В конце концов, что значит немного сыворотки между друзьями?

Я остановил флитер на высоте примерно в десять метров и распахнул дверцу со стороны Йокоматы. Снизу послышалось громкое шипение, сопровождаемое время от времени клацаньем: челюсти с дюжинами гигантских зубов перемалывали чьи-то косточки. Я заставил ее по одному выбросить из дверцы трупы убитых головорезов.

По-моему, ей было все равно. Когда последний плюхнулся вниз, в жадный мрак, я задал первый вопрос:

— Йоко, старушка, признайся: ты серьезно собиралась забыть старые обиды?

Она круто повернулась ко мне; лицо перекошилось в застывшей маске беспредельной ярости. Она завопила, брызгая слюной:

— Грязное отродье! Куча дерьма! Ты думаешь, тебе сойдет с рук, что ты убил моих людей да еще захапал часть денег? Да я лучше продам свою задницу в Дайдитаун! Как только я попаду

домой, я вышлю за тобой и твоим клоном ударную бригаду. До восхода солнца вы с ней оба — покойники!

Я наставил бластер ей в лицо:

— Прыгай!

В глазах у нее отразился ужас, который она испытала. Она ничего не могла от меня скрыть!

— Если прыгнешь, — заметил я, — у тебя будет хотя бы один шанс из тысячи сохранить жизнь. Как видишь, я щедрее, чем ты.

Она выглянула в голодную темень вниз, потом повернулась ко мне. Если бы я не ввел ей сыворотку, она могла бы захватить меня врасплох. Но все, что она чувствовала, было написано у нее на лице.

Она изготавилась накинуться на меня, но я послал ей мощный заряд в грудь. Она дернулась и выпала из дверцы.

Не стал ждать, пока снизу донесется чавканье. Закрыв дверцу, нажав кнопку «Задраить все». Потом дал панели управления координаты моей квартиры. Прежде чем идти к Элмеро менять золото на более приемлемые кредитки, мне надо было переодеться в чистый, целый комбинезон.

ХIII

Я обшарил глазами аллею в космопорте Эл-Ай возле пандуса, ведущего к челнокам, но Джин не увидел. Но, проходя мимо фигуры, одетой в голографический костюм Суки Алварес, я услышал знакомый голос:

— Здравсте, мистер Дрейер!

Сначала я ее не узнал — с прилизанными волосами и прочим. Она пряталась сбоку от подъемника к пандусу. Все ее пожитки разместились в единственной сумке, стоявшей рядом на полу. На лице застыло напряженное, озабоченное выражение.

— Боялась, что я не приду?

— Что вы! — пылко возразила она. — Я знала, что вы придете. Просто боялась, что опоздаете. Я лечу следующим челноком.

— Куда?

— На станцию Бернардо де ла Пас.

— Вот как! — Там у Мэггс была первая остановка. Мне не сразу удалось выяснить ее маршрут, но наконец я узнал...

— Вы меня слышите?

— Что? — спохватился я. — Ах, туда! Вот, держи. — Я протянул ей грин-карту.

Она набросилась на нее жадно, словно голодающий на еду, и вздохнула, как голодающий, который откусывает первый кусочек.

— Спасибо! Спасибо, спасибо!

— Она для тебя очень много значит, верно?

Она застенчиво улыбнулась:

— О да! Да!

— Что, например?

— Кто-то настолько поверил в меня, что решил, что я сумею сойти за настоящую!

— А тебе не приходило в голову, что, может быть, твоя карточка — подделка? Представь: вот на таможне начинают сличать твой генотип, и вдруг загорается красный свет...

Она испуганно дернулась:

— Прекратите!

— Может, твой приятель вовсе не собирался проходить контроль! Может, хотел бросить тебя здесь, среди воющих сирен, а сам намеревался сесть в челнок и отбыть прочь!

Она ошеломленно замотала головой:

— Быть не может!

Держу пари, ей такое и в голову не приходило!

— Он был вором!

— Нет! Он был агентом... — ее лицо омрачилось, — и ОБП накажет тех, кто сотворил такое с их сотрудником! Он верил в меня, а я верю в эту карточку. Она — все, что у меня осталось от него.

Тупица. Дура! Мне надо было сказать ей правду, все равно, поверит она мне или нет.

— Он был вором. Смотри, что он получил за краденое!

Я протянул ей мешочек с десятью статуэтками Джоуи Хосе. От тяжести она едва не упала. Заглянув в мешочек, она перевела на меня недоуменный взгляд:

— Они принадлежали Баркему, и...

— Бодайну! Его настоящее имя было Кайл Бодайн.

— Все равно. Я взял свою долю. Решил, что остальное принадлежит тебе. Каждая такая штучка стоит около сорока тысяч кредиток Солнечной системы; в других мирах за них, возможно, дадут меньше, но все равно хватит, чтобы ты хорошо устроилась на новом месте. Так что береги их.

Я знал, что она без труда вывезет их — на Земле ограничивают только ввоз золота.

Глаза у нее стали влажными.

— Не знаю, как и...

— Только не реви, ладно? — Я не хотел, чтобы она устраивала сцену.

Она попыталась улыбнуться.

— Ничего. Я пытаюсь забыть, как это делается.

— Легко. Я давно уже забыл.

Некоторое время она молчала, озиравшись по сторонам и кусала губы. Потом сказала:

— В общем... спасибо, что вы дали их мне.

— Я играю честно, — объяснил я. — И потом, я выхожу из игры. Мне больше не придется работать на клонов.

— Вы никогда не даете слабину, да? — спросила она, и личико у нее посуровело. — Я почти поверила в то, что вы...

— Что?

Она беспокойно дернула плечом:

— Не знаю... перемените мнение обо мне... о клонах... немножко.

Я отвернулся.

— У тебя столько же шансов увидеть перемены во мне, как у меня — переменить твоё мнение насчет Баркема.

— Бодайна, — механически поправила она. — Почему бы вам просто не оставить его в покое?

— Потому что он был вором, к тому же бездарным вором. Вот в чем истина.

— Не может быть. Никогда не поверю!

— Иногда правда дурно пахнет. Вернее, так бывает довольно часто.

— Только не сейчас. Что бы вы... или другие... ни думали о Кайле... я знаю, что он меня любил,

желал меня, и моих воспоминаний у меня никто не отнимет.

— Посмотрим.

— Нет. Это вы посмотрите. Но как бы там ни было... — Она напряженно улыбнулась и протянула мне правую руку. — Вы отлично справились с работой; благодарю вас.

— А ты поблагодаришь меня, если окажется, что твоя карточка — подделка?

— У меня есть только один способ проверить, поддельная она или настоящая!

Она заглянула мне прямо в глаза. Как она была уверена в бывшем дружке! Может, так оно и нужно. Может, ей необходимо было цепляться за что-то, верить, что хотя бы один настоящий из всех поступил с ней справедливо. Жаль, что она так недалёковидна!

Она взяла сумку и шагнула в кабину пневмолифта. Когда она поднялась на платформу таможни, я отошел подальше, чтобы наблюдать за всем происходящим. Она подошла к стойке и дала карточку клерку, одновременно протягивая ему руку для биопсии.

Надо было немного подождать, пока процессор сверит клеточный материал с данными Центральной базы данных. Я следил за ней и все время вытирал ладони о комбинезон, но они все равно потели.

А потом с улыбкой, которая на близком расстоянии могла быть ослепительной, Джин прошла терминал, помахала мне карточкой и направилась к челноку.

Я многозначительно пожал плечами и отвернулся.

XIV

Я ждал пневмотрубу на Бруклин и смотрел, как челнок взмывает ввысь — черная точка на фоне восходящего солнца. Некоторые любители нашли бы вид красивым.

Я все думал про ту грин-карту... и несколько напряженных мгновений, когда я боялся, что она не сработает.

Не спрашивайте меня, зачем я это сделал. Я сам не знаю. Я не стал ни клонолюбом, ни психом. Ничего не изменилось. Просто вышло так, что, вернувшись к себе домой переодеться, я наткнулся на комбинезон, измазанный кровью и слезами Джин. Тут-то меня и осенило.

Мне стало интересно. Я решил бросить вызов судьбе — и ничего больше. В общем, после того, как я вручил потрясенному Элмеру двадцать статуэток — его долю, пятьдесят процентов от моей находки, — он весьма охотно устроил дело с карточкой. Оказал любезность своему доброму другу Зигмундо. Сказал, что с помощью крови с моего комбинезона его знакомый мигом отыщет в Центральной базе данных генотип Джин и переменит ее статус. Элм не обманул. Через десять часов он вручил мне новую, на сей раз подлинную, грин-карту.

Челнок исчез из поля зрения; наверное, скоро он сделает первую остановку на пути туда, куда улетають нормальные люди.

Я вытащил из кармана фальшивку, которую Баркем всучил Джин, и выкинул ее с платформы. Она закачалась и полетела вниз, в темноту. Скоро ее тоже не стало видно.

Часть вторая

ПРОВОДА И ПРОВОЛОКА

Неделя хорошего отношения
к околпаченным! Пусть провод-
ки соседа врубятся к тебе через
стенку!

Граффити из Информпотока

I

Следующие два года не были богаты событиями.

А потом я потерял голову.

В буквальном смысле слова.

То, как меня лишили головы, навсегда останется одним из самых ярких воспоминаний в моей жизни. Не из тех, о которых приятно рассказать друзьям и знакомым, но, повторяю, очень ярких. К тому же все случилось в моем собственном доме.

Кто-то натянул поперек входной двери молекулярную проволоку. На уровне шеи. Разумеется, видеть ее я не мог, вот и прошел сквозь нее. Точнее, не я прошел сквозь проволоку, а она прошла сквозь меня. Субмикроскопическая проволока, цепочка толщиной в одну молекулу! Если бы я не услышал тонкий-претонкий жалобный писк в тот момент, когда проволока рассекла мне шейные позвонки, не знаю, что бы произошло.

Нет, знаю! Я бы умер на пороге собственной квартиры.

Положеньице, в какое я попал, было не из приятных. Поворот головы налево или направо, легкий наклон вперед — и голова падает с моих плеч и, омываемая алым кровавым фонтаном, катится по полу.

Я совершенно ничего не почувствовал. Но так всегда бывает, когда имеешь дело с молекулярной проволокой. Я догадался и о том, из чего она сделана: сплав Гассмана. Выдерживает нагрузку в сто килограммов. Режет человеческую плоть, как острая сталь сырные шарики.

Когда раздвижная дверь за моей спиной закрылась, я почувствовал жжение, которое началось на уровне кадыка и распространялось вниз, до кончиков ног. Как будто меня колот миллион раскаленных добела иголок. Ноги у меня сделались ватными. Вот что происходило снаружи. А внутри тем временем нарастала паника. Надо было что-то делать — но что?

Я осторожно обхватил немеющими пальцами шею и потащился в комнату, держа курс на мое любимое кресло. Я напоминал себе человека, который идет по канату с разрывной гранатой на голове. У самого кресла ноги у меня подкосились. Если бы я упал или даже споткнулся, голова соскочила бы с плеч; тогда нарушились бы все связи головы с телом, и мне настал бы конец. Я заставлял себя двигаться медленно; прислонился ногами к креслу и сел так осторожно, как только мог. Руки устали поддерживать голову, но я хотя бы сидел.

Я испытал облегчение, хотя и не слишком сильное. Мне надо было сидеть совершенно неподвижно, не меняя положения ни на милли-

метр. Но просидеть так долго невозможно. Я рискнул на секунду убрать одну руку и нажал кнопку корректировки положения кресла. Почувствовал, как спинка кресла поднимается, приспособляясь к положению позвоночника, шеи и головы. Я не отпускал кнопку до тех пор, пока подголовник не поднялся до ушей, приспособляясь ко мне. Мысленно похвалил себя за то, что не пожалел в свое время денег на новейшее и самое дорогое кресло-трансформер.

На некоторое время я был в безопасности. Я сглотнул слюну и тут же почувствовал в горле влагу. Левая рука взлетела к шее. Долго ли я продержусь в таком положении? Кончики пальцев уже занемели.

По крайней мере, я получил возможность подумать. Я еще жив — но каким образом? И более насущные вопросы: кто это сделал и зачем? Кто хотел обезглавить меня? Здесь возможен только один вариант...

Я уловил движение за дверью и получил ответ на свой вопрос. Но не совсем такой ответ, какого я ожидал. Кресло, сделанное на заказ, и прозрачная дверь, через которую я могу, если захочу, наблюдать за тем, что происходит снаружи, — вот пара вещей, на которые я растранижил часть богатства, полученного после расследования дела Йокоматы. Дверь потекает моей слабости. Я обожаю подглядывать, но не хочу, чтобы те, за кем я подглядываю, знали о том, что за ними следят. Моя квартира расположена в конце коридора, а дверь выходит в холл. Дверь позволяет мне наблюдать за всеми соседями, они же не знают, что я на них смотрю. Просто прелесть!

Но тип, который крался по коридору, не был моим соседом. Бледный толстый коротышка с высоким лбом, маленькими глазками-бусинками и крошечным ротиком, спрятавшимся под огромным носом. Никогда раньше его не видел. Он подошел к моей двери, воровато огляделся по сторонам и вытащил из кармана аэрозольный баллончик. Мне показалось, что за его спиной в холле что-то шевельнулось, но я сосредоточил все свое внимание на нем. Он обрызгал из баллончика мою дверь на уровне шеи. Подождал пару секунд и протянул руку с баллончиком, пустив струю мгновенно обесцветившегося газа. Молекулярная проволока растворилась и исчезла без следа. Орудие убийства превратилось в пучок молекул сплава Гассмана, которые свободно плавали в воздухе.

Но сразу тот тип не ушел. Он стоял и пожира-
рал мою дверь глазами. Судя по выражению его лица, он готов был прожечь в двери дыру, чтобы иметь возможность полюбоваться результатом своей работы. Я чуть не пожалел, что моя дверь становится прозрачной только со стороны комнаты. Вот было бы здорово, если бы он увидел меня! Как я сижу в кресле и показываю ему кукиш. Наконец коротышка вздохнул, воровато улыбнулся, отвернулся и пошел прочь.

Кто же он такой? И почему пытался убить меня?

Пытался? Надо признаться, он не совсем промахнулся. Я не знал, долго ли еще сумею продержаться и долго ли голова останется связанной с шеей. Мне нужна была помощь, причем срочно!

Я подкатился на кресле к коммуникатору и приказал набрать номер Элмера. Я знал, что он дома. Только что ушел от него.

— Эл! — сказал я, увидев на экране его костлявую физиономию. Голос у меня ослабел и охрип.

— Зиг! Почему говоришь шепотом? И почему держишься за шею? Горло болит?

— Мне нужна помощь, Эл. Дело плохо.

Он улыбнулся своей мерзкой улыбочкой:

— Куда вляпался на этот раз?

— В крупную неприятность. Док еще у тебя?

— Сидит в баре.

— Пришли его ко мне. Если он не примчится молнией, мне крышка. Молекулярная проволока.

Улыбка исчезла с его лица. Он понял, что я не шучу.

— Ты где?

— Дома.

— Он уже едет.

Экран опустел. Я развернул кресло и стал смотреть в пустой коридор, пытаясь вычислить, почему тот тип хотел меня прикончить. Ведь я вернулся к работе всего две недели назад...

II

Жизнь богатого бездельника мне ужасно приешилась — главным образом потому, что я не привык быть богачом. Мне совершенно нечем было заняться. Вот в чем трудность, когда неожиданно получаешь богатство в каком-нибудь

нелегальном виде, например в золоте. Чтобы не привлекать к себе ненужного внимания Центральной базы данных, пришлось сплавить золото через Элмеро, а денежки тратить потихоньку.

Но даже если бы я разбогател законным способом, мне трудновато было бы потратить все, что у меня было. Путешествовать я не люблю, много не пью, не нюхаю, не принимаю стимуляторов. У меня нет друзей, с которыми я мог бы сорить деньгами. Я баловал себя только одним способом: покупал первоклассные дискетки. Проводил массу времени в саду наслаждений, по очереди вставляя их себе в череп, пытаюсь насытить свою лимбическую систему перед тем, как начать медленный и болезненный процесс отключения.

Я начал постепенно отучать себя от дискеток, увеличивая интервалы между их введением, растягивая периоды, готовя себя к последующей разблокировке. Я отучался уже почти целый год. Отвыкание от дискеток — самое трудное из всего, что мне пришлось пережить до тех пор, и безделье лишь усиливало мучения.

Поэтому я снова открыл свой офис в комплексе «Верразано». Думал, что и там буду мучиться от безделья, но угадайте, кто явился ко мне в первый же день?

Нед Спиннер! Он не позвонил, не постучал, а буквально вломился ко мне и с порога загнул:

— Дрейер! Поганый сукин сын! Я знал, что рано или поздно ты вернешься! Где она?

— Кто?

Я понимал, кого он имеет в виду. Джин. Спиннер докучал мне еще долго после ее исчезновения — даже навещался ко мне домой. На-

конец я переехал в квартиру у наружной стены, и на некоторое время он от меня отстал. И вот теперь вернулся. Наверное, он не переставал следить за моим крохотным офисом.

Придурок Спиннер не вызывал у меня никаких чувств, кроме ненависти. Он постоянно таскался в одном и том же комбинезоне из псевдобархата. Вот и в тот день появился в нем. Он думал, что у него есть друзья, влияние, считал себя талантливым дельцом. И был им... но только в собственном воображении. На самом деле он был паршивым сутенером, который эксплуатировал клона.

— Спиннер, я ничего не знаю, кроме того, что ты узнал в Центральной базе данных: она села на межпланетный челнок и эмигрировала в другую галактику.

— Чушь! Она все еще на Земле, и тебе известно, где она прячется!

— Честно, я понятия не имею, где она. Но даже если бы и знал, тебе бы точно не сказал.

Он побагровел.

— Если хочешь, играй дальше. Но рано или поздно ты промахнешься. И когда я застукаю тебя с ней, тебе конец, Дрейер! Не стану подавать на тебя в суд за воровство. Я сам с тобой разберусь. И когда я с тобой разберусь, твои куски не запихнут даже в грузовой лифт в твоей крысиной норе!

Да, нечего сказать, он умел выражаться образно и красиво.

Вскоре после его ухода объявился и настоящий клиент. Худошавый, прилизанный; возраст — около тридцати; блестящие волосы по последней моде

выстрижены в форме листьев и выкрашены в тон лимонному облегающему комбинезону. Одет по последнему писку моды. Я терпеть не мог таких типов. Может, потому, что его наряд в моем крошечном кабинетике выглядел нелепо, но, главное, потому, что его наряд просто-таки кричал: его владелец — человек стильный до кончиков ногтей. По мне же он демонстрировал только одно: что своей головы на плечах у него не было.

Представившись Эрлом Хамботом, посетитель заявил, что ему нужно кое-кого разыскать.

— Поиск пропавших — моя специальность, — кивнул я. — Кого ищем?

Он замялся; впервые с тех пор, как он вошел, за ультрамодным фасадом проглянуло человеческое лицо. Целую секунду, показавшуюся мне вечностью, я боялся: вот сейчас этот тоже заявит, что у него сбежал клон! Я больше не хотел иметь дела с клонами.

Но он меня удивил.

— Мою дочь, — сказал он.

— Мистер Хамбот, поиски детей — задача властей мегаполиса. Они не любят, когда в их пруду ловят рыбку независимые сыщики.

— Я... ничего не докладывал властям мегаполиса.

Что-то тут не ладилось. Пропажа ребенка — событие сверхъестественное. Тут впору впасть в истерику. В конце концов, землянам в наши дни позволяется иметь всего одного ребенка. Таков закон. У тебя один шанс снять с себя копию, а потом жди естественной смерти. Твой единственный шанс — огромная ценность. Ты не получишь второй возможности ни за что. Ни

за какие деньги! И если твой единственный драгоценный ребенок исчезает, ты в слезах кидаешься к властям мегаполиса. Но уж никак не к третьеразрядному частному детективу, чей офис расположен в занюханном комплексе «Верразано». Если только...

— В чем дело, Хамбот?

Он покорно вздохнул:

— Она незаконная.

Ага! Это все объясняло. Лишний ребенок. Он превысил квоту. На единицу больше, чем нужно для самозамещения.

— Значит, ваша дочь — беспризорница? Вы собираетесь нанять меня, чтобы я искал беспризорницу? Вы давно подкинули ее в банду?

Хамбот мрачно пожал плечами:

— Три года назад. Мы не могли позволить ее прикончить. Она была...

— Ясно, — кивнул я. — Можете не продолжать.

Терпеть не могу безответственных придурков. Для тех, кто заводит незаконных детей, нет оправдания. Их положение и положение несчастных детей безнадежно. Если вы не хотите, чтобы ребенка отняла и прикончила Комиссия по контролю над рождаемостью — ретроактивный аборт, как некоторые это называют, — у вас есть один-единственный выход: подбросить ребенка в банду уличных детей. Ваш ребенок будет жить, но его жизнь отнюдь не станет увеселительной прогулкой.

Вот идиот, подумал я.

Должно быть, мои мысли явственно читались у меня на лице. Эрл Хамбот сказал:

— Я не дурак. Я подвергся стерилизации. Но, наверное, операция прошла неудачно. — Он снова прочитал мои мысли. — Да, ребенок мой. Это доказывает анализ генотипа.

— И вы хотели, чтобы ваша жена выносила ребенка?

— Она так хотела. А раз хотела она, значит, хотел и я.

Эрл Хамбот повысился в моем мнении на пару пунктов. Он мог бы подать иск в суд и с легкостью выиграть дело. А плод бы умертвили. Вот почему он не обратился к властям. Выбрал то, что не продается.

Иногда поступки других людей вызывают у меня шок.

— Давайте начистоту, — предложил я. — Чего вы хотите?

Он изобразил невинность и изумление:

— Я вас не понимаю...

— Отлично понимаете! — У меня заканчивалось терпение. — Даже если я найду вам вашу дочь, вы все равно не сможете ее забрать! Так что вам нужно?

— Просто хочу убедиться, что она жива и здорова.

Он меня достал.

— Так! Чего вы добиваетесь?

Я по-прежнему ничего не понимал. Этот тип отказался от ребенка. Девочка больше не его дочь. Она принадлежит уличной банде.

— Разве вы не смотрите граффити?

— Очень редко.

Обычно я смотрю только четырехчасовые новости. Вот и весь мой вклад в Информпоток.

Мне не хотелось признаваться клиенту в том, что за последние лет шесть я настолько пристрастился к дискеткам, что почти все время проводил в дурмане и выпал из привычки следить за граффити.

— Все равно я не до конца им верю, — сказал я. Репортеры, которые запускают в Информпоток капсулы с неподцензурными репортажами, гонятся за дешевой сенсацией.

— Уверяю вас, граффити можно верить. Они, как правило, более достоверны, чем официальный Информпоток.

— Ну, раз вы так говорите...

Я не собирался с ним спорить. Некоторые безгранично верят репортерам-подпольщикам, которые целыми днями забрасывают Информпоток нецензурованными капсулами, будто бы сообщая о «новостях, которые не выдерживают дневного света».

— Значит, вы не слышали о двух беспризорниках, которых нашли два дня назад у подножия небоскреба «Северный Бедкер»? Они разбились вдребезги.

Я покачал головой. Ничего я не слышал. Впрочем, скорее всего, в Информпотоке о разбившихся беспризорниках даже не упомянули. Двое разбившихся малолеток с неустановленными генотипами — несомненные беспризорники. Официально беспризорников не существует, следовательно, об их смерти не сообщается в Информпотоке.

Все знают, что проблема беспризорников очень заботит власти мегаполиса, но ни власти, ни средства массовой информации никогда не сообщают

об их существовании. Признать наличие банд малолеток, беспризорников — значит признать наличие проблемы; чего доброго, кто-нибудь найдет способ эту проблему решить. Никто не хотел этим заниматься.

Вот почему беспризорники находились в своего рода чистилище: с одной стороны, они — дети настоящих, таких как мистер Хамбот или я. С другой стороны, у них нет никакого официального статуса. Для властей их как бы и нет. Даже у клонов положение лучше.

— Значит, вы хотите, чтобы я проверил, не является ли ваша дочь одной из погибших?

Подобная проверка не отняла бы у меня много времени. Мне достаточно только...

— Я уже все проверил сам. Это не она разбилась. Я хочу, чтобы вы нашли ее среди живых и привели ко мне.

— Чего ради?

— Просто хочу убедиться, что она жива и здорова.

Мистер Хамбот поднялся в моем мнении еще на один пункт. За кричащим нарядом скрывался парень, которому удалось сохранить в душе человеческие чувства. Он проявляет заботу о ребенке, которого вынужден был выкинуть на улицу. Значит, под слоем грима прячется настоящий человек.

Мне не нравилась перспектива искать ребенка на улице. Родители украдкой подбрасывают беспризорникам младенцев; в первые месяцы жизни все малыши одинаковые. Малышка, которую я буду искать, даже не подозревает, что ее настоящая фамилия — Хамбот. Собственно говоря, кро-

ме родителей, никто не подозревает о том, что есть такая девочка.

— Не знаю... — медленно проговорил я.

Он наклонился вперед и облокотился о столешницу.

— У меня есть отпечатки рук, ног и сетчатки глаза. Даже есть ее генотип. Пожалуйста, найдите ее, мистер Дрейер. Пожалуйста!

— Хорошо, только...

— Я заплачу золотом — вперед!

— Что ж, я попробую.

III

В тот же день после обеда я слетал к подножию комплекса «Бэттэри». Три года назад, если верить Хамботу, он оставил дочь у подножия башни «Окумо-Слейтер», там, где здание выгибается в сторону Губернаторского острова. С собой я прихватил большую сумку с хлебом, молоком, сырными шариками и соевыми стейками. Теперь я стоял и ждал.

Как мрачно здесь, на уровне моря! Если судить по календарю, сейчас лето, но здесь, на нижних уровнях, не бывает ни лета, ни зимы. Даже неба отсюда не видно. Небоскребы стоят вплотную друг к другу; их выступающие верхние части почти закрывают вид на небо. Летом тени от небоскребов скрывают солнце, а жар, испускаемый внутренностями жилых и офисных комплексов, сводит на нет зимний холод. Здесь не бывает ни дня, ни ночи, только вечные промозглые сумерки.

Задрав голову, я посмотрел на сверкающий южный фасад «Лизон-Билдинг». Отсюда он казался чем-то вроде висячих садов Семирамиды. За каждым окном, которое открывалось наружу, — и, наверное, за многими окнами, задраенными наглухо, — был прикреплен тяжелый, перегруженный ящик, из которого свисала зелень. Оконное садоводство стало в мегаполисе последним писком моды. Некоторые здания стали выглядеть странно: из-за голографической оболочки торчали пучки зелени. Недавно я и сам приобщился — начал кое-что выращивать за окном своей квартиры. Почему бы и нет? Если вспомнить, сколько стоят свежие овощи, вполне разумно выращивать свои. А те, чьи окна выходят на север, или те, кто живут на нижних уровнях, в постоянной тени, выращивают грибы.

А еще ниже, здесь, в вечной темноте, подрастают беспризорики.

Я представил, что испытывают родители, вынужденные выкинуть на улицу собственного ребенка. Мне кажется, я бы не смог так поступить. Да, я лишился Линни, но то было совсем другое дело. Ее увезла от меня ее собственная мать. Просто в одно совсем не прекрасное утро я проснулся, а ее нет. Но про Линни я хотя бы знаю, что она жива и здорова. Все лучше, чем подкинуть ее уличной банде. И гораздо лучше, чем позволить Комиссии по контролю над рождаемостью прикончить ее за то, что она родилась сверх квоты.

Никакой отсрочки для ребенка, который появился сверх квоты, тоже не предусмотрено. Государство применяет в расширительном смысле

старые законы о праве на аборт и в обязательном порядке требует ликвидации незаконного плода. В тех случаях, когда мать донашивает ребенка до конца, его уничтожают сразу после родов. Нельзя даже предложить свою жизнь в обмен на жизнь ребенка. Никаких исключений! Тут наши власти соблюдают крайнюю строгость. Единственный способ добиться для себя исключения — протолкнуть решение через совет директоров. Но если станет известно хотя бы об одном исключении, наступит хаос. Население возьмется за оружие, и вся Федерация рухнет.

Возможно, такие строгости и были оправданы пару поколений назад, когда Земля находилась на грани голода и все такое. Но сейчас ситуация изменилась к лучшему. Численность населения сократилась до более приемлемой цифры; в Антарктиде и в пустынях начали разводить фотосинтетический скот. Кроме того, из других галактик нам поставляют хлеб. Словом, проблемы с продовольствием больше нет. Возможно, пора отменить квоты. Но мне кажется, наши власти просто боятся. Стоит хотя бы чуть-чуть отпустить вожжи, и на Земле произойдет взрыв рождаемости — самый значительный за всю историю человечества.

Несмотря на то что все началось задолго до моего рождения, данные меры всегда казались мне излишне крутыми. Большинство людей считает, что цель оправдывает средства. Если бы власти не приняли draconian мер, мы бы все голодали. То, что после самозамени человек обязан подвергнуться стерилизации, еще не самое плохое; однако уничтожение детей, рожденных

сверх нормы, никогда и никому не правилось. Одно хорошо: после принятия Акта о самозамещении родители начали по-настоящему ценить своих детей.

Я сам обожал Линни, пока она была здесь. И мне было очень больно, когда ее мать увезла ее.

— Сан, дашь чего?

Я опустил взгляд и увидел трехлетнюю крошку, которая ответила мне лучезарной улыбкой и протянула ручку. Чумазая, с румяными щечками и очаровательной улыбкой. Одета в розовый комбинезончик. Волосы светлым облачком окружали голову. При виде такого личика хочется тут же вывернуть карманы, снять с себя все украшения, туфли и отдать ей все, что у тебя есть.

Я оглянулся в поисках ее охраны и скоро обнаружил две группы — пара детишек лет по двенадцати на углу и еще двое немного младше метрах в пятидесяти отсюда, в дверном проеме. Если бы я попытался как-то обидеть крошку, они накинулись бы на меня, как свора бродячих собак.

Я протянул девочке дешевое колечко, которое приобрел специально для таких случаев.

— Возьми, — сказал я. — И передай своим друзьям, что они получают всю еду из моей сумки, если позволят поговорить с ними.

Малышка улыбнулась во весь рот, схватила кольцо и бросилась бежать. Я смотрел, как она разговаривает с теми двоими, что стояли в дверях. Внезапно с другой стороны появилась еще одна парочка. Шесть охранников для одной малолетней попрошайки! Или она представляет чрезвычайную ценность, или они очень не хо-

тят ее лишиться. Не прошло и секунды, как меня окружила вся шайка.

Что-то не так!

— Чего хочешь, сан? — спросил предводитель на ломаном языке, каким говорят беспризорники.

На вид ему было не больше тринадцати, но он и его дружки все как один были тощие, угловатые, держались настороженно, были готовы к драке.

— Хочу кое о чем вас спросить.

— Чего это?

— О девочке, которую один человек оставил здесь три года назад.

— Сперва покажи сумку, сан. Потом поговорим.

— Конечно!

Я открыл сумку и позволил им как следует рассмотреть продукты. Пара подростков облизнулась. Я испытал угрызения совести. Вынул из сумки упаковку сырных шариков и вскрыл ее.

— Вот вам. Поделитесь.

— Класс! — хором воскликнули дети.

Они похватали шарики грязными ручонками и принялись с жадностью запихивать лакомство в рот. Я заметил: старшие позаботились о том, чтобы белокурая малышка получила свою долю. Мне их поведение понравилось.

Главарь проглотил свою порцию и спросил:

— Что за девчонка? Как выглядит? Карточка есть?

— Нет. Нет фотокарточки. По-моему, она примерно такая, — я показал на малышку-попрошайку, — но с темными волосами.

Он покачал головой:

— Пропащие мальчишки ее не знают.

— Так вы называете себя пропащими мальчишками? Ну а не помнишь ли ты о похожей девочке лет трех?

— Нет такой. Не знаю. Может, ее продали?

Я кивнул. Продали! Черт побери! О таком варианте развития событий я не подумал. Хотя это очевидно. Старшие дети заботятся о малышах, пока те не подрастают и не начинают попрошайничать. Если в одной банде наступает временная нехватка малышей или попрошаек, они выменивают их у другой банды. Когда попрошайки вырастают, они становятся воспитателями, потом переходят в разряд охранников, а еще позже вливаются в преступный мир. Бесконечный процесс!

— Отведите меня к вашему главарю, — попросил я.

Парнишка покачал головой:

— Не главарь. Венди тебя примет.

Венди? Пропащие мальчишки? Неужели кто-то прочел беспризорникам сказку про Питера Пэна?

— Что ж, ведите.

Они повели меня на север; мы прошли пешком два квартала и спустились по лестнице в древнюю заброшенную подземку. Представить не могу, что когда-то люди путешествовали под землей, а не летали по воздуху. Но подземные туннели были настоящими; видимо, и старые истории тоже не лгут. Все дети вытащили карманные фонарики; мы побрели по коридору, выложенному белым кафелем. Когда мы спустились еще на один пролет, вожак остановился и оглядел меня.

- Жди здесь, сан. Венди придет. Жди здесь.
- Отлично. Долго ждать?
- Нет, сан. Жди. Мы берем сумку. Подарок.

Идет, сан?

Я передал ему сумку с едой.

— Ладно. Но не заставляйте меня ждать слишком долго.

— Недолго, сан. Недолго.

Они оставили мне фонарик и скрылись во мраке, унося сумку с едой; я смотрел, как они крадутся во мраке, слышал их хихиканье и подумал: наверное, они принимают меня за первостатейного лоха.

После часа ожидания в мрачной дыре, выложенной кафелем, не увидев Венди, я убедился в том, что мои подозрения подтвердились.

Что ж, не в первый раз! И уж конечно, не в последний. По правде говоря, я заранее ожидал, что меня надуют, но решил, что игра стоит свеч. В конце концов, еда обошлась мне недорого. И все же мне стало неприятно. Я вроде как лучше думал о них.

Я вылез из туннеля и полетел наверх. Вернувшись домой, я задумался. Только сейчас я осознал, какую нелегкую задачу мне предстоит решить. Я должен найти незарегистрированного ребенка, девочку, которая не знала, кто она такая, не имея фотографии и даже опознавательных знаков, с которых можно было бы начать расследование, девочку, пропавшую три года назад.

Подумать только, на что я променял жизнь богатого бездельника! Иногда мне кажется, что я сошел с ума.

Когда я включил свет в квартире, Игги встал на лапы, ухватил пролетавшего мимо таракана и вернулся к себе в угол, чтобы прожевать добычу. Не слишком он компанейский. Игуаны, как известно, теплотой не отличаются.

Пробыв дома всего минуту, я понял, что ошибся. Я ощутил подавленность, и именно в такое время, когда сопротивляемость у меня ослабла. Не успел я расстегнуть комбинезон, как дискетки воззвали ко мне из шкафчика, в котором я их держал.

Уже двадцать дней! Двадцать полных дней с тех пор, как я в последний раз подключался к дискетке. Рекорд. Я гордился собой. Но чувствовал, что мои силы постепенно слабеют. Трудно противиться их зову после такого долгого воздержания — не важно, как сильно хочется соскочить.

Я начал думать о дискетке с группенсексом, которую купил, как только разжился золотишком. В ней столько тел, которые постепенно наливаются желанием, и все заключены в маленькой дискеточке. Всякий раз я боялся перегрузки. Очень трудно противостоять. Ничего мне в тот миг так не хотелось, как подключиться и раствориться в чувственных ощущениях. Но я никогда не соскочу, если не проявлю твердости.

Может быть, стоило просто резко бросить, разблокироваться — и все. Но я слышал жуткие рассказы о парнях, которые вот так отключались и вскоре после того попадали в черную дыру. Нет уж, спасибо! Может, живу я не очень хоро-

шо, но это моя жизнь, и другой у меня не будет. Я предпочитал бросить постепенно. Но, клянусь Ядром, это меня медленно убивало.

Я попытался занять себя делом: стал выкладывать плиткой мой приоконный садик. Но ничего не помогало. Наконец я все бросил и выбежал на улицу. Мне нужно было найти живую плоть, хоть я и понимал, что она мне не слишком-то поможет.

Даже если купить самую дорогую обитательницу Дайдитауна.

V

Утром я уже собирался позвонить Хамботу и сказать, что дело безнадежное, когда ко мне в кабинет вошел мальчишка. Костлявый пацан лет двенадцати. У него были тонкие губы, темные волосы и темные глаза, которые мигом обшарили все кругом. Верхняя половина его комбинезона была синего цвета, нижняя часть — коричневого, но на поясе эти две части не соединялись. Грязен он был неимоверно и все время испуганно озирался.

Беспризорник. Никаких сомнений. Вряд ли он — Венди, о которой мне говорили. Может быть, один из ее подручных.

— Ты есть Дрейер-сан? — спросил он тонким голоском, который еще и не начинал ломаться.

— Он самый. Чем я могу тебе помочь?

Мальчишка сел на стул.

— Ты ищешь трехлетку?

— Возможно. Почему Венди вчера не пришла? — спросил я, откидываясь на спинку кресла.

— Мы тебя не знаем, сан. Мы ждали, наблюдали, следили до дома, потом ты вышел, потом домой, потом сюда. — Он тщательно выговаривал слова. Наверное, ему казалось, что он хорошо подражает выговору настоящих. Смех, да и только!

— Ну и как, Венди осталась довольна?

Он пожал плечами:

— Можбыть.

— Это она тебя прислала?

Кивок.

— И ты, по-твоему, сумеешь отыскать девочку?

Он снова пожал плечами, снова бросил:

— Можбыть. Ты платишь.

— Никогда в этом не сомневался.

— Не деньги — слово за слово.

Им нужна информация?

— Что нужно от меня?

— Инфо для нас.

— Для кого «для нас»?

— Для всех беспризорников.

— С каких пор вы объединились? Я думал, вы вечно грызетесь друг с другом за улицы, где просите милостыню, и делите сферы влияния. Думал, вы объединяетесь только на почве торговли детьми, и все.

— Так было раньше. И будет потом, сан. Но теперь нам... нужен ответ на один вопрос.

— Какой?

— Мертвые беспризорники.

— Ага! Это значит, насколько я понял, что банды сами не знают, что с ними случилось.

— Нет, сан... — Малец набрал воздуха в грудь и с трудом выговорил: — Нет, но рано-поздно мы выясним...

— Если вы так в себе уверены, зачем вам моя помощь?

— Нужна связь с настоящими...

— Ты хочешь сказать, что ни один из подонков, которые вышли из детских банд и наводнили весь мегаполис, не помогает вам?

Он опустил глаза и покачал головой:

— Никто не смотрит назад.

— Ясно. Понял.

Я неоднократно слышал: как только ребенок вырастает, выходит из детской банды, он поднимается на одну ступень в преступной иерархии. В криминальном мире все продается и покупается, но ничто не связано с Центральной базой данных. Поднявшись на одну ступень, бывший беспризорник становится другим. Он превращается в человека без прошлого. Никто не признается в том, что вышел из банды беспризорников. Ни за что! Подкидышей просто не существует.

Чем больше я думал об этом, тем яснее мне виделась перспектива. Беспризорники разыщут для меня малышку Хамбот в какой-нибудь банде, а я узнаю для них то, что им нужно, в мире настоящих. Я не мог взять в толк, зачем беспризорникам знать, что приключилось с двумя малышами. Вроде бы о криминале речь не шла. Но к чему спорить? По моим представлениям, сделка была взаимовыгодной.

— Идет. У меня есть хороший знакомый, который может нам помочь.

— Пошли?

Я покачал головой:

— Там не место для ребенка. Особенно для беспризорника.

Чистая правда. Заведение Элмеро — не место для детей. Но еще вернее то, что мне не хотелось заходить к Элмеро с беспризорником на буксире.

— Они не узнают, — возразил малец.

— Поймут сразу, как ты откроешь рот. Только беспризорники говорят на жаргоне.

— Настоящий... поможет?

Я снова покачал головой:

— Нет времени.

Он понизил голос и сбивчиво сказал:

— Я... что-то... знаю. Я... могу... помочь.

Просто смешно.

— Давно ты тренируешься говорить как настоящий? Готовишься выйти в свет?

Он посмотрел на меня большими карими глазами:

— Пожалуйста, сан!

Где-то в пыльном, давно забытом уголке моей души что-то подалось и размягчилось.

— Ладно, — сказал я, сам себе удивляясь. — Только держи рот на замке. А если придется что-то сказать, не говори «сан». Ты сразу себя выдашь. Называй меня «мистер Дрейер». Понял?

Он улыбнулся:

— Понял.

Я подошел к видеофону и назвал номер Элмеро. Скоро его физиономия выплыла на экран. Обменявшись с ним любезностями, я спросил, не сможет ли он попозже подключиться для меня к Центральной базе данных.

— Куда именно?

— В главный сектор.

— Обойдется недешево.

— А то я не знаю. Если подключишься, я заплачу сполна.

— Разве я когда тебя подводил? — поинтересовался Элмеро со своей жуткой ухмылкой.

— Ни разу, — ответил я, — но кто знает? Док у тебя?

— Скоро будет. Настало время для его обычной понюшки.

— Если увидишь его, попроси дождаться меня. Я скоро буду.

— Ладно.

Экран опустел.

— Если он друг, зачем платить?

— Он берет с меня плату, потому что занимается такими вещами профессионально — среди прочего. Мы друзья, но это не значит, что я могу когда угодно просить его об услуге. Бизнес есть бизнес.

По виду мальчишки я догадался, что он почти ничего не понял, поэтому сменил тему на более близкую ему:

— Пообедать хочешь?

— Конечно. Тут?

— Нет, не здесь. В ресторане.

У него сверкнули глаза.

— Сидеть? За столиком?

Можно подумать, я предложил ему слетать в луна-парк.

— Да. На двенадцатом уровне есть одно местечко, где...

Он вскочил со стула и бросился к выходу.

— Пшли!

VI

— Тебя стошнит, — предупредил я. Подкидывишь явно вознамерился заказать все меню — по две порции каждого блюда.

— Никогда не ел бифштекс.

Он старательно подбирал слова. Видимо, на него повлияло то, что мы сидели в зале, полном настоящих.

— И здесь ты его не получишь.

— Она сказала «бифштекс»! — возразил мальчишка, показывая на сверкающий экран меню на нашем столике. Столик читал содержимое меню монотонным женским голосом, параллельно подчеркивая каждую прочитанную строчку. Я просмотрел напечатанный список блюд. Мое чтение оставляло желать лучшего, хотя за последний год я заметно продвинулся.

— Точно. Есть бифштекс под грибным соусом. Но он не из настоящего мяса.

В таких дешевых забегах настоящего мяса не жди — тут оно никому не по карману.

— Можешь заказать бифштекс из хлорофильной коровы или из сои.

— Что за хлорофильная корова?

Я не хотел вдаваться в объяснения о фотосинтетическом скоте, поэтому просто сказал:

— Соевый по вкусу совсем как настоящий. К тому же он больше.

— Соевый мне! Два!

— Надо говорить: «Дайте, пожалуйста, два соевых бифштекса». Два не дам. Получишь один. — Мальчишка надулся, и я пояснил: — Если съешь один и не наешься, закажу тебе второй.

Он улыбнулся; на какую-то долю секунды он стал обычным ребенком.

Себе я заказал сэндвич с искусственными креветками и пиво. Мне показалось, будто я его отец или родственник, когда я помогал ему выбить заказ на панели управления. Разрешил добавить соево-шоколадный молочный коктейль и крученую пастилу. Мне уже долгие годы не доводилось чувствовать себя отцом. Если быть точным, десять лет. Как ни странно, у меня потеплело на душе. Если не буду осторожен, могу и привыкнуть!

— Как тебя зовут, парень?

— Эм-Эм.

Просто и понятно.

— Ясно, Эм-Эм. Скоро нам подадут обед. А пока сиди отдыхай.

Я наблюдал за ним, пока мы ждали. Он не мог оторвать взгляда от снующих по залу подносов. Два раза мне показалось, что он сейчас слопает чье-нибудь сладкое. Наконец к нам тоже подкатил поднос на колесиках, и блюда соскользнули на стол. Как положено, поднос осведомился, не желаем ли мы заменить заказ. Я сказал, что нет, не желаем, и положил палец в гнездо оплаты. Когда поднос укатил прочь, я обернулся к беспризорнику. Он держал бифштекс обеими руками и жадно грыз его.

— Положи! — рывкнул я, стараясь не привлечь к нам внимания.

К его чести, он не уронил бифштекс на пол и не швырнул им в меня. Просто положил на тарелку.

— Чего еще? — обиженно спросил он, слизывая с губ соус.

— Ты что, хочешь поставить меня в неловкое положение? Слышал когда-нибудь о ноже?

— Ясно, слышал.

— Так вот, если не хочешь, чтобы все поняли, что ты беспризорник, пользуйся ножом!

Он ухитрился ухватить бифштекс левой рукой, а правой принялся отрезать от него кусок. Я уже собирался рассердиться по-настоящему, но понял, что он не нарочно меня злит.

— А ну, положи все на место, — тихо приказал я.

Он нехотя положил бифштекс на тарелку и принялся облизывать пальцы.

Раз уж я привел его сюда, нельзя, чтобы он устроил спектакль. Я взял вилку и сказал:

— Когда ты находишься в обществе настоящих, есть руками нельзя. Это называется «вилка». Вот как ею пользоваться.

Когда я взял нож и склонился к его тарелке, желая показать, как резать мясо, он метнулся вперед и накрыл тарелку руками. Но почти сразу убрал руки и откинулся назад. Я понял: в нем говорит инстинкт. Наколот на вилку край, от которого он откусил, отрезал кусок с отпечатком его зубов и протянул ему вилку. И стал наблюдать за ним. Он жадно схватил ее и сунул мясо в рот, а потом принялся жевать, закрыв глаза.

— Бифштекс? — уточнил он тихо, проглотив мясо.

— В общем, очень похоже на бифштекс. Но настоящие здесь только грибы.

Он набросился на еду. Не успел я съесть и половины сэндвича, как он уже расправился со

своей порцией. Вот что мне нравится в соевых бифштексах: ни жира, ни костей, ни хрящей.

— Ты обещал второй.

— Слушай, ты не привык к густой подливке и такому...

— Ты обещал!

— Ладно, ладно!

Я заказал ему второй соевый бифштекс, но решил, что без добавки крученой пастилы он обойдется. Прикончил свой сандвич и стал смотреть, как он расправляется со второй порцией. Он так жадно ел, что я не сомневался: у него разболится живот. Но он меня удивил. Попросил еще и сладкое. На выходе я купил ему шоколадное мороженое. Мы не успели пройти и полпути, как он уже заглотал его. Когда мы стояли на платформе, ожидая пневмотрубы на Бруклин, мальчишка вдруг позеленел.

— Как ты? — спросил я.

— Нехорошо, сан.

— Неудивительно после всего, что ты...

Он метнулся к писсуару. Но не добежал. Жижя, в которой можно было различить шоколад, соевый бифштекс и пастилу, фонтаном хлынула на платформу. Облегчившись, он вернулся в зону посадки, вытирая рот рукавом.

— Я же говорил, что не стоит брать второй бифштекс.

Он улыбнулся мне и показал пальцем в сторону гравитационной трубы, которая вела назад, в ресторан.

— Закажешь третий?

Я отвесил ему легкий подзатыльник. Улыбаясь, он с легкостью увернулся.

VII

— Ищем беспризорников, а? — Элмеро мерзко осклабился, когда я рассказал ему о деле Хамбота, и повторил вопрос. Кажется, ему нравилось меня злить.

Док тоже был на месте; он ловил кайф над бокалом жуткой смеси бледно-желтого цвета — по виду «буравчика». У Дока круглая черная физиономия, осанистая фигура и круглые совиные глаза. Остается еще год до того, как ему вернут его лицензию и разрешат заниматься врачебной практикой; пока он ждет, коротает время в основном у Элмеро.

— А моя задача в чем? — поинтересовался он.

— Мне нужны результаты вскрытия мертвых детей. Сколько ты берешь за консультацию?

Док хохотнул.

— Заплати, сколько я должен в этом заведении.

Я перевел взгляд на Элмеро; тот передернул узкими плечами.

— Вполне разумно, — заявил он.

— Но у меня нет доступа к нужным сведениям, — сказал Док. — А без данных я ничего тебе не скажу.

— Все в порядке. Элмеро подключится к...

— Элмеро не может подключаться куда угодно! — с невозмутимым видом перебил меня Элмеро, выразительно глядя на беспризорника у меня за спиной.

— Он не заложит, — заторопился я, кладя руку на плечо мальчишки. Тот держался молодцом. Поздоровался, войдя, и молчал. — Эм-Эм не подведет. Надежный парень.

Элмеро поднял брови и склонил голову набок.

— Ты за него отвечаешь?

— Отвечаю. Ядром клянусь. — Я понимал, что мне ничего не грозит. Так как беспризорников не считают за людей, они не имеют права свидетельствовать в суде.

— Хорошо.

Элмеро подъехал на кресле к коммутатору и начал тыкать проводки. Довольно скоро он взломал файлы коронера, и мы начали искать. В возрастной категории до пяти лет обнаружили один неопознанный труп мужского пола и один — женского. Оба с незарегистрированными генотипами. Они скончались в интересующий нас период времени. Док подошел поближе и просмотрел записи. Дважды.

— На вскрытии не обнаружено ничего, кроме механических травм; все травмы получены одновременно, после падения с высоты. Не выявлено ни отравляющих, ни загрязняющих веществ, ни следов насилия. Имеется два трупа в остальном здоровых детей, которые умерли в результате падения с высоты шестидесяти этажей высотного комплекса, у подножия которого они и были найдены.

Тут вмешался Эм-Эм:

— Нет наркотиков? Нет секса?

С нашего прихода к Элмеро он открыл рот во второй раз.

— Кажется, я уже все сказал, — обиделся Док.

— Должен быть наркотик!

Я внимательно посмотрел на него:

— Почему «должен»?

Он некоторое время молча смотрел на меня, потом развернулся и выбежал прочь.

— Эм-Эм — имя типичное для беспризорника, — заявил Элмеро.

— Правда? — удивился я. Я понятия не имел, какие имена в ходу у беспризорников.

— Самое распространенное. Второе после Эм-Ди.

— Все это очень интересно, — перебил его Док, — но мне хочется знать, зачем двое малолетних беспризорников забрались на средний уровень небоскреба «Северный Бедкер».

— Держу пари, они были замешаны в каком-то грязном деле. — Элмеро кисло улыбнулся. — Очень, очень грязном.

Дело становилось интересным. И даже загадочным. Но настала пора расплачиваться: Элмеро отменил долг Дока, потом вычел плату за консультацию и свою плату за взлом системы из той огромной суммы, которая оставалась на моем счете. Я получил у него кучу кредиток за золото, заработанное после расследования дела девушки из Дайдитауна.

Потом я выбежал в общий зал и стал искать Эм-Эма. Вскоре я его увидел. Он смотрел, как посетители играют в новую стрелялку. «Патруль Проциона» — уже вчерашний день. В моду вошли «Шпионские войны». Я схватил его за руку и вытащил за дверь, и мы очутились между стеной и наружной голографической оболочкой бара Элмеро. На сей раз он выбрал классическое парижское кафе. Красиво, только не пытайтесь присесть за столик.

— Малыш, надо поговорить. Ты не сказал мне всего, что должен был сказать!

— Неправда, сан... — начал он, но осекся. — Это неправда!

Я посмотрел ему прямо в глаза:

— Почему ты так настаивал насчет наркотиков? Говори правду, или я ухожу.

Он отвернулся и перевел дыхание. Потом осторожно заговорил:

— Попрошаек... крадут.

— Крадут? — Я впервые об этом слышал. — Кто?

— Не знаю.

— Сколько уже украдено?

— Много.

— Зачем?

— Не знаю.

Я даже обрадовался, что он ничего не знает. Не уверен, что хотел бы узнать подробности того, зачем кому-то понадобилось выкрадывать малолетних беспризорников-попрошаек. Но зато я понял, почему вчера в Бэтгэри одну малолетку охраняли шестеро.

— Тех двоих, что погибли, тоже выкрали?

Он кивнул.

— Кроме тех, которых нашли возле «Северного Бедекера», были еще трупы?

Он покачал головой:

— Только те два. Остальных вернули.

— Ты хочешь сказать, что их похищали, а потом возвращали вам?

— Выкидывают там, где украли.

Дело все больше запутывалось.

— Невредимыми?

Эм-Эм страстно затряс головой:

— Нет! Другими. Их как будто нет. Скучные, тупые, глупые, ненормальные.

Я понял. Те, кто похищали малолеток, возвращали их порченными. Вот почему Эм-Эм был так уверен в том, что мы обнаружим в актах вскрытия запись о наркотиках.

— Значит, по-вашему, их накачивали наркотой, и... что дальше?

Он пожал плечами:

— Не знаю. Не скажу. Плохо дело.

— Не было следов... насилия?

Я подумал о дочке. Возможно, впервые с тех пор, как Мэггс забрала ее, я порадовался, что Линни находится далеко отсюда, в другой галактике.

— Не-а. — Эм-Эм потряс головой. — Венди проверяла. Говорит, тело в порядке, а голова нет.

— Ради всего святого, кто такая ваша Венди? Она врач или кто?

Эм-Эм оживился:

— Она мама. Не бойся. Она знает. Все равно им уже лучше, но медленно. Пройдет много недель.

Их возвращают заторможенными и тупыми, но со временем они приходят в себя. Больше всего похоже на действие наркотика. Очень странно! Маленьких беспризорников воруют и возвращают; в физическом смысле они невредимы, но их чем-то накачивают. С какой целью? Может, просто экспериментируют? Или накачивают наркотиком специально, чтобы дети забыли все, что с ними творили? Но к чему такие предосторожности? Официально беспризорников не существует в природе. Они не могут пожаловаться или выступать свидетелями на суде.

Так зачем затемнять им сознание перед тем, как возвращать обратно?

Зачем их вообще возвращают?

— Сколько дней не было тех детей, которые погибли?

Он подумал и ответил:

— Старшего — три, младшей — четыре.

Их похитили три-четыре дня назад — неужели они были под таким кайфом, что сами шагнули с крыши? Нет, погодите: в крови не выявлены ни инородные токсины, ни химикаты.

Я почувствовал, как у меня самого плавятся мозги.

— В заключении сказано, что наркотика в них не нашли.

Он посмотрел на меня как на идиота:

— Были-были!

Может, он прав. Внезапно меня осенило.

— Пошли, — сказал я и потащил его к подъемнику. — Едем наверх.

VIII

Самое высокое здание в округе Данбери — комплекс «Северный Бедкер». Он такой огромный, что нет смысла оборачивать его в голограмму. Он высится над всей округой, словно гигантская пирамида рисовых галет на пустом столе. Мы поднялись в среднюю секцию и подошли к справочнику.

— Чего ищем, сан? — Когда я смерил его многозначительным взглядом, он поправился: — Что мы ищем?

— Фармацевтическую компанию.

— Фермерскую?

— Нет. Фармацевтическую. Аптечную. Они делают лекарства. Понимаешь?

Эм-Эм отрицательно покачал головой.

— погоди, сам увидишь.

Я напряженно думал. Предположим, кто-то использует детей в качестве подопытных кроликов. На них испытывают действие нового наркотика или лекарства. Лекарство настолько новое и уникальное, что при вскрытии его не обнаружили. Предположим, этот новый препарат имеет побочные действия. Предположим, экспериментаторам не удалось привести в норму зараженных детей. Как они с ними поступят?

Разумеется, отправят туда, откуда взяли. Избавятся от необходимости заботиться о детях, а заодно получают возможность наблюдать за отдаленными результатами своих экспериментов.

Беспризорники в качестве подопытных кроликов. Чудный мир!

В моем сценарии имелось несколько пробелов, но в основном все сходилось. Еще немного информации — и я найду недостающие звенья в цепи.

— Еще скажу, — заявил Эм-Эм, пока мы запрашивали все новые директории в справочнике.

Я искоса посмотрел на него:

— Что еще ты от меня скрываешь?

— Не скрываю, сан... — Он замолчал и откашлялся. — Я не скрываю. Просто вспомнил. Видел комету на флитере, который украл маленького Джоуи.

— Почему же ты мне раньше не сказал?! — Насколько это упростило бы поиски!

Он пожал плечами:

— Не подумал...

— Ладно, не важно. Какого цвета была комета? Красная, желтая?

— Серебряная звезда с длинным серебристым хвостом.

— Слова там были?

Он снова пожал плечами.

Верно. Я вспомнил, что он не умеет читать. Не важно. Дело начало волновать меня по-настоящему. Стилизованная серебристая комета. Очевидно, эмблема компании. Наконец-то дело сдвинулось с мертвой точки!

Мне так только показалось.

В комплексе «Северный Бедекер» размещались тысячи фирм. Мы просмотрели весь справочник, но не нашли ни одной фирмы, ни одной компании, которая предположительно занималась лекарствами, научными исследованиями, медициной или детьми. Потом мы начали вводить слова для поиска и проверять, на эмблеме какой фирмы есть изображение кометы.

Ничего.

Снова начали поиск, введя слова «звезда», «комета», «метеор», «небесное тело».

Ничего.

Мы начали искать любую компанию, чье название имело хоть какое-то отношение к космосу. Даже проверили названия, в которых упоминалась скорость. Несколько штук отыскалось, но ни у одной из них не было эмблемы в виде серебристой кометы.

Мы просмотрели весь главный справочник и начали шарить по разделам.

Часы пробегали незаметно. Стемнело. Мы нашли тележку с соевыми блинчиками; я угостил Эм-Эма. Он заглотал блинчики, как только мы сели, и стал смотреть, как возвращаются домой рабочие после смены.

— Почему ты не работаешь как они?

— Ты имеешь в виду, почему у меня не фиксированный рабочий день?

Он кивнул.

Я сам часто думал, почему мне не нравится упорядоченная работа. Мэггс за время нашего брака задавала мне этот вопрос миллион раз. Мне не хотелось врать, и я ответил честно:

— На такой работе становишься как робот.

Он так странно взглянул на меня, что пришлось объясниться:

— Понимаешь — все по расписанию. Будь на месте тогда-то, тогда-то положи туда эту деталь, сделай это до обеда, сделай то до ухода домой. Регламентированное существование. Такое не для меня. Мне нравится отдыхать, когда я захочу, быть самому себе хозяином, ходить куда хочу и когда хочу. Работать на себя, а не на крупную корпорацию. Я сам себе корпорация.

Он неуверенно кивнул; видимо, я не убедил его до конца. Невероятно! Подкидыш, который всю жизнь живет собственным умом... какие у него могут быть сомнения?

— Только не говори, что хочешь жить так, как они!

Он смотрел на уходящих рабочих большими, круглыми, задумчивыми глазами. Уголки губ опустились вниз; я с трудом расслышал, как он прошептал:

— Я был бы счастлив.

Вот что совершенно необъяснимо. От удивления я на некоторое время лишился дара речи. Потом до меня дошло.

Я разглагольствую о сопротивлении системе перед пацаном, который всю свою жизнь борется за существование в теневой экономике. Ему ни за что не взобраться даже на самую нижнюю ступеньку социальной лестницы, как бы сильно ему этого ни хотелось, как бы он ни стремился подняться, как бы ни старался. Он находится на самом дне, и оттуда нижняя ступенька видится раем.

Жаль, что у меня лицо не размалевано белым, что у меня не красный нос, а в руках нет мандолины. Я — настоящий идиот. Шут гороховый!

Внезапно у меня пропал аппетит. Я отдал мальчишке свой второй блинчик. Он взял его, но съел медленно.

Доев, он спросил:

— Чего теперь?

Я не знал. Выдохся. Я понимал, что мы еще не закончили поиски здесь, в «Северном Бедекере», но мне не хотелось возвращаться в Бруклин, чтобы пришлось завтра утром снова лететь сюда. Мне захотелось извлечь всю выгоду из сегодняшнего путешествия.

— Назад, к справочнику, — приказал я. — Мы просмотрим все фирмы в средней части здания, одну за одной, изучим эмблемы всех предприятий, расположенных в «Северном Бедекере», пока не найдем что-то похожее на комету.

— Может, ошибся, — возразил он.

— Насчет кометы? Не думай, что мне не приходил в голову такой вариант. Именно поэтому ты не уйдешь домой, пока не уйду я.

Мы уселись у справочной панели, вызвали на экран список всех фирм в алфавитном порядке и пропустили их через голокамеру. У меня уже мутилось в глазах, когда мы прошли букву «М». Вдруг Эм-Эм схватил меня за рукав.

— Вот, сан! — Он подпрыгивал на месте и показывал пальцем. — Вот! Оно!

Я открыл глаза и уставился в экран. Увидев название, я похолодел.

«Невронекс».

Но эмблема там была не такая, как надо.

— Здесь нет кометы!

Парнишка водил пальцем по экрану, тыча в логотип «Невронекса». Он почти визжал от возбуждения:

— Есть, сан! Вот!

Тут я понял, что он имел в виду. Под названием «Невронекс» был нарисован стилизованный нейрон с длинным аксоном серебристо-серого цвета. Действительно, похоже на комету.

Нашли!

Я заметил, что парнишка взирает на меня чуть ли не с обожанием.

— Ты очень умный, Дрейер-сан!

— Если бы я был по-настоящему умным, — ответил я, пытаюсь скрыть ужас, который я испытал при виде эмблемы «Невронекса», — я бы не впутался в это дело!

— Где они?

— Не важно, — заявил я. — Все равно они сейчас закрыты. Откроются завтра. Тогда я туда и отправлюсь.

— Я с тобой...

— Нет! Я пойду один. Понял? Ты не пойдешь в контору «Невронекса». Туда не пускают несовершеннолетних. Ты нас выдашь, если пойдешь. — Я встал. — Пошли. Пора возвращаться.

Он надулся; я потащил его на платформу. Мы сели в кабину пневмотрубы, и почти всю обратную дорогу я тупо смотрел на вереницу сигнальных огней за прозрачными стенками и в темноту в промежутках между станциями. Я думал о «Невронексе».

«Невронекс»! Я даже не вспомнил о них — вероятно, потому, что не хотел наткнуться на их название.

Из всех возможных мест... Почему именно «Невронекс»?

Что-то стукнуло меня по плечу. Я огляделся и увидел, что беспризорник заснул и во сне прислонился ко мне. Остальные пассажиры, наверное, думали, что он мой сынишка. Во сне он дрожал. Я положил ему руку на плечо. Просто чтобы внешне все соответствовало.

IX

— Мне на следующей выходить, — сообщил я, расталкивая мальчишку. Он зевнул, потянулся, наступил мне на ногу.

— Устал, — сказал он. — У тебя посплю, сан? Я покачал головой:

— Ничего подобного.

Он удивился.

— Пожалуйста! Устал. Никогда не спал в квартире.

— Ты не много потерял. Не все ли равно, где спать, — лишь бы заснуть. И потом, мне надо работать. Не хватало только, чтобы под ногами путался беспризорник.

— Я могу помогать, — заявил он, старательно выговаривая слова.

Я понял: малыш привязался ко мне, ходит за мной, как утенок за уткой. Пора немного отстраниться.

— Нет, не можешь. Загляни ко мне в офис через пару дней. Может, тогда я что-нибудь тебе сообщу.

Кабина остановилась, и я вышел. Удаляясь, я спиной чувствовал на себе его обиженный взгляд; тем временем пневмотруба уносила его все дальше. Я мог бы привыкнуть к обществу других людей, но сегодня мне необходимо было побыть одному. Без свидетелей.

После того как я узнал, что «комета» Эм-Эма — на самом деле часть эмблемы «Невронекса», я принял важное решение. Очень важное. Но пока не был уверен, что готов изменить свою жизнь.

Много лет назад именно в компании «Невронекс» я подключился к дискеткам. И вот оказывается, что «Невронекс» или, по крайней мере, один из его филиалов каким-то образом причастен к похищению и гибели двоих беспризорников. Спрашивается: почему именно я ухитрился узнать, кто похитил детей, зачем и где находятся похитители.

Следовательно, необходимо проникнуть в «Невронекс» и задать им ряд вопросов, не возбуждая чрезмерного подозрения. Для меня существует надежный способ добиться желаемого, а именно: потребовать разблокировки.

Не слишком радужная перспектива. Я давно собирался это сделать, готовился стать обычным человеком... но не сейчас, а когда-нибудь потом. Не так быстро. Может быть, через год. Может, в следующем квартале. Но уж точно не завтра.

Не завтра, понятно вам?!

И все же... как иначе я попаду в «Невронекс»? Я голову сломал, пытаюсь что-то придумать, но все без толку.

Плюхнулся в новое кресло-трансформер, такое же, как у Элмера, и нажал кнопку, чтобы кресло приняло форму моего тела. Я сидел и смотрел в коридор через зеркальную дверь. Присматривался, прислушивался, но там все было тихо, поэтому я подкатился к шкафчику с дискетками и открыл его. И долго смотрел на маленькие золотые диски. За долгие годы я израсходовал на них целую кучу денег. Некоторые уже выдохлись, но я все равно их не выбрасывал. Может, из-за ностальгии. Добрые старые времена — тогда мне надолго хватало одного простого оргазма. Постепенно я перешел на двойные, потом тройные. Последнее мое приобретение — оргия с участием пятерых; здесь можно произвольно замедлять скорость. В конце концов серия мелких взрывов завершается одним финальным мощным аккордом.

Я выбрал эту дискетку из кучи и прикатил в центр комнаты, развернувшись спиной к голо-

рамме Линни. Когда кресло приняло лежачее положение, я вдруг засомневался.

Может, не стоит? Я внушал себе: держись! Ты целый год постепенно отвыкал. Уже три недели продержался без дискеток. Рекорд! Все равно что очистился. Зачем все возвращать? Послезавтра тебе будет гораздо легче, если сейчас ты закинешь проклятую штучку обратно в ящик и пойдешь спать.

Веские доводы. И вполне разумные. Но никакие разумные доводы не тянут против крохотного фактика: завтра, после того как меня разблокируют, у меня уже не останется выбора — разве что я решусь зашиться повторно. Но повторная блокировка возможна только через полгода. Сегодня — последний день. Послезавтра я стану таким же, как большинство моих сограждан, за одним исключением: некая часть меня настолько огрубела за долгие годы использования дискеток, что эту броню не преодолеть ни одному живому существу. Некая важная часть меня навечно — или почти навечно — онемевает. Мне необходим последний толчок, последний удар — чтобы вспомнить добрые старые времена. Так сказать, лебединая песня. И никакие разумные доводы не заставят меня сегодня отказаться от дискетки.

Я вставлял дискетку в ямку за ухом, когда уловил за дверью движение. Рука замерла на полдороге. Подкидыш! Он тихо крался по коридору к моей квартире. Я почувствовал, как у меня сводит челюсти. Если маленький паршивец решил, что вломится ко мне и начнет хныкать и умолять пустить его переночевать, он жестоко ошибся. Мне нужно побыть одному, хотя бы на...

Он не постучал и не позвонил. Просто некоторое время стоял и смотрел на дверь, а потом опустился на пол и свернулся калачиком спиной ко мне.

Маленький надоеда собрался расположиться на ночь за моей дверью, не ставя меня в известность о своем намерении!

Сквозь прозрачную дверь мне было видно, как ритмично движется в такт дыханию его тощая спинка; мальчик засыпал. Я сжал дискетку в кулаке. Я все еще мог ее поставить, как собирался. Моя дверь звуконепроницаемая, и он даже не догадается, чем я занимаюсь.

Но я-то знаю, что он там!

Я долго смотрел на мальчишку. Он казался таким хрупким — лежал у моей двери и ворочался, устраиваясь поудобнее. Я представил, что он всю ночь проведет на жестком полу, под холодным белым светом, пока я буду сладко спать в затемненной квартире.

Ну и что? Он ведь сам так решил! Мог ведь вернуться к своим и сейчас бы уже мирно спал. В безопасности. Под землей. В заброшенных шахтах бывшей подземки.

Я вздохнул и направил кресло к шкафчику. Бросил дискетку на место, вернулся к двери. Может, все и к лучшему, уверял я себя. Утром будет легче... и потом тоже — по ночам. Меня ждут долгие, пустые, безрадостные ночи.

Я затемнил дверь — не считал нужным раскрывать ему свой маленький секрет — и отодвинул ее. Потом толкнул его ногой.

— Заходи! — сердито прошипел я. — Что скажут соседи, если увидят тебя под моей дверью?

Он застенчиво улынулся, с трудом поднимаясь на ноги. Ворча, я показал ему диван и выключил свет.

Х

Эм-Эм пришел в дикий восторг, когда утром, проснувшись в настоящей квартире, получил настоящий завтрак. Я даже позволил ему помыться в душевой кабине. Он был счастлив. Когда он помылся и оделся, я отправил его восвояси — довольного, чистого, улыбающегося. Я велел ему прийти ко мне в офис попозже.

Убедившись, что он ушел, я высыпал содержимое шкафчика в карман комбинезона и спустился на платформу. Подлетая к «Северному Бедекеру», я старался ни о чем не думать. При мысли о том, что меня ждет, мне делалось нехорошо.

Однако в мозгу свербело, и почему-то всплыло в памяти слово «кастрация».

Не то чтобы я сейчас способен доставить особое удовольствие женщине, просто, когда из моей головы вынут проводки, я самому себе не буду интересен. Говорят, после того, как тебя разблокируют, можно даже приучиться снова спать с настоящей женщиной. С ней никогда не будет так же хорошо, как с дискеткой, но переучиться все же можно.

Я не был уверен, что мне так уж захочется попробовать.

Некоторое время я слонялся в окрестностях «Северного Бедекера», просто чтобы убить вре-

мя. Наконец решил, что хватит оттягивать. Раз уж задумал, надо довести дело до конца. Я забрел в помещение, занимаемое «Невронексом»...

И попал в очередь.

Такого я не ожидал. Странное зрелище! Другие посетители были в голографических костюмах. Я увидел двух Джоуи Хосе, одну Суки Алварес, одного Пепито Ито и других популярных персонажей. Все сидели в очереди к лаборантке. Она вводила каждого по очереди в процедурный кабинет; через несколько минут посетитель выходил и шел по своим делам. Похоже было на то, как если бы все они что-то покупали, но в этом не было смысла. Если им нужны простые наркотики или дискетки, их ведь можно достать гораздо быстрее и к тому же надежнее, не выдавая себя — в автоматах, расставленных вдоль стены. Мне самому нужна была лаборантка. В конце концов, я пришел на операцию.

— Вы здесь одна? — спросил я у нее через голы впереди сидящих.

— Пока не придет продавщица — да. — Лаборантка улыбнулась. — Один день в неделю мы позволяем ей поспать подольше.

— Я пришел раньше вас, — вмешался тощий, потрепанный с виду тип через два стула от меня. На нем не было голокостюма.

— Я и не спорю.

— Просто не забудьте, что вы за мной, — упрямо буркнул тип.

Наконец все в костюмах прошли. Остались только мы с вежливым бездельником. Шаркая ногами, он переместился к стойке.

— Хочу сдать несколько нано.

Лаборантка внимательно оглядела его с головы до ног. Она была рыжеволосая, пухленькая, круглолицая, румяная. Просто ангелочек — если у ангелов бывает нахмуренное выражение лица.

— Разве вы не были у нас на той неделе?

— Был, но...

— Никаких но. Две недели между сдачами, и ни секундой меньше. Вы прекрасно знаете правила. Увидимся через неделю.

Он зашаркал прочь; проходя мимо меня, он отвел глаза в сторону.

— Чем «Невронекс» может вам помочь? — обратилась ко мне лаборантка.

— Мне нужна операция.

Она заинтересовалась:

— Правда? Какая именно?

Я огляделся, чтобы убедиться в том, что поблизости никого нет. Мне не хотелось афишировать свои намерения.

— Хочу разблокироваться.

Она широко распахнула голубые глаза и захлопала ресницами.

— Неужели?

— А что?

— Все в порядке. Просто вы не похожи на наших обычных... — Она осеклась.

— На околпаченных? Тех, кто завис на дискетках?

— Мне не нравится это название. Мы предпочитаем называть наш метод «прямой лимбический нейростимулятор».

— По-вашему, как я должен выглядеть? Как тот парень, которому вы только что отказали?

— Мы пытаемся разрушить сложившийся стереотип. Кстати, вам придется подписать расписку.

— Знаю.

Так я и думал. Сотрудники «Невронекса» вживили мне в мозг провода примерно через год после того, как сбежала Мэггс. Тогда я тоже писал расписку, в которой указывал, что я осведомлен обо всех перечисленных потенциальных физических и психических последствиях своего поступка и освобождаю «Невронекс» от всякой ответственности за таковые. Теперь они хотят, чтобы я освободил их от ответственности за то, что я перестану быть околпаченным.

Конечно. Почему бы и нет?

Мы приступили к делу. Я написал расписку, потом мы обсудили вопрос о цене. Я знал, что здесь не торгуются — прейскурант составлен в центральной конторе «Невронекса», — и все же ухитрился выторговать скидку за счет не до конца использованных дискеток.

Когда наконец пришла продавщица, лаборантка повела меня в стерильную операционную и уложила на операционный стол. Я смотрел на монитор; там было видно, как она готовит к операции мой череп. Когда я смотрел в голокамеру и видел собственный затылок, у меня возникло странное чувство, будто голова отделяется от тела. Лаборантка выбрила участок вокруг ямки, продезинфицировала его и достала скальпель.

— Без лезвия? — удивился я.

Она уселась в кресло, расположенное у меня в изголовье. Лица ее я не видел, только руки на мониторе. Но голос звучал спокойно и уверенно:

— Лезвие есть. Просто вы его не видите. Оно представляет собой петлю молекулярной проволоки Гассмана. Видите? — Она взмахнула видимой частью инструмента в паре сантиметров от моей головы, и кусок черепа отделился, как по волшебству. — Отличная вещь! Одинарный ряд молекул сплава Гассмана; молекулы субмикроскопические, но выдерживают вес в сто килограммов. С таким материалом приятно работать.

От ее нескрываемого воодушевления у меня все сжалось внутри; потом я вдруг увидел, как из надреза полилась кровь. Моя кровь!

— Выключите, пожалуйста, монитор!

— Пожалуйста.

Ее рука на мгновение исчезла из поля зрения, а затем экран потух. Не понимаю, почему некоторым так нравится смотреть на то, как их оперируют. Уставившись в пустой теперь потолок, я начал болтать без умолку. Обычно я слушаю, что говорят другие, но сейчас мне было не по себе: страшно-вато как-то, холодно, меня тошнило. Мне показалось, что разговор отвлечет меня.

— Вы часто делаете подобные операции?

— Нет. Очень редко. Когда работала в Бруклинском отделении, часто вживляла провода. Там мы проводим все виды хирургических вмешательств. Чтобы правильно имплантировать устройство, требуются два человека. А в таких маленьких конторах, как здесь, просто нет места для двух лаборантов.

— Утром мне так не показалось.

— У них был особый заказ. — Я услышал, как она сменила положение. — Отлично. Все готово к разблокировке. Последний раз спрашиваю: вы уверены, что хотите подвергнуться данной процедуре?

— Совершенно уверен... Но что если после того, как вы вынете провода, я начну беситься?

Долгая пауза.

Наконец лаборантка ответила:

— Думаю, мы сумеем вам помочь.

— Да неужели? Каким образом?

— Вы, наверное, слышали об НДТ.

— Конечно.

Я забыл, как расшифровывается аббревиатура, но помнил, что речь идет о нейрогормоне. «Невронекс» выпустил его на рынок под собственной торговой маркой и запатентовал название: «Мозгоправ».

— Отлично. Так вот, наши новейшие исследования показали, что НДТ может оказывать благотворное влияние в период прекращения использования дискеток.

Хорошая новость! Все, что способно облегчить период отвыкания, — благо. В молодости я попробовал НДТ перед сдачей экзамена на следователя, однако особого впечатления он на меня не произвел. И я совершенно не надеялся на то, что сейчас НДТ мне поможет.

— Разве он предназначен не для улучшения памяти и всего такого?

— Верно, — сказала лаборантка. — Происходит обострение чувственного восприятия, но главное в другом. НДТ расширяет горизонты познания. Улучшается память, повышаются дедуктивные и аналитические способности.

— Так я и думал.

НДТ пользуется огромной популярностью среди студентов, а также бизнесменов — они прини-

мают его перед важными переговорами и деловыми встречами.

— Как же он поможет мне?

— Его действие проявляется в том, что он концентрирует внимание мозга на познавательных, когнитивных функциях и отвлекает от вегетативно-репродуктивной области. Иными словами, вы не пользуетесь дискетками, но перестаете это замечать.

Только тут меня кольнула неприятная догадка.

— Кстати, а что собирался «сдать» тот парень передо мной?

— НДТ.

— Зря вы мне это сказали. Мне бы не хотелось, чтобы в моем мозгу плавали его частицы!

Рыжая лаборантка от души рассмеялась:

— Не беспокойтесь! К тому времени, как мы заканчиваем сгущать и дистиллировать НДТ, он становится чистым. Совершенно чистым! Никаких посторонних примесей.

— Заманчиво! Может, попробовать?

— Определенно, попробовать стоит. Вообще-то... — Она замялась, и я пожалел, что не вижу ее лица. — Существует особый НДТ, суперсильный. По-моему, это как раз то, что вам нужно. Новый синтезированный гормон.

— Я думал, что все синтетики слабые.

— Так было раньше. Но мы изобрели нечто совершенно новое. К сожалению, пока мы еще не выпустили его официально на рынок.

— Жаль.

— Я могла бы достать вам его, но я не смогу продать вам НДТ по обычным каналам. Вы меня понимаете?

Я ее понял. Она откровенно намекала на бартерную сделку.

Очень интересно! Я представил себе НДТ в виде обоюдоострого меча: с одной стороны, он может облегчить мне стадию отвыкания от дискеток. С другой стороны, я получаю предлог для того, чтобы вернуться сюда после того, как установлю связь между «Невронеком» и похищенными беспризорниками. Если такая связь действительно существует.

— Чем ваш синтетический препарат такой особенный?

— У него суперсильное действие.

— Почему в таком случае просто не принять побольше обычного НДТ?

— Потому, что в мозгу имеется ограниченное количество мест специфической абсорбции НДТ. Как только задействованы все рецепторы, достигается максимальный эффект — вне зависимости от того, сколько НДТ вы ввели. А суперНДТ вчетверо усиливает биоактивность по сравнению с обычным. — Она еще что-то сделала с моей головой и сказала: — Ну вот и все. Провода я извлекла. А теперь... я могу либо запечатать ваш череп наглухо, либо поставить гибкую мембрану, и тогда вы сможете регулярно принимать НДТ.

— Может, дадите бесплатно попробовать вашу супершпучку? Если она мне поможет, я вернусь и поставлю мембрану, а вы приобретете постоянного покупателя.

Мне не хотелось променять одну зависимость на другую, но, если НДТ поможет мне пережить трудные времена, не стоит его отвергать.

Она помолчала, потом сказала:

— Ну что ж... По-моему, все справедливо. Пойду принесу.

Она ушла. Если бы не вскрытый череп, можно было бы быстро тут все осмотреть. Я лежал на столе и ждал.

— Я введу дозу НДТ в десять нанограммов непосредственно в СМЖ, и потом...

— Что такое СМЖ?

— Спинномозговая жидкость. То есть жидкость, в которой, так сказать, плавает ваш мозг. Потом я вас зашью. Вы испытаете быструю кратковременную интенсивную реакцию на НДТ. Его действие продолжается дольше, если использовать гибкую мембрану.

— Так вы вводите мне ваш суперпрепарат? За счет заведения, да?

— За счет заведения.

Препарат подействовал, когда я слез со стола и вернулся в приемную, чтобы оплатить счет. Внезапно я заметил, что все цвета стали ярче, яснее, сочнее; все предметы приобрели более четкие очертания. Я ощутил все свои нервные окончания — чувствовал, как сканируется отпечаток моего большого пальца, как с моего счета снимается плата за разблокировку. Я чувствовал, как кровь бежит по жилам, как работает кишечник, чувствовал мельчайшие завихрения воздуха в легких, электромагнитное напряжение в сердце. Если это — результат воздействия суперНДТ, все понятно. Он действительно помогает забыть о том, каким ты становишься одиноким и пустым без коллекции дискеток.

Тот НДТ, который я пробовал в прошлом, и близко не стоял рядом с суперпрепаратом! Су-

перНДТ... нордопатриптилин... я вспомнил все, что я когда-либо учил, читал, все, о чем слышал; прошлые знания смешались с нынешними мыслями и вопросами о похищенных беспризорниках, живых и мертвых. И вдруг мне все стало понятно. Все кусочки мозаики сложились в почти безупречную картинку. Требовалось лишь еще несколько фактов, чтобы картинка стала идеальной.

— Конечно! — услышал я свой собственный голос, когда вынимал палец из гнезда оплаты. — Вот зачем вы воруете детишек!

— Что вы сказали? — Лаборантка внезапно прищурилась.

— Ничего. — Идиот! Не можешь держать рот на замке!

— Нет, вы что-то говорили о детишках. — Она больше не улыбалась. Губы ее сжались в нитку, ангельское личико превратилось в застывшую маску.

Я не медлил ни микросекунды.

— Не о детишках, а о своих кишках. Я сказал, у меня кишки сейчас лопнут от голода. Наверное, еще успею пообедать.

— Ясно. — Она кивнула, но я знал, что она мне не поверила. Я почти выбежал из конторы «Невронекса» и направился в бар Элмеро, надеясь застать там Дока.

XI

— По-моему, мы только зря потеряем время. — Черная физиономия Дока лоснилась под яркой лампой в кабинете Элмеро. — Ведь мы уже зале-

зали в Центральную базу данных, но не нашли ничего ценного в акте вскрытия. Зачем повторять?

— Затем, что, по-моему, мы искали не то, что нужно.

Пока я спорил с Доком, Элмеро уже подкатил к панели управления и начал взламывать систему. В моем мозгу все еще бурлил суперНДТ. Мысли мои рвались вперед со страшной скоростью.

Док пожал плечами:

— Как хочешь! Деньги-то твои.

— Верно. Ты мне вот что скажи: при обычном вскрытии исследуют спинномозговую жидкость?

— Конечно. На белки, глюкозу, хлористоводородные соединения, бактерии, вирусы, токсины и всякую всячину.

— А на нейrogормоны?

— Черт побери! Нет!

— Почему?

— Это все равно что исследовать подкожный жир на твоей заднице. Нейrogормоны есть у всех — в разном количестве. Да и потом, зачем им проводить анализ на нейrogормоны? Они имеются у всех. Кроме того, такие исследования дорого стоят. Чтобы идти на большие расходы, необходимо доказать, что ты что-то подозреваешь. Разумеется, никто не даст денег на проведение подобных исследований у неопознанных беспризорников.

Именно так, как я и думал.

— Сколько времени у коронера хранятся образцы тканей?

— По-разному. В твоем случае месяц, не больше.

— Мы на месте, — объявил Элмеро, оборачиваясь.

— Запроси анализ СМЖ одного из погибших детей.

Элмеро наградил меня красноречивым взглядом — отвращение, смешанное с раздражением.

— Извини, — сказал я. — Не знаю, что на меня нашло. Наверное, нордопатриптилин действует.

Элмеро отдал приказ компьютеру коронера выслать результаты анализа, откинулся на спинку кресла и подъехал к письменному столу. Док отлучился в зал за свежей порцией выпивки; сказал, что анализ сразу не перешлют. Он отлично рассчитал время: результаты исследования СМЖ появились на экране как раз в тот момент, когда он вернулся. Док подошел поближе и уставился на экран.

— Чтоб мне провалиться! — воскликнул он.

Я тоже посмотрел на экран и прочитал: «Уровень НДТ в СМЖ — 2,7 нанограмма на декалитр. Норма для данной возрастной категории — 12,5—28 нанограммов на декалитр».

— Так я и думал! — сказал я.

Док мрачно посмотрел на меня:

— И как же ты догадался, что кто-то выкачал у бедного малыша НДТ?

Я рассказал им, как «комета» Эм-Эма привела нас в «Невронекс», что сообщила лаборантка о новом синтетическом суперНДТ; о том, как я еще раньше заподозрил, что «Невронекс» испытывает новый препарат на беспризорниках.

— Но если бы все было так, как ты предполагаешь, СМЖ ребенка была бы переполнена НДТ! — возразил Док.

— Нет, — вмешался Элмеро, — если аппаратура не настроена на синтезированный гормон.

Док нахмурился:

— Почему же уровень НДТ у него понижен?

Я выждал несколько мгновений; все то время я отчетливо слышал глухие удары собственного сердца. Потом я сказал:

— Потому что все, что говорила мне лаборантка о новом синтетическом суперНДТ, — правда, кроме того, что он синтетический.

Оба недоуменно воззрились на меня. Приятно быть умником и знать ответы на все вопросы. Наконец я выдал им:

— Вы только подумайте. НДТ — естественный компонент спинномозговой жидкости. Этот гормон необходим для осуществления нормальных когнитивных функций, а если увеличить его пропорцию, он усилит эти функции. А теперь скажите, на каком этапе развития человеческий мозг наиболее активно анализирует, считает, связывает, сортирует и так далее?

— В детстве, — ответил Док.

— Верно! Для ребенка весь мир в новинку. И его мозг непрерывно бомбардируется бесконечным потоком новых сведений.

Док прикусил губу.

— Мне все это очень не нравится!

Элмеро ничего не сказал. Он просто сидел и переваривал информацию.

— Но где-то втихомолку проводятся опыты, в которых исследуется влияние детского НДТ на психику взрослых. Исследователи подсчитали, что после введения дозы НДТ, взятого у детей, биоактивность учетверяется.

Док затянулся и медленно выпустил дым.

— «Невронекс» — солидная компания. Не верю, что они замешаны в...

— Они не замешаны, — возразил Элмеро. — Иначе я бы о них знал.

Я кивнул. Крупная операция требует привлечения огромных денежных средств, в результате формируется черный рынок детского НДТ. А в Солнечной системе нет ни одного черного рынка, о котором не было бы известно Элмеро.

— Правильно. У них очень мало времени. Та лаборантка и владелец филиала, возможно, работают на свой страх и риск. Они похищают детей, выкачивают у них НДТ и продают его как «неапробированный синтезированный препарат» по высокой цене за нанограмм.

Вот почему утренние посетители были в голо- костюмах. Они не хотели, чтобы их опознали.

— Неужели есть такие, кому это очень нужно? — удивился Док.

— Определенно.

Действие моей пробной дозы постепенно ослабевало; теперь я понимал, почему так легко подсесть на НДТ. Особенно если ты — бизнесмен или аналитик. Я еще никогда в жизни не мыслил так ясно, никогда не улавливал столько общего между на первый взгляд не связанными между собой фактами! Как будто я с рождения страдал близорукостью, а теперь исправил зрение. Становится доступнее весь мир! Возможно, больше я никогда не почувствую ничего подобного. И буду тосковать по сегодняшним ощущениям.

— А потом они убивают детей? — спросил Док. Лицо у него сделалось мрачным и угрюмым. Он рассердился не на шутку.

— Нет. Те двое погибли случайно. По моим догадкам, взрослые могут сдать немного НДТ без особых последствий для себя, но дети сразу чувствуют разницу. После того как у них выкачивают НДТ, они становятся скучными, вялыми, умственно затормаживаются. По крайней мере, так Эм-Эм описал детей, которых похитили, а потом вернули в банду. По-моему, тех двоих, которые погибли, тоже собирались вернуть, как остальных, но не уследили за ними. Они были одурманены, потеряли ориентацию. По-моему, они упали с крыши случайно.

— Сдается мне, — сказал Элмеро, — убивать их было бы надежнее. Следов не остается.

— Следов и так не остается, — возразил я. — У беспризорника нет реального статуса, и потом, детишки не помнят ничего о том времени, когда их похитили и выкачали у них НДТ.

Элмеро не сдавался:

— И все же мертвяки надежнее.

— Эм, как ты не понимаешь? Малолетний беспризорник — курица, которая несет золотые яйца. Если после выкачивания... откачивания... отбора, или как там они называют свою гнусную операцию, детишек вернуть на улицу, через несколько месяцев уровень их суперНДТ постепенно восстановится, и их снова можно будет доить.

К сожалению, после моих слов физиономия Элмеро расплылась в жуткой улыбочке.

— Отлично придумано!

— Чудовищно! — сказал Док, и его черное лицо стало еще чернее. — Об этом необходимо рассказать! Они причиняют детям несказанный

вред! Лишение НДТ в их возрасте, даже в ограниченных пределах, замедляет их интеллектуальное развитие и даже может навсегда затормозить его. А беспризорику требуется интенсивно использовать все клеточки мозга, чтобы выжить в нашем прекрасном мире! Нет, так дальше продолжаться не может. Я должен привлечь к делу внимание медицинских властей. — Он вскинул голову вверх, словно его вдруг озаарило. — За такое мне даже могут вернуть лицензию!

— Док, — сказал я, — вынужден лишить тебя данной привилегии.

Он упал духом.

— Неужели? Почему?

— Таково пожелание клиента.

В общем, я ему солгал. Мистер Хамбот понятия не имел о суперНДТ, но я был уверен: ему не понравится, если история получит огласку. Если обо всем станет известно, хищники, торгующие НДТ, откроют сезон охоты на беспризорику. Придется заниматься всем самому и без шума.

Я рассчитался с Элмером и Доком и отправился домой.

Вот тогда-то молекулярная проволока и отрезала мне голову.

XII

Надо отдать должное Доку — он примчался немедленно. Голова все еще держалась у меня на плечах, а пальцы сжимали шею, хотя к его

прибытию кисти рук уже утратили всякую чувствительность. Док притащил с собой свой докторский чемоданчик. Подбородок и грудь комбинезона у меня были залиты слюной. Мне стоило больших усилий не делать глотательных движений.

— Зигги, Зигги! — в ужасе прошептал он, оглядев меня. — Как же ты? Кто сотворил с тобой такое?

Я с трудом удержался от искушения покачать головой.

— Не уверен, но думаю, что здесь не обошлось без «Невронекса».

Он кивнул:

— Похоже на то.

— Почему я до сих пор жив?

— Не знаю, — ответил он и полез в свой чемоданчик. Руки у него дрожали. — Я слышал о похожих случаях, читал о них в специальной литературе, но никогда не думал, что увижу подобное собственными глазами! По-моему, ты жив благодаря смеси фантастического везения и хорошего равновесия в сочетании с еще более фантастической удачей и поверхностным натяжением.

— Поверхностным... чем?

— Благодаря поверхностному натяжению живые ткани срстаются. Клетки естественным образом склеиваются. Осмелюсь высказать предположение, что твой предполагаемый убийца натянул у твоей двери чистую, новую молекулярную проволоку. Тебе крупно повезло. Молекулы проволоки, которая уже использовалась, хранят отпечатки грязи. Проволока по-прежнему острее

всего, что существует в освоенном космосе, но не сравнится с новой. Разрез получился таким тонким и чистым, что все твои кровеносные сосуды, нейроны и прочие ткани не сдвинулись с места. Ты сел в кресло, ты поддерживал голову руками, ты ни разу не повернул голову, старался не глотать. Ну и, конечно, поверхностное натяжение! Вот почему все осталось на своих местах.

— Я могу говорить.

— Проволока рассекла тебе шею ниже голосовых связок.

— Но я все равно не понимаю, почему...

— Послушай: толщина проволоки — всего одна молекула. Стенки клеток млекопитающих могут пропускать частицы гораздо большие по размеру. Видимо, много твоих клеточных перегородок уже затянулись. И даже более того... готов поклясться, большинство клеток даже не знают, что их перегородки были разорваны.

Он что-то невнятно забормotal.

— Док!

— Ты хоть понимаешь, что твои нейроны до сих пор посылают импульсы из мозга к рукам? Изумительно, просто изумительно! Здесь, справа, небольшая гематома, но в целом ты...

Мне захотелось лягнуть его ногой, но сил уже не осталось. Даже на то, чтобы ругаться.

— Док! Помоги. Пожалуйста.

— А я что делаю?

Он вытащил из чемоданчика что-то черное и прозрачное и обмотал мне горло, аккуратно просовывая ткань под моими пальцами. Потом он осторожно разжал мне пальцы. Мне ужасно не

хотелось убирать руки от шеи, но, когда они наконец бессильно упали, я испытал несказанное облегчение.

Трудясь надо мной, Док продолжал бормотать:

— Изумительно! Просто изумительно! Надо отдать тебе должное, Зигги. Ты не потерял присутствия духа. Я хочу сказать, ты сразу понял, что произошло, верно оценил ситуацию и сделал именно то, что было нужно, чтобы держать голову прямо. У тебя железный характер и мозг как компьютер. Даже не подозревал, что ты такой. Я горжусь тобой!

Я обдумал его слова и пришел к выводу, что мои поступки — не что иное, как побочное действие суперНДТ. Наркотик помог мне сосредоточиться на том, что произошло, и я сумел действовать быстро. Сомневаюсь, чтобы я до всего додумался сам. Но отчего-то я развеселился.

Док обмотал своей материей мою голову и побрызгал сверху чем-то вонючим. Повязка затвердела.

— Что такое?

— Будет поддерживать твою шею. Благодаря повязке все останется на месте до тех пор, пока я не привезу тебя в больницу.

— Никаких больниц.

— Друг мой, у тебя нет выбора.

— Они думают, что я покойник.

Я не хотел высовываться, пока не поправлюсь окончательно.

— Они окажутся правы, если я не отвезу тебя в такое место, где тебе срастят шейные позвонки, запаяют кровеносные сосуды и нервные стволы,

починят разорванные мышцы. А так... даже если ты останешься жив, скоро твой спинной мозг начнет разрушаться. Постепенно у тебя отнимутся нижние конечности... а может, и верхние тоже.

— Они вернутся и добьют меня.

— Я знаю одну маленькую частную больницу, где тебя можно спрятать на неопределенный срок. Там тебя никто...

Кто-то стукнул в дверь. Я поднял глаза, не двигая головой, и увидел беспризорника Эм-Эма, который рвался ко мне, время от времени ударяя по двери кулаком. Он рыдал.

— Открой, — велел я Доку.

Дверь отъехала в сторону и впустила изумленного беспризорника ко мне в квартиру. Онглянул на меня и выпучил заплаканные глаза:

— Дрейер-сан! Вы... ты...

— Живой? — подсказал я.

— Я видел, как он брызгал, улыбался...

— Так ты был там? — Я вспомнил, что различил какое-то движение за спиной типа, который перерезал меня. Значит, Эм-Эм сидел в засаде и следил!

— Шел за тобой от Элмеро, видел, как он брызгал, потом пошел за ним назад.

Мне захотелось похвалить его.

— Куда же он пошел?

— В «Невронекс».

Все верно. Все встало на свои места. Я проболтался лаборантке, что мне известно о беспризорниках, чем подписал себе смертный приговор. Придется рискнуть и поехать в частную больницу Дока. А когда я поправлюсь... если поправлюсь... за мной должок.

Эм-Эм подошел ко мне и ухватил меня за руку. Я почти ничего не почувствовал. Глаза у него снова наполнились слезами.

— Как я рад, что ты живой, Дрейер-сан!

— Мистер Дрейер, малыш!

ХІІІ

Через неделю я вернулся домой. Меня не хотели отпускать, но мне было все равно. С меня хватит. Они бы продержали меня там много месяцев, если бы я им позволил, но недели было более чем достаточно. Они все вернули на место в первый же день, потом начали курс электростимуляции, чтобы кости и нервы быстрее срослись. Прошло совсем немного времени, и я почувствовал себя подопытным кроликом. Все рвались побеседовать со мной, исследовать меня. Стало тошно.

Я заставил выписать меня домой, но напоследок мне нацепили на шею стальной каркас — ортез. Его вкрутили прямо в шейные позвонки. Я совсем не мог вертеть шеей; чтобы повернуться налево или направо, приходилось поворачиваться всем телом. Я почувствовал себя киборгом.

Все медики хотели написать обо мне статьи, но Док имел право первого голоса. Сказал, статья поможет ему вернуть лицензию. Я не мог отказать ему — после того, как он примчался ко мне, оказал первую помощь. Однако я поставил два условия: он не будет упоминать в статье мое имя и подождет с опубликованием до тех пор, пока я не расквитаюсь с типами из «Невронекса».

Док отвез меня домой. Не успели мы войти, как дверь открыл беспризорник. На плече у него сидел Игги.

— Мистер Дрейер, мистер Дрейер! Вы вернулись! — Он мелко дрожал от возбуждения. — Я так рад, так рад!

— Что ты здесь делаешь?

— Живу. Убираюсь. Кормлю собачку. — Он погладил Игги по боку.

— Это не собачка, а ящерица.

Док сказал:

— Зиг, Эм-Эм будет ухаживать за тобой.

Подкидыш попытался схватить меня за руку и отвести к креслу. Я отпихнул его.

— Мне не нужна помощь. — Я самостоятельно подошел к креслу, сел, нажал кнопку. Выдвинувшийся мягкий подголовник услужливо подпер мою шею.

— Нет, тебе нужна помощь, — возразил Док. — Я научу Эм-Эма, как пользоваться нейростимуляторами, чтобы ускорить процесс выздоровления.

Я огляделся. Странно, но в квартире чисто — гораздо чище, чем после автоматического уборщика.

— Как ты сюда попал? — спросил я. Дверь открывалась от прикосновения моей ладони. У меня имелся и ключ, который я мог давать кому захочу, но я его никому не давал.

— Я и не выходил.

— Ты хочешь сказать, что всю неделю сидел здесь и ни разу не выходил?

Он улыбнулся:

— Точно. У меня была еда, кровать, душ, видео. Я много смотрел видео. День и ночь. — Он

развел руками и медленно повернулся кругом. —
Здесь классно!

Я посмотрел на его замурзанную, счастливую мордашку. Он действительно считал, что попал в рай. Наверное, сутками не отходил от видеофона и много слушал. Его речь стала правильнее. И еще он слегка округлился. По-прежнему был худющий, но несколько окреп.

— Еда у нас осталась?

— О да!

— Может, приготовишь нам какой-никакой обед?

— Обед? Да, конечно! Конечно-конечно! — воскликнул он и понесся к кухонному шкафику.

Да, он определенно насмотрелся Информптока.

Док подмигнул мне:

— Он заметно исправился!

Я ничего не сказал; следил, как костлявая обезьянка суетится в моей квартире, словно у себя дома. Мне не нравилась мысль жить с кем-то, но пришлось привыкать — по крайней мере, на время.

XIV

Приходится признать: беспризорник оказался очень кстати. Он научился пользоваться стимуляторами и свято соблюдал расписание процедур. Он массировал мои медленно набирающие силу конечности, поддерживал чистоту в квартире и выполнял поручения.

И без умолку болтал. В основном задавал вопросы. Мальчишка впитывал информацию как губка. В области знаний он был совершенной черной дырой. Он почти ничего не знал об окружающем мире; все, что я ему рассказывал, становилось для него настоящим открытием. Эм-Эм смотрел на меня как на кладезь премудрости. Думал, что я — самый лучший из всех людей на Земле. Не помню, чтобы кто-нибудь еще так ко мне относился. Не скажу, что мне было неприятно. Даже наоборот. И более того — как ни странно, хотелось соответствовать его ожиданиям.

А еще процедуры и его нескончаемая болтовня отвлекали меня от тоски по дискеткам. Но не до конца. В общем, не знаю, как бы я прожил первые несколько дней, если бы не он.

— Ты так и не рассказал, откуда узнал, что кто-то натянул молекулярную проволоку у моей двери, — сказал я на третий день, когда он подключил мне к затылку костный стимулятор. Прибор тихо жужжал, заглушая все посторонние шумы.

— В подземке мы все время так делаем.

— Да, ты мне говорил, но не сказал зачем.

— Крысы.

— Объясни!

— Мы натягиваем ее, где они бегают, и у нор, совсем как... — Он вдруг замолчал.

Совсем как люди из «Невронекса» поступили со мной.

Он явно смутился, и я поспешил увести разговор в более безопасное русло:

— Наверное, вы охотитесь на крыс, чтобы они не добрались до ваших запасов еды?

— Хм. Крысы и есть еда в подземке.

Внутри у меня все сжалось.

— Понятно. — Я решил, что пора сменить тему. — Кстати, что означает твое имя — Эм-Эм?

— Маленький мальчик.

В горле у меня пересохло.

— Ага!

После этого нас навестило официальное лицо: охранник жилого комплекса. Я узнал его по форме и по сонному лицу с тяжелыми, полуопущенными веками. Он уже сто лет охраняет наш комплекс.

— Вы — Зигмундо Дрейер? — спросил он с порога после того, как отпер дверь запасным ключом. Он не сводил взгляда с металлической скобки у меня на шее.

— Да, а в чем дело?

— К нам поступила жалоба на странный запах, который идет с вашей стороны коридора.

— Правда? Какого рода запах?

— Сказали, пахнет так, как будто здесь кто-то умер.

Кровь застыла у меня в жилах.

— Принюхайтесь сами. Чувствуете что-нибудь?

Он покачал головой:

— Нет. Ничего.

— Кто жаловался?

Я заранее знал, что он ответит, просто хотел убедиться окончательно.

— Он не назвался.

Так я и думал.

— Установите его личность, — посоветовал я.

Охранник улыбнулся, шутливо отсалютовал мне рукой и ушел.

— У нас неприятности.

— Неприятности? — переспросил Эм-Эм.

Я начал рассуждать вслух — иногда мне так лучше думается. Решил поделиться с беспризорником своими соображениями.

— Жалоба поступила не от психа и не по ошибке. Кому-то очень важно узнать, почему до сих пор не объявили о моей смерти.

— Откуда они знают, что вы не объявили? — От напряжения он наморщил физиономию. — И откуда они узнали, где вы живете, перед тем, как натянули проволоку?

Я показал ему большой палец на правой руке.

— В нашем обществе все строится на безналичных расчетах. Все очень легко и просто, но всякий раз, когда настоящий берет деньги со счета, он должен оставлять массу данных о себе: имя, адрес, кредитная история. Несомненно, те, кто пытался меня убить, влезли в Центральную базу данных и стали искать там официальное подтверждение факта моей смерти. Естественно, они ничего не нашли. Логично было предположить, что мой труп, никем не обнаруженный, разлагается в квартире, вот и науськали охранника, чтобы он все для них разузнал. Если завтра моя фамилия не появится в списке умерших, они вернутся, чтобы доделать начатое.

Я не знал, что делать. Был еще слишком слаб, чтобы сражаться, но и в больницу возвращаться не хотелось.

Внезапно Эм-Эм очень разволновался.

— Думаешь, они придут сюда? Правда, еще раз?

— Так поступил бы я на их месте. Но не беспокойся. — Я говорил уверенно, хотя никакой

уверенности не испытывал. — Мы просто покрепче запрем дверь и подождем, пока я не поправлюсь окончательно.

— А если они взорвут дверь?

О такой возможности я не подумал.

— Произведут много шума.

Я старался говорить уверенно, но если они охотятся на меня всерьез, то вполне могут так поступить: вырядятся в голокостюмы, вломятся ко мне в квартиру, обстреляют меня из бластера и смоются.

— Плохо-плохо, сан! — Эм-Эм безостановочно расхаживал взад и вперед. Его выговор ухудшался с каждой минутой. — Плохо-плохо! — Он развернулся и кинулся прочь из квартиры.

— Эй! Ты куда?

— Вы остаетесь, сан. Я уйду. Надо уходить. — И он ушел.

Я думал, он скоро вернется, но стемнело, а он не объявлялся. Впервые после возвращения из больницы я пропустил две процедуры. Наконец стало поздно, мне захотелось спать, и я лег в постель.

Но заснуть не удалось. Я все время просыпался и думал, как правильно я поступал, все время живя один. Стоит кому-то поселиться с тобой — и ты незаметно привык. И что потом? При первых же признаках неприятностей твой спутник тебя бросает! Надо было соблюдать осторожность. Все происходящее сводило меня с ума. Мне не было обидно. Я просто разозлился.

Потом, ночью, мне показалось, будто за дверью что-то шуршит. Я сделал дверь прозрачной, надеясь увидеть за ней Эм-Эма, но оказалось, что в

коридоре пусто. Возможно, просто показалось, решил я. И потом, я ведь дал Эм-Эму ключ. Ему не нужно возиться у двери.

Все происходящее очень нервировало меня. Я решил остаток ночи провести в кресле. Дверь оставил прозрачной. Обычно, когда я пытаюсь уснуть, свет из коридора раздражает, но сегодня он успокаивал.

Позже я проснулся, услышав скрип открываемой двери. Бледнолицый носатый тип, который неделей раньше натянул у моей квартиры молекулярную проволоку, стоял на пороге. Из-за его спины выглядывала рыжая лаборантка. Оба разглядывали меня, выпучив глаза от изумления.

— Ты живой! Просто невероятно!

Я почувствовал себя полураздавленным тараканом в луче прожектора. Однако сил на то, чтобы что-то делать, не было. Я не мог оторвать взгляда от куска пластика в руке рыжей. Во рту у меня пересохло.

— Откуда у вас мой ключ?..

Бледнолицый осклабился:

— Твой маленький приятель продал его нам за еду.

Внезапно страх исчез, сменившись приступом острой тоски. Эм-Эм продал меня за еще один соевый обед. Пока бледнолицый пропускал в комнату лаборантку, я понял, что больше не боюсь смерти. Я слишком устал, слишком ослаб. Мне надоели неприятности. И разочарования. Я устал от всего. И ждал смерти почти с радостью.

Она направилась ко мне, но вдруг я увидел: глаза рыжей в тревоге вылезают из орбит. Она попыталась развернуться, и тут я заметил у нее

на шее тонкие алые линии. И ниже, на белом халате, на груди, на животе, на ногах. Она стала падать и на лету начала распадаться на куски, словно рухнувшая пирамида ящиков. Тонкие алые линии быстро превратились в пятна, из которых фонтанами брызнула кровь. Голова ее откатилась налево, руки упали вниз, а туловище осело направо. Миг — и на потолок, на стены, на бледнолицего и на меня брызнула теплая липкая жидкость. Но самая большая красная лужа разлилась вокруг еще корчащегося обрубка на пороге.

Я вытер глаза и поднял голову. Бледнолицый тупо пялился на свою бывшую сообщницу. Я сдержал рвоту и попытался понять, как же все произошло. Вскоре я уже примерно представил, что случилось, и мне сразу расхотелось умирать. Наоборот, очень захотелось остаться в живых.

Сейчас или никогда! Я рванулся на кресле к шкафчику, где хранил свою пушечку. Видимо, от движения бледнолицый вышел из ступора. Он полез в карман комбинезона и извлек оттуда внушительных размеров бластер. Когда он прицелился, из коридора донесся пронзительный крик. Бледнолицый обернулся. Я сидел и наблюдал.

Эм-Эм на полной скорости врезался в бледнолицего. Тот не успел среагировать, потому что мальчишка со всей силы толкнул его вперед. Бледнолицый упал на спину, вращая руками, как ветряная мельница. Напрасно! Он споткнулся о молекулярную проволоку, натянутую поперек порога, и распался на куски. Кровь снова брызнула фонтанами, снова обрубки извивались и катались по полу.

Я вовремя поднял глаза и увидел, как Эм-Эм остановился на пороге. Потом, к своему ужасу, я увидел, как он поскользнулся в луже крови и потерял равновесие. Одной рукой он схватился за ручку двери, а другая замолотила в воздухе... и ее пересекла невидимая нить.

Я увидел, как его кисть отлетела в сторону, увидел, как он упал на колени и тупо уставился на обрубок, из которого хлестала кровь.

— Хватай ее! — закричал я. — Прижми!

Но он был в шоке; мои слова до него не доходили.

Я с трудом выбрался из кресла и встал. Ноги у меня подкашивались, поэтому я встал на четвереньки и пополз по запекшейся крови, мысленно взмолившись, чтобы моя скоба выдержала голову, и надеясь, что я уже поправился настолько, что внутренности не пострадают. Я все время громко подбадривал его, но он просто сидел на месте и пялился на свой обрубок.

Я дополз до порога, вытянул руку и затаил дыхание, надеясь, что не наткнусь на проволоку. После того как пальцы не отвалились, я поднял с пола оторванную кисть и прижал ее точно к месту разреза. Немного пошевелил, нащупал нужное место, и кровь остановилась. Потом я со всей силы вдавил отрезанную кисть на место и прижал.

Он, моргая, смотрел на меня. Лицо у него сделалось белым как мел; глаза ввалились.

— Я их достал! Больше они вам не навредят, сан! — И он рухнул на пол и затих.

Не отпуская его руку, я закричал что было мочи. Двери соседних квартир начали открываться. Я повернулся к мальчишке и сказал:

— Только попробуй умереть, маленький паршивец! Я тебе шею сверну!

Я боялся, что он умер или, в лучшем случае, впал в кому, но готов поклясться: его губы дернулись в улыбке.

XV

Конечно, потом пришлось долго объясняться. Два трупа, аккуратно раскромсанных на мелкие кусочки, — дело из ряда вон выходящее. Их наличие на пороге моей квартиры вызвало у чиновников массу вопросов. Не упоминая о суперНДТ, я рассказал, что случайно вышел на след подпольных дельцов, которые похищали беспризорников; по моим словам, я понятия не имел, зачем преступникам понадобились малолетние дети. Узнав, что они раскрыты, преступники попытались убить меня при помощи молекулярной проволоки.

Так как у меня имеется лицензия частного детектива, а характер полученных мною ранений подтверждал мои слова о прежнем нападении, а еще потому, что отрезанные руки рыжей и бледнолицего крепко сжимали бластеры, мне удалось избежать тюремного заключения. Однако после того как трупы собрали по кусочкам, их отправили на экспертизу, а дело не закрыли. В общем, мне запретили покидать мегаполис до тех пор, пока все не прояснится окончательно.

Но мне было все равно. Так или иначе, я никуда не собирался уезжать.

Руки и ноги у меня окрепли, я уже мог ходить и обслуживать себя. И даже немного возиться в

приоконном садике. Хотя Док все еще не разрешал мне снять скобу.

Эм-Эм держался молодцом — я оплатил его лечение по высшему разряду, чтобы не сомневаться в благоприятном исходе. Его правая рука срасталась хорошо, но все еще была в лубке. Зато он отлично наострился пользоваться левой рукой. Из нас двоих получилась вполне сносная личность.

— Ну мы с тобой и парочка инвалидов, — сказал я, когда мы сидели и смотрели видео.

Эм-Эм закинул в рот сырнй шарик, а другой швырнул Игги.

— Лентяи.

— Точно. Я обленился. Пора возвращаться к работе.

Работа! Я вспомнил о своем единственном клиенте — мистере Эрле Хамботе.

Окрестные беспризорники проверили всех малышей в возрасте дочери Хамбота, но не обнаружили ни одной, чьи отпечатки ног хотя бы отдаленно походили на те, что дал мне ее отец. Не знаю, можно ли всецело полагаться на их способности, но выбора у меня не было. Анализ сетчатки был бы надежнее, но об этом и речи быть не могло.

Пора звонить клиенту и говорить, что я все еще ищу его дочь, хотя пока результат нулевой.

Странно... прошло столько времени, но Эрл Хамбот ни разу не позвонил узнать, как продвигается расследование. Вдвойне странно, если учесть, что он щедро заплатил мне золотом. Вперед.

Я подъехал к видеофону и назвал номер, который оставил мне клиент. Но тот мужчина, ко-

торый появился на экране, не был моим клиентом. В ответ на мои расспросы он сообщил, что никогда не слышал об Эрле Хамботе.

Остаток дня я названивал всем Эрлам Хамботам, проживающим в мегаполисе. Их оказалось не так много, но среди них моего клиента не оказалось.

— Что происходит? — сказал я, когда потух экран голокамеры после последнего звонка.

— Что такое? — спросил Эм-Эм.

— Меня нанял клиент, которого не существует в действительности; он просил найти ребенка, которого невозможно найти. Ты что-нибудь понимаешь?

— Может, нет ребенка.

— Может, ты прав.

— Загадка, сан.

— Мистер Дрейер. Да, вот уж точно загадка.

— Да ладно. Зато друг на всю жизнь, да? — Он ткнул себя пальцем в грудь и швырнул мне сырный шарик.

Я рассмеялся и швырнул шарик назад, ему. Наверное, с меня достаточно. Пока!

Часть третья

ДЕТКИ

Безобразия творятся повсеместно. Вы знаете, где сейчас ваш незаконный мальчик?

Граффити из Информпотока

I

Прошло несколько недель, прежде чем мои голова и шея срослись окончательно. Примерно к тому же времени зажила и правая рука Эм-Эма.

Но тип, назвавшийся Эрлом Хамботом, все не шел у меня из головы. Кто он? Что можно сказать о клиенте, которого не существует?

Более того, что можно сказать о несуществующем клиенте, который платит золотом за то, чтобы вы нашли для него еще одну несуществующую личность?

Вы решите, что у меня тяжелая нервная дисфункция. Правильно?

Но так только кажется на первый взгляд. Эрл Хамбот солгал мне насчет своего имени, однако заплатил мне вперед звонкой монетой. Он хотел, чтобы я нашел его вымышленную дочь, которую он, по его словам, во младенчестве подкинул беспризорным детям.

Зачем?

Ни один разумный довод не приходил мне в голову.

Хотя и жаловаться повода не было. У меня осталось его золото; а золото едва ли назовешь тяжким бременем.

Однако спустя некоторое время стало ясно: мне непременно надо найти типа, который называл себя Эрлом Хамботом. Иначе я сойду с ума. И потом, мне не приходилось ради его поисков выкраивать минуты в плотном графике работы. В конце концов, пару лет назад я, так сказать, ушел на покой и сейчас отнюдь не страдал от перегрузок.

И вот я использовал избыток свободного времени и всем известную квалификацию для поисков Эрла Хамбота. Я понимал, что найти его будет непросто, однако я на собственной шкуре испытал, что значит понятие «одержимость», и уже не мог остановиться. Эрл Хамбот не давал мне покоя.

Каков скрытый смысл его действий?

Во всех своих поступках люди так или иначе пытаются преуспеть. Даже если они подают побрякушку малолетней попрошайке, взамен они чувствуют себя молодцами. Даже у психов есть свои доводы для совершения тех или иных поступков. Чаще всего их доводы не стоят ломаного гроша, но, по крайней мере, понятно, почему они поступают так или иначе. А с Хамботом я не мог даже ничего предположить. След уже остыл, однако мне было все равно. Мне нужно все выяснить! А для того, чтобы выяснить, надо его найти.

Жаль, что я не мог выйти на его след по официальным каналам. Но для этого у меня должен был быть отпечаток его большого пальца. В моем случае такой вариант исключался, потому что он

заплатил мне золотом. Вначале я решил, что Хамбот просто демонстрирует таким способом доверие и добрую волю и, разумеется, не хочет, чтобы наши деловые отношения регистрировались в Центральной базе данных. Меня такая сделка вполне устраивала. Способ оплаты в точности соответствовал тому, что от меня требовалось: обнаружить предположительно незаконного ребенка.

Которого, вероятно, тоже не существует в природе.

Я потихоньку начал сходить с ума.

Куда клонил Хамбот? И какая ему выгода от нашей маленькой сделки?

Я ничего не знал, но был полон решимости все выяснить.

По крайней мере, мне так казалось.

Я тщетно обыскал весь мегаполис. Никто не мог припомнить, что хотя бы слышал его имя прежде; и хотя довольно много людей уверяло, что по описанию он кажется им смутно знакомым, никто не мог с уверенностью сказать, где он его видел. Эм-Эм даже пустил по следу Эрла Хамбота парочку банд беспризорников, но и их поиски окончились впустую.

Дело казалось безнадежным.

Поэтому представьте мое удивление, когда я обнаружил его у себя дома. Правильно. Я сидел в своем уютном кресле-трансформере, в моей уютной квартирке. Вообразите картину современного семейного уюта: мы с беспризорником и игуаной дружно глазеем в голокамеру. Идиллия!

Там-то я его и засек. Во время доброго старого выпуска новостей с моим любимым диктором четвертого канала.

Шла реклама средства для ращения волос «Версапили». Вы ее помните. Та, где вначале парень раскачивается взад и вперед, сверкая голографической лысиной, потом у него начинают расти усики, потом волосы на груди, на лобке; постепенно он обрастает волосами весь, а статисты у него за спиной танцуют и поют:

Все происходит автоматически!
Ты волосеешь гигиенически!
Это практично
И прагматично!
Полный экстаз!
Наши энзимы спасают молекулы!
Наш «Версапили» спасает фолликулы!

Признанная классика жанра. Все жители нашего славного мегаполиса запомнили тот ролик, потому что в нем действуют реальные люди. Настоящие, а не цифровые конструкции. И угадайте, кого я углядел на заднем плане? Кто расхаживал по сцене с напыщенным видом?

Правильно.

Я заорал как ненормальный:

— Это он! Он, клянусь Ядром!

Я жутко напугал Эм-Эма, который явился ко мне в гости после одной из отлучек домой, к пропащим мальчишкам. Он даже пролил на себя полчашки зеленого «Травяного пунша».

— Чего? Чего? — заволновался он, изворачиваясь своим костлявым телом в разные стороны и тараща огромные карие глаза. — Кто он? Кто такой?

— Вон тот тип на заднем плане, справа! С квадратной стрижкой! Это он! Хамбот! Эрл Хамбот!

— Точно? — переспросил Эм-Эм, пытаюсь вытереться. Однако ему удалось лишь размазать липкую зеленую жидкость по всему комбинезону.

— Точнее не бывает.

Я придвинулся ближе, чтобы лучше рассмотреть его, но рекламный ролик уже закончился, и на экране голокамеры снова появился диктор. Я приказал видеопанели вернуть рекламу и поставил паузу, когда парень, привлечший мое внимание, на секунду выдвинулся на первый план. Я рассмотрел его и анфас, и в профиль.

Никаких сомнений — передо мной Хамбот. Или его клон.

Я велел видеопанели вернуть на экран Информпоток, уселся в кресло и стал думать о таинственном Эрле Хамботе — впрочем, вряд ли это его настоящее имя. Зато теперь я знал, что он певец и танцор. Не помню, сильно ли меня обрадовало мое открытие.

— Зигги-сан, как ты собираешься его найти? — спросил Эм-Эм.

На прошлой неделе он перестал называть меня «мистер Дрейер». Не скажу, чтобы «Зигги-сан» мне нравилось больше, но я не стал спорить. Эм-Эм ловко придумал, как счистить с комбинезона зеленую жижу, — посадил Игги на колени и дал ему вылизать свой комбинезон шершавым языком. Я и не знал, что игуане понравится «Травяной пунш». Возможно, зеленое приторное пойло кажется ему настоящим лакомством после квартирных тараканов.

— Придется наведаться в агентство по подбору актеров.

Найти Хамбота оказалось не так просто, как я думал. У меня ушло несколько дней на то, чтобы проникнуть в различные отделения «Версапили» корпорации «Лизон», пока наконец я не наткнулся на человека, который случайно помнил название компании, изготовившей тот рекламный ролик. Оказалось, что права на рекламу «Версапили» выкупила одна из новомодных авангардистских групп, которые из принципа нанимают живых актеров. Поскольку никто из сотрудников не помнил, как зовут второго парня справа на заднем плане, пришлось взять фамилии всех пяти статистов. Я вернулся к себе и принялся обзванивать их по алфавиту.

Удача улыбнулась мне на номере третьем.

Эрл Хамбот оказался Дином Кармо. Жил один в маленькой квартире в старом жилом комплексе в Куинсе. Невысокий дом был обернут в голограмму, изображающую верхнюю половину старого небоскреба компании «Крайслер». Одна только голограмма оповещала прохожих о том, что само здание внутри старое и убогое. «Крайслер» был одним из первых популярных голографических «конвертов». Подъезд подтвердил правильность первого впечатления.

Однажды утром я дождался, пока он выйдет из дому, и проник к нему. Это было легко. Защитные механизмы у него были рудиментарные. Оказавшись в его квартире, я понял, почему он не заботится о безопасности своего жилища. У парня просто нечего было красть. По сравнению с его конурой моя квартира казалась дворцом.

Очевидно, в наши дни певцам и танцорам из плоти и крови немного платят.

Я расположился поудобнее и стал ждать. Я приготовился к долгому ожиданию, но он удивил меня, вернувшись через пару десятых.

Войдя, он сначала даже не огляделся. Мурлыкал себе что-то под нос. Одет он был по последней моде — точно так, как в тот день, когда он объявился у меня. Настоящий красавчик. Дверь задвинулась у него за спиной, и только потом он заметил меня. От неожиданности он уронил пакет, который держал в руках.

— Что вы здесь делаете? Я позову охрану!

Он потянулся к кнопке вызова. Очевидно, не узнал меня.

— Ты меня удивляешь, Эрл, — быстро проговорил я. — Не узнаешь старых знакомых! Даже не поздоровался!

Его палец замер в миллиметре от кнопки.

— Меня зовут не...

Он взглянул на меня повнимательнее. И у него в голове прояснилось.

— Вы... вы тот самый...

— Частный детектив.

— Точно! — Он улыбнулся. — Как поживаете, мистер... Простите, забыл ваше имя.

— Неужели? Как можно забыть имя человека, которого вы наняли, чтобы найти свою дочь?

Улыбка у него на лице увяла; рука по-прежнему находилась поблизости от кнопки тревожного сигнала.

— Не уверен, что понимаю, о чем вы.

— Моя фамилия Дрейер. Зиг Дрейер. А как мне вас называть? Мистер Хамбот или мистер Кармо?

— Лучше Кармо.

— Отлично. Давайте побеседуем, мистер Кармо. Я здесь не для того, чтобы доставлять вам неприятности. Вы хорошо заплатили мне, и я не намерен скандалить. Но мне очень любопытно.

Наконец он убрал руку от кнопки сигнализации и сел на второй стул — в квартирке их было всего два.

— Мистер Дрейер, вряд ли вас обрадует то, что я вам расскажу.

— Почему?

— Потому что мне известно очень немного. Собственно говоря, мне почти ничего не известно.

— Позвольте уж мне решать. Можете начать с признания. Скажите, у вас на самом деле имеется незаконная дочь?

Он рассмеялся, но как-то нервно.

— О нет! Конечно нет! Дочь — это часть моей легенды.

— Но зачем вообще было что-то выдумывать?

— Я правда не знаю. Я актер. Меня наняли, чтобы я разыграл спектакль. — Он выразительно передернул плечами. — Вот я и сыграл.

— Кто вас нанял?

— Не знаю. На нем — или на ней — был голокостюм.

— Прелестно! — Я начал раздражаться и не скрывал своего состояния.

Кармо поморщился:

— Извините.

— И чей же на нем — или на ней — был костюм?

— Джоуи Хосе.

Мне захотелось чем-нибудь в него швырнуть. Я рассчитывал, разыскав Кармо, многое от него узнать, но мои надежды истаяли как дым. Его нанял какой-то тип, скрывшийся за голографическим изображением самого популярного комика во всем мегаполисе. Люди чаще всего заказывали именно голокостюмы Джоуи Хосе. Во всех прокатных фирмах, дающих в аренду голокостюмы, имелось штук двадцать изображений Джоуи Хосе — про запас. Никакой надежды на то, что я найду человека, нанявшего Кармо!

— А голос? Припомните, может, у него был какой-нибудь акцент?

Кармо снова поморщился:

— Он использовал голософон Джоуи.

Голокостюм и голософон. Кем бы ни был тип, нанявший Кармо, он позаботился о том, чтобы замести следы.

— Значит, тот неизвестный в голокостюме просто подошел к вам, передал золотую монету и велел: «Найди кого-нибудь, кто будет искать твою вымышленную незаконную дочь». И вы случайно напали на меня...

— О нет. Мой наниматель дал вполне четкие инструкции. Я должен был нанять Зигмундо Дрейера, и никого другого.

— Но я уже несколько лет как отошел от дел! Я открыл свою контору всего за два дня до того, как объявились вы.

Он снова передернул плечами:

— Что тут скажешь? Может, мой наниматель специально выжидал, пока вы снова откроете контору. Мне известно лишь следующее: он дал

мне две золотые монеты и велел за одну нанять вас, а другую взять себе. Если мне удастся нанять вас, я получал еще два золотых. Наверное, не нужно говорить, что за такой гонорар я постарался сыграть свою роль как можно лучше.

Когда я встал, он съежился.

— Вы отличный актер, друг мой. Великолепно сыграли порученную вам роль.

Меня так и подмывало вкатить актеришке дозу сыворотки правды, но я подозревал, что не узнаю ничего нового. За ним кроется очень ловкий тип. Он не оставил следов и соблазнил актера заманчивым гонораром, позаботившись о том, чтобы Кармо не прикарманил денежки и сыграл как можно лучше.

— Надеюсь, я никому не причинил вреда, — сказал Кармо.

Я похлопал его по плечу, и он едва не упал.

— Нет. Никакого вреда. Мне просто захотелось выяснить, что за всем этим кроется. К сожалению, вы мне несколько не помогли.

Я ушел, оставив успокоенного и насквозь вспотевшего актера в его квартирке.

III

— Давай ешь суши.

Эм-Эм скорчил гримасу:

— Недожарено!

— Так надо. Суши должны быть сырыми.

— Сырая рыба?

На лице его появилась гримаса такого отвращения, что меня проняло. Я с трудом удержался

от смеха. Эм-Эм отвлек меня от отчаяния, в которое я погрузился после беседы с Кармо.

— Это не настоящая рыба. Только с виду похожа на рыбу. Вегетарианская рыба. Фальшивый тунец с рисом в уксусе. Смотри! — Я сунул палец в салатницу со смесью сои и васаби и облизал его. — М-м-м! Как вкусно!

Эм-Эм вскочил со стула и схватил себя за горло, очень натурально изобразив, что его сейчас вырвет.

Остальные посетители забегаловки с интересом посмотрели на нас.

— Прекрати! Иначе нас сейчас вышвырнут отсюда.

Он нехотя сел на место.

— Хочу соевый бифштекс!

— Прости, не понял!

— Пожалуйста, купи мне соевый бифштекс, — тщательно выговаривая слова, произнес он.

— Может, расширим твой ассортимент? Знаешь, на свете есть масса других вкусностей, кроме соевых бифштексов, сырных шариков и крученой пастилы.

— Не хочу эту дрянь.

— Откуда ты знаешь, что суши — дрянь? Ты ведь даже не попробовал. Какой из меня родитель, если я даже...

— Ты не родитель!

Слова Эм-Эма ранили меня куда сильнее, чем я ожидал. Понятия не имею, почему я вдруг вообразил себя его родителем. У меня ни разу не возникло желания быть его папашей. Правда! И все равно мне стало больно. Видимо, эти мысли отразились у меня на лице, потому что он добавил:

— Венди — мама для всех пропащих мальчишек.

Я хотел возразить: всякому человеку позволено иметь двоих родителей. Но вовремя сообразил, что невольно поставил бы мальчика в неловкое положение. Поэтому я промолчал.

— Ладно. Забудь.

Черная тоска снова накатила на меня.

— Ты друг, Зиг. Не родитель.

— Что ж, друг так друг. А друзья не заставляют друзей есть суши. Верно?

— Верно.

Я заказал ему соевый бифштекс и все его обычное меню. Всякий раз, как я брал его с собой в ресторан, он заказывал то же самое. Такое же безобразие. Должно быть, беспризорникам никогда не надоедает.

— Кстати, а кто такая Венди? — спросил я, пока мы ждали заказ.

— Общая мама.

— Эм-Эм... — устало протянул я.

— Да, Зиг, знаю. Не биомама, но она настоящая мама. Читает нам, учит нас, покупает одежду и еду. А малышей укладывает спать.

Глаза его сверкали. В них светилось обожание. Мне стало не по себе. Какое мне дело до какой-то психопатки, которой взбрело в голову изображать перед беспризорниками мамочку?

— Какая она?

— Красивая.

— Конечно. Все мамы красивые. А ты опиши ее поподробнее. Какие у нее волосы, например. Светлые?

Он покачал головой:

— Темные. Прямые.

— Она толстая или худая?

— Худая. Как мы. Конечно.

— Почему «конечно»? Когда она уходит от вас по ночам, она, наверное, возвращается к себе домой и наедается там от души.

— Венди живет с беспризорниками.

Я задумался. Ни один человек, находящийся в здравом уме, не захочет поселиться в подzemке с оравой ребятишек, которые питаются крысами и тем, что выпросили на улицах!

— Ей-то что за прок от всех вас?

— Семья. Мы все — семья.

— Все?

— Ага. Она ходит во все банды. Общая мама, но всегда возвращается к пропащим мальчишкам. Мы — ее первая семья.

— Она никогда не поднимается наверх из-под земли?

— Выходит, но ненадолго. Всегда возвращается и приносит подарки.

Я насторожился. Либо эта Венди настоящая сумасшедшая, которой место в черной дыре, либо она ведет какую-то темную игру, смысла которой я пока не понимаю. Так или иначе, мне стало беспокойно при мысли, что Эм-Эм общается с ней. По крайней мере, надо побольше разузнать о Венди.

— По твоим рассказам, Венди — замечательный человек, — сказал я. — Когда я смогу с ней познакомиться?

Он вздрогнул, как будто его ударили.

— Познакомиться? О нет. Венди не знакомится с людьми сверху. Она говорит, нельзя рассказывать о ней никому, кроме беспризорников.

— Но ты же мне рассказал!

— Ты друг. Друг на всю жизнь, Зиг. Я тебе верю.

— Ясно. Что ж, подумай, может, получится. Для меня очень важно познакомиться с такой выдающейся личностью.

— Я спрошу, но она ни за что не согласится.

Тут принесли еду, и все разговоры прекратились. Когда перед Эм-Эмом стоит тарелка с соевым бифштексом, с ним невозможно разговаривать. И смотреть на то, как он ест, тоже невозможно.

IV

Через два дня ко мне в контору нанес очередной визит один из моих любимцев — сводник и клоноторговец Нед Спиннер.

— Чего тебе надо, Спиннер? — спросил я, подождав, пока он задвинет за собой дверь и подойдет к столу. Он стоял напротив и пожирал меня взглядом.

Его курчавые светлые волосы, как и раньше, были подстрижены в стиле «цезарь», а одет он был в тот же самый темно-зеленый комбинезон из псевдобархата. Он все так же гнусавил, только в тот раз еще и раскачивался из стороны в сторону. Как всегда, он напомнил мне огромного задиру-переростка.

— Я слышал, что с тобой случилось. Вот, захотелось навестить тебя и убедиться, что с тобой все в порядке.

— Как трогательно с твоей стороны так беспокоиться о моем состоянии!

— Точно, Дрейер. Я очень забеспокоился, когда услышал, что тебе отрезали голову. В конце концов, ты — единственный, кому известно, где находится мой украденный клон. Я не хотел, чтобы тайна умерла вместе с тобой.

— Посмотрел на меня? Теперь можешь идти. Он переминался с ноги на ногу.

— Послушай, Дрейер. Предлагаю тебе сделку. Я знаю, ты украл ее для того, чтобы попользоваться самому. Но поверь, то, что ты сейчас имеешь, не идет ни в какое сравнение с тем, что она может зарабатывать, если вернется в Дайдитаун. Она чертовски хороша, клиенты платят ей больше, чем другим...

— Спиннер, дверь у тебя за спиной.

— Псих, я предлагаю взять тебя в долю! — завизжал он. — Скажи мне, где она, и я ее заберу. Поселю на прежней квартирке в Дайдитауне, а тебе дам процент! Что может быть справедливее? В конце концов, она — мой клон! Она моя, и точка!

Я молча воззрился на него.

— Ну, — прогнусавил он, — что скажешь? Заманчивое предложение, правда? Ты согласен?

— Нет. Потому что, если я соглашусь, я стану таким же, как ты, Спиннер. А мне такая перспектива вовсе не кажется заманчивой.

Лицо его перекосилось гримасой, которую он, наверное, считал улыбкой.

— Ладно, Дрейер. Продолжай свои грязные игры. Но заруби себе на носу: я с тебя глаз не спускаю. И всегда буду следить за тобой.

— Вот теперь я могу спать спокойно.

— Рано радуешься, Дрейер! Рано или поздно я тебя поймаю. Помни: я не спускаю с тебя глаз.

И однажды ты приведешь меня к моей собственности.

— Спиннер, твоя, как ты выражаешься, собственность находится в другой галактике. А поскольку я ни сейчас, ни в будущем не намерен улетать с Земли, тебе придется долго ждать своего часа.

— Ври дальше, Дрейер. Когда я застукаю вас с ней, я оторву тебе не только голову!

Как же мне уговорить его уйти и оставить меня в покое? Я всерьез заводновался. Похоже, он ни за что не отцепится от меня! Да и как отцепиться? Он шикарно жил, пока эксплуатировал клона, а оставшись без нее, вынужден существовать на пособие для малоимущих. А, ладно, попробую!

— Послушай, — сказал я наконец. — Даже если ты вернешь ее, от нее тебе не будет толку. Она откажется заниматься для тебя проституцией в дыре, которую ты называешь Дайдитауном. Так почему бы не взглянуть правде в лицо? Ты проиграл. Она победила. Она улетела с Земли навсегда и больше не вернется. Забудь ее!

Глаза его злобно сверкнули; он стукнул кулаком по столу.

— Ничего подобного! Она здесь, на Земле! Может быть, прямо тут, в нашем мегаполисе. И я ее найду! А если она откажется работать на меня, я сотру ей память, и мы начнем все сначала! Но я никогда не сдамся, Дрейер!

Хорошо, что после этого он сам ушел. Пока я представлял, как он стирает Джин память и снова запирает ее в Дайдитауне, меня так и подмывало его придушить.

Только я успокоился, как ко мне влетел Эм-Эм. Он плюхнулся на стул и изумленно воззрился на меня.

— Что случилось, малыш?

Он медленно покачал головой, словно не совсем понимая, о чем говорит:

— Не верю, Зиг. Но Венди сказала — она познакомится с тобой, повидает тебя.

Определенно, Эм-Эм слишком много времени проводил среди старых дружков. Придется заставить его посидеть перед видеофоном и послушать Информпоток, чтобы его речь перестала отдавать жартоном беспризорников.

— Полагаю, ты дал мне отличную рекомендацию.

— Отличную, да, но она никогда — никогда! — не знакомится с людьми сверху.

— Когда она поднимается наверх, она же с кем-то встречается, разговаривает.

Он задумался.

— Можбыть. Но когда она уходит, никогда надолго. Всегда приходит утром.

Вполне понятно. Даже если великолепная Венди обожает беспризорников, ей иногда хочется пообщаться со взрослыми. Может быть, именно потому она и согласилась встретиться со мной. В конце концов, я избавил их от парочки злобных акул из «Невронекса». Да и Эм-Эм подтвердил, что я не подонок, который собирается эксплуатировать несчастных малышей.

— Когда же мы увидимся с твоей Венди?

— Сейчас, сегодня. Прямо сейчас.

— Не спеши, малыш. Сейчас я занят.

Я не был занят, но мне хотелось самому назначить день и час встречи с Венди.

— Она сказала — сейчас или никогда. Или, может быть, очень долго.

Ее ультиматум меня не обрадовал, но ведь я сам настаивал на знакомстве с ней. Она согласилась, но выдвинула свои условия.

— Где?

— Там, внизу.

— В туннеле?

— Венди не любит наверху.

— Класс! — Меньше всего мне хотелось шататься по заброшенным шахтам подземки. — Сейчас возьму карманный фонарик, и ты покажешь мне дорогу.

Мы пролетели район Бэттери и очутились у комплекса корпорации «Окумо-Слейтер», где я во время работы на лже-Хамбота встретил первую стайку беспризорников. Потом пролетели еще две остановки на север. Оттуда мы пошли пешком. Мы забирали все дальше в северном направлении, пока не подошли к средних размеров административному зданию. Эм-Эм провел меня подвалом к старому заваленному входу в подземку. Беспризорники давно разобрали завал. Эм-Эм пролез внутрь, я с трудом протиснулся за ним. Мы зажгли фонарики и поползли по нижним этажам мегаполиса.

Мы спускались вниз по бетонным ступенькам; в неярком свете карманных фонариков отражались бетонные стены, обложенные белой кафельной плиткой. Мы шли по коридору, заваленному обломками камня, спрыгивали с бетонных ограждений и шли вдоль рельсов по длинным туннелям,

грубо проложенным в гранитной породе. Здесь, под землей, было душно и влажно; испарения со стен собирались в лужи, где-то мелкие, где-то такие широкие, что они преграждали нам путь, и нам приходилось ползти по самому краю. Когда мы обходили одну большую лужу, сзади что-то громко плюхнуло, и я почувствовал, как у меня волосы поднялись дыбом.

— А здесь не жарко, — заметил я.

Эм-Эм шел впереди; я увидел, как он пожал плечами.

— Всегда так. Не важно, что наверху, у нас внизу всегда прохладно.

После одного длинного туннеля, показавшегося мне бесконечным, я увидел, как где-то впереди слабо мерцает свет. По мере того как мы подходили ближе, свет делался ярче; когда мы завернули за угол, он стал почти ослепительным.

Мы очутились на бывшей станции — остановке старого метро. На свету сверкали оставшиеся на стенах кафельные плитки. В одном месте несколько синих и оранжевых плиток образовывали надпись: «Запад... 4-я». В дальнем углу росло что-то зеленое. Вся платформа была уставлена разнообразными хижинами, сделанными из обрывков эпоксидной резины и полимеров. Похоже было, куски эпоксидки наскоро, кое-как слепили вместе. Однако в целом станция оставляла впечатление чистоты и порядка. Я заметил нескольких малышей-беспризорников, которые играли вместе; несколько девяти-десятилетних мальчишек и девчонок подметали пол на платформе между хижинами. Делали уборку. Почти похоже, будто они ожидали гостей.

— Пропашие мальчишки, — сказал я.

— Точно!

Когда мы подошли поближе, я поднял голову и прищурился от яркого света, льющегося с потолка. Там, наверху, как ни странно, были прикреплены лампы дневного света. Я толкнул Эм-Эма и показал на потолок:

— Где вы их раздобыли?

— Украли — давно-давно. Две-три жизни беспризорника.

— Да, но для того, чтобы лампы светили, требуется энергия...

— Тоже украли. — Он сунул в карман свой фонарик. — Пошли. Познакомишься с моими друзьями.

Эм-Эм поднялся по короткому пролету на платформу. Пара детишек помахала ему рукой, когда заметила его; при виде меня они застыли на месте. Один из них издал вопль, и внезапно из хижин высыпалась целая толпа беспризорников всех размеров и возрастов. Только в нескольких случаях я сумел различить, где мальчишки, а где девочки. Все были худые, все одеты в обноски. И волосы у всех были примерно одной длины.

И все старшие были вооружены и были готовы дать отпор.

Эм-Эм поспешил вперед и замахал руками.

— Нет, нет! — Он ткнул в меня пальцем. — Зигги! Зигги!

Они вытаращили глазенки и уставились на меня. Вдруг на платформе стало тихо. Дети начали придвигаться ко мне — медленно, как будто неуверенно.

В тот момент мне стало слегка не по себе. Их тут целая орава — не меньше пятидесяти, — и я всецело в их власти. Если дело дойдет до драки, я даже не смогу убежать. Я понятия не имел, куда бежать, если что. Поэтому я остался на месте и подпустил их поближе.

Их лица... на всех застыло одинаковое выражение. Неужели это благоговение? Передо мной!

Они обступили меня, отрезали меня от Эм-Эма, окружили, но держались на расстоянии — примерно в метре. Наконец какой-то малыш растолкал остальных и подошел прямо ко мне. Он — или она — с секунду смотрел на меня, потом обхватил мою ногу, неуклюже обнял и прошепелявил:

— Тигги.

Лед был сломан. Дети окружили меня. Кто-то хлопал меня по спине, кто-то мягко толкал в плечо, кто-то обнимал, и все тихо и как-то почтительно говорили:

— Зигги, Зигги, Зигги.

Что же происходит?!

Я огляделся в поисках Эм-Эма, но не сумел разыскать его. Потом толпа расступилась, пропуская кого-то. Взрослый человек. Женщина. Стройная, с прямыми темно-русыми волосами, спадающими на плечи. Отличная фигура.

Когда она улыбнулась, я узнал ее. У нее больше не было платиновых волос и макияжа. Но, клянусь Ядром, я узнал ее!

— Джин!!!

— Здравствуйте, мистер Дрейер, — сказала она спокойно и сухо, как будто мы с ней обещали вместе только вчера.

Она положила руку мне на плечо и поцеловала в щеку. Ребятишки, столпившиеся вокруг нас, захихикали и зашептались.

— Вы им понравились, — заметила она.

Поскольку на руках и на ногах у меня повисли гроздья малышни, я мог только молча глазеть на нее.

— Эм-Эм столько о вас рассказывал — вы чуть не погибли, ловя тех, кто похищал наших малышей. Под землей вас считают героем, мистер Дрейер. Все уличные банды знают о вас.

Я наконец обрел дар речи:

— Прошло два года, Джин. Я думал, ты далеко, там, куда улетают нормальные люди!

— Я там была. Я улетела на Нику и немного пожила там. Я думала, что все будет в порядке. Думала, сумею приспособиться. Но ничего не получилось.

— Но ведь ты не сказала им, что ты — клон?

— Нет. Не в том дело. Многие тамошние обитатели хотели на мне жениться.

— Я в этом не сомневаюсь.

Во внешних мирах еды в избытке, но зато там пока очень мало женщин.

— Но я быстро поняла, что меня никогда не будут считать подходящей спутницей жизни.

— Почему?

Она жалко дернула плечом:

— Я не могу иметь детей.

— Да. Верно.

Я совсем забыл. Всех клонов, и мужчин и женщин, по закону стерилизуют сразу после рождения — вернее, выведения или деинкубации. Им делают укол, и их половые железы пре-

крашают производить половые клетки, не влияя в то же время на выработку гормонов.

Для жителей внешних миров женщина, которая не может произвести на свет потомство, — неполноценная.

— И я вернулась домой, — продолжала Джин, вымученно улыбаясь. Она положила руку на плечо одного малыша, взъерошила волосы другому. — И нашла здесь людей, которым я действительно нужна.

— Да, но на Нике ты была свободным человеком. Ты была вольна улетать и прилетать куда вздумается. А на Земле ты...

— Я мать. То, чем я больше нигде быть не могу.

Тут наконец я понял. Не сразу, но до меня дошло.

— Ты — Венди!

Она присела в книксене:

— К вашим услугам.

— Слышал, ты стала им настоящей матерью.

— Я пытаюсь.

— Венди самая лучшая мама! — вмешался Эм-Эм. Растолкав других, он прижался к ней и снизу вверх улыбался нам обоим. — А Зиг — лучший друг. Защитник.

В моем достойном сожаления мозгу наконец закрутились шарики, включились цепи, установились взаимосвязи.

— Значит, ты специально наняла актера, чтобы он...

Она кивнула и улыбнулась:

— Конечно! Я надела голокостюм Джоуи Хосе.

Все сошлось. Кто-то похищал ее детей и возвращал их порченными. Она хотела положить ко-

нец беззаконию и пришла ко мне — вернее, подслала ко мне актера.

— Почему именно я?

— Потому что вы не бросаете дело на полпути.

Я пропустил ее слова мимо ушей. Лучше не лезть в бутылку.

— Почему ты не пришла ко мне сама?

— Я не была уверена в том, что вы согласитесь работать на меня. Я ведь помню, как вы относитесь к клонам. И потом, рядом с вами постоянно крутится Спиннер. Я не могла рисковать и позволить ему выследить меня.

— Сомневаюсь, что сейчас он бы тебя узнал.

— Так я выгляжу на самом деле, — сказала она, наматывая на палец прядь темно-русых волос.

— Ты прекрасно выглядишь, — выпалил я, прежде чем понял, что говорю.

— Спасибо большое, Зиг. — Она смотрела на меня большими глазами, полными слез. — Вы очень изменились!

Я покачал головой:

— Нисколько. Да и зачем бы мне меняться?

— Не знаю. Не могу сказать точно, в чем разница, но вы стали другим.

— Может быть, все дело в волосах — я сменил стрижку.

Это правда. Теперь, когда на месте проводков остался только маленький шрамик, я стал стричься короче; мне уже не нужно бояться, что кто-то заметит кусочек металла за ухом.

— Нет, я имею в виду другое. Вы изменились внутренне. Кстати, я целых два стандартных года собираюсь спросить...

Она невольно выдала себя, доказала, что провела какое-то время в другой галактике. Только жители внешних миров называют год «стандартным».

— ...Я все время думаю о той грин-карте, которую вы вернули мне в космопорте.

Я напрягся. Мне не хотелось, чтобы она догадалась, что я способен на такую глупость, как замена подделки, которую дал ей Баркем, на подлинную — ну, почти подлинную! — карточку настоящего. Иначе она может все неправильно понять.

— А в чем дело?

— Она была... другая на ощупь.

— Но она ведь сработала, верно? Тебе не на что жаловаться. — Тут мне в голову пришла другая мысль. — Погоди-ка. Как же ты вернулась на Землю, а Спиннер ничего об этом не знает?

— Просто. — Она лукаво улыбнулась. — Я взяла гражданство Ники, сменила фамилию и вернулась по туристическому паспорту.

— Но по туристической визе ты можешь оставаться здесь очень недолго!

— Если свериться с Центральной базой данных, Джин Двойник прибыла на Землю в качестве гостя и исчезла.

— Джин Двойник, значит? С тех пор как ты улетела, ты очень поумнела.

— Я уже не так наивна, как два стандартных года назад, если вы это имеете в виду.

Я рассмеялся:

— Как и все мы!

Она тоже рассмеялась; мне понравилось, как звучит ее смех.

— Но неужели здесь то, к чему ты стреми-
лась? — Я оглядел подземную деревушку пропа-
щих мальчишек. — Неужели ты согласна прове-
сти здесь всю оставшуюся жизнь?

— Здесь не так плохо. — Она взяла меня под
руку, и у меня странно закололо в плече. — По-
шли. Я все вам покажу.

Дети расступились и толпой потянулись за на-
ми. Джин показала мне свою «оранжерею». Я ис-
коса наблюдал за ней. И она еще уверяет, будто я
изменился? Она сама стала совершенно другой!
Рядом со мной шел уже не тупой клон, не блон-
динка-пустышка, какой она была два года назад.
Рядом со мной была взрослая, спокойная, уверен-
ная в себе женщина. У нее изменился не только
цвет волос. Мне показалось, что главные измене-
ния произошли под волосами.

— Лампы дневного освещения были здесь еще
до моего появления, но дети не понимали, как
можно использовать преимущества дневного
света. Я велела им принести из верхних тунне-
лей земли, украсть саженцы из законных ящи-
ков, и вот пожалуйста: теперь у нас есть свежие
овощи.

— Отлично! — от всей души восхитился я.

Она провела меня по старой станции, показала
всевозможные виды хижин. Я изо всех сил изоб-
ражал заинтересованность, но не мог избавиться
от мучившего меня вопроса. Наконец, когда она
остановилась и показала мне собственную хижин-
у, я не выдержал:

— Зачем ты понапрасну тратишь здесь свою
жизнь?

Она накинулась на меня, как тигрица:

— Трачу? Я бы не сказала, что понапрасну трачу свою жизнь!

— Великолепно! Как же ты тогда назовешь то, чем занимаешься?

— Я творю добро! Я изменяю их жизни! И мне не нужно одобрения ваших так называемых настоящих!

— Ты изменяешь их жизнь? — Тут уж я вспылел. — Каким образом? Они все равно вырастут и уйдут наверх, хотя и не будут признаны официально; оказавшись наверху, они начнут бороться за существование в преступном мире!

Она отвернулась.

— Знаю. Но может быть, они станут немного лучше после того, что я для них сделала. И может быть... может быть...

— Может быть — что?

— Может, они не все станут преступниками. Может, кому-то из них удастся попасть куда-то еще...

— Куда, например?

— Например, в другие миры.

Я лишился дара речи; а она повернулась ко мне и посмотрела мне в лицо. Глаза ее светились надеждой. У клона Джин Харлоу появилась Мечта. Большая и светлая.

Это может стать опасным.

— Ты что, летела в другую галактику и обратно в неэкранированной кабине? — воскликнул я, когда ко мне вернулся голос. — Наверное, после пребывания там ты повредила умом!

— Я не сумасшедшая! — возразила она со своей блаженной улыбкой. — Сельскохозяйственные планеты, такие как Ника, стонут от отсут-

ствия рабочих рук. И чем моложе будут новые поселенцы, тем лучше!

— Но у тебя на попечении малыши! Они еще не умеют...

— Малыши вырастают и становятся взрослыми.

— И как же ты намерена увезти их с Земли?

Она нахмурилась:

— В том-то и трудность.

— Не единственная, — заявил я. — Кто знает, как там с ними будут обращаться? Какой-нибудь подонок может превратить их в своих рабов — а то и похуже.

— Знаю, знаю, — упавшим голосом ответила Джин. — Но посмотрите! — Она обвела рукой платформу. — С ними нужно что-то делать! Ведь они дети, маленькие дети. Беззаконию пора положить конец!

Я стоял и молча смотрел на нее, не совсем понимая, о чем она. Как всегда.

Насколько мне известно, существуют две точки зрения на проблему беспризорников. Что касается меня, я всегда принимал вещи такими, какие они есть. Проблема лишних, брошенных детей возникла задолго до моего рождения, и я всегда воспринимал как данность то, что они будут и после моей смерти. Лишние! Беспризорники! Подкидыши! Все знают об их существовании, но, пока их не видно и не слышно, пока они остаются в отведенном им пространстве, никто не побеспокоится о них.

И другая точка зрения. Кое-кто замечает непорядок, как бы приподнимает старый пыльный ковер, который лежит на одном месте давным-давно, и восклицает: «Ну-ка! Что тут у нас происходит?»

Беззаконию пора положить конец.

Да, разумеется. По здравом размышлении и я понял: что-то надо делать. Но кто положит конец сложившемуся положению? Не обычный, рядовой псих вроде меня. И уж конечно, не отступница — клон Джин Харлоу.

Мне никогда не приходило в голову попытаться что-то изменить, потому что я был твердо уверен: беспризорникам не будет конца.

Человек примиряется с тем, чего не может изменить.

По крайней мере, я всегда успокаивал себя именно так.

— Не мути воду, — предупредил я Джин. — Тебе придется плохо.

Она пожала плечами:

— Рискну!

Я показал пальцем на малышей, которые стояли и смотрели на нас издали:

— Они тоже могут пострадать!

— Знаю. — Она посмотрела на меня своими огромными глазами. — Вы мне поможете?

Я покачал головой:

— Нет.

— Ну пожалуйста, Зиг!

Я вздрогнул. Она никогда еще не называла меня по имени.

— У вас широкие связи; вы можете придумать, как мне забрать отсюда кое-кого из детишек.

Я снова покачал головой — очень медленно, чтобы она не восприняла мой отказ как согласие. Я понимал: если соглашусь влипнуть в ее дела, у меня поедет крыша.

— Нет и еще раз нет. Давай сменим тему.

Она смерила меня долгим укоризненным взглядом:

— Наверное, вы хотите получить остаток вознаграждения за то, что избавили нас от похитителей из «Невронекса».

— Мы с тобой в расчете, — сказал я. — Считай, что я оказал дружескую услугу.

Джин улыбнулась:

— Значит, я ваш друг? Как мило, что вы так сказали!

Она застала меня врасплох. Вообще-то я имел в виду не ее, а Эм-Эма. Но я не стал ее поправлять.

— Пойду-ка я домой, — заявил я. — Как отсюда выбраться побыстрее?

— Можно, только если ты размером с Эм-Эма.

— Но ведь здесь в старые времена, должно быть, имелась масса входов и выходов.

— Да, конечно. Но все их давно завалили, запечатали и застроили. Ближайший лаз, в который может проползти взрослый, находится там, где вы вошли.

— Ты выведешь меня назад?

— Эм-Эм выведет. До свидания, мистер Дрейер. Она отвернулась и пошла прочь.

V

Странная штука жизнь! Представьте себе, примерно через неделю я сидел у себя в кабинете, закинув ноги на стол, и думал о Джин — ничего

личного, просто гадал, что она собирается делать со всей оравой ребятишек, — как вдруг ко мне в кабинет ворвался Эм-Эм. Лицо у него посерело, глаза выпучились.

— Схватили ее! Схватили ее! Схватили Венди!

Я резко сбросил ноги на пол и вскочил; внутренности мои сделали скачок — сначала налево, потом направо.

— Когда?! Кто ее схватил?

Ответ на второй вопрос я знал и так. Что я за придурок! Как мог забыть о словах Спиннера! Он следил за каждым моим шагом.

— «Осы»!

Его слова охладили мой пыл.

— Ты имеешь в виду полицию мегаполиса?

Он горячо закивал.

— Четыре!

Ради всего святого, зачем полиции мегаполиса понадобилось арестовывать Джин?

— Куда они ее повели?

— Не знаю! Не знаю! — Лицо у Эм-Эма сморщилось, и он громко зарыдал.

— Перестань, малыш. Успокойся.

Мне стало не по себе при виде того, как он убивался. Я подозвал его к себе и положил руку ему на плечо. Он прижался ко мне и продолжал плакать.

Я сказал:

— Я выясню, в чем там дело. Если ее забрали «осы», значит, отвезли в Пирамиду. Возможно, ее взяли по ошибке.

Кажется, мои слова немного успокоили его.

— Так думаешь?

— Конечно.

Величайшая ложь в моей жизни.

— Зиг, ты вытащишь Венди? Вернешь общую маму?

— Постараюсь.

— У тебя получится, Зиг! Знаю, скоро ты ее освободишь. Ты умеешь делать все!

— Это точно.

VI

НАРОДНАЯ ПИРАМИДА ОТКРЫТА ДЛЯ НАРОДА ПОСТОЯННО!

Административный центр нашего мегаполиса на самом деле представляет собой пирамиду. Это не голограмма. Настоящая пирамида, возвышающаяся посреди огромной площади. Внутри пирамида полая; по контуру вдоль наружных стен размещаются приемные всех правительственных учреждений. На первый взгляд зрелище красивое, но на самом деле грандиозное сооружение — колоссальная трата места. Золотая модель пирамиды Хеопса, сужающаяся кверху и увенчанная прозрачной вершиной. На ступенях пирамиды расположены посадочные площадки. Лучше бы сделали нормальную плоскую крышу! Здесь постоянно кипит жизнь. Пирамида никогда не закрывается.

Я немного задержался на входе. Пришлось ответить на массу вопросов, пройти сверку генотипа. Но в результате мне удалось получить краткосрочный пропуск внутрь. Я уселся в отдельной кабинке и уставился на пустую стену.

Заметил у себя над головой записывающие пластины. Каждое движение, каждый жест поступает в Центральную базу данных.

Стена осветилась, и я увидел Джин. Лицо у нее было удивленное. И даже, я бы сказал, потрясенное.

— Вы? Вот уж кого я совсем не ждала!

— Извини, что разочаровал тебя.

— Нет-нет! Так приятно увидеть знакомое лицо!

— Эм-Эм просил меня выяснить, не смогу ли я чего-нибудь сделать для тебя.

У нее сделалось испуганное лицо.

— Не думаю, чтобы сейчас кто-то мог мне помочь.

— Расскажи мне все. Из Эм-Эма много не вытянешь. Он бормочет что-то бессвязное.

— Рассказывать почти нечего. Вчера ночью я вышла наверх, а «осы» уже поджидали меня у лаза.

— В чем тебя обвиняют?

— В том, что я — гражданка другой планеты и нахожусь здесь нелегально. Наверное, я не слишком хорошо замела за собой следы.

— Может, да, а может, и нет. Ты вышла тем же ходом, что и я?

Она кивнула:

— Один из немногих лазов, куда может пролезть взрослый человек.

Внезапно я понял:

— Тебя заложил Спиннер!

Джин побледнела от страха.

— О нет, только не он! Откуда вы знаете?

— Он все время следил за мной! Какой я болван! Привел его прямиком к тебе.

— Но ведь вы же не знали заранее, что встретите под землей меня.

Она была права. И все равно я чувствовал себя виноватым.

— Что ж, Неду Спиннеру придется лопнуть от злости. Ему не повезло. Я теперь гражданка Ники. Больше он надо мной не властен!

Я не был так уж уверен в этом. Спиннеру нетрудно будет добиться сверки генотипа, и тогда установят, что на самом деле гражданка Ники — клон Джин Харлоу. Как только ее статус подтвердится, все ее права как гражданки Ники немедленно аннулируются. Она больше не сможет эмигрировать с Земли. Власти будут обращаться с ней как с настоящей лишь до тех пор, пока не произведут сверку генотипа. Как только будет выявлен ее подлинный статус, ее передадут владельцу. Ее владельцем является Спиннер. И Джин снова станет его собственностью. Вещью.

— Не волнуйся, но давай кое-что представим, — сказал я. — Предположим, что ты снова окажешься во власти Спиннера. Что будешь делать?

Она пожала плечами:

— Ничего. Я серьезно.

— А если он тебя заставит?

Она помрачнела:

— Тогда он станет владельцем мертвого клона.

Я боялся, что она так скажет. И понимал, что даже такого выхода у нее не будет, если Спиннер сотрет ее память. Исчезнет клон по имени Джин, исчезнет Венди, общая мама для Эм-Эма и остальных. А тело ее по-прежнему будет работать на Неда Спиннера.

Интересно, что хуже? Впрочем, сейчас главное не это.

— Просто мысли вслух, — сказал я. — Не волнуйся.

Но она уже очень испугалась. Мне не нужно было еще больше пугать ее: сейчас ей и без того несладко.

Экран, разделявший нас, начал гаснуть. Время свидания вышло.

— Приходи, когда я выясню, что происходит. Никуда не исчезай.

Она улыбнулась — я видел, что улыбка вышла вымученной, — и экран потух.

VII

— Выше нос, Дрейер, — прогнусавил знакомый голос слева от меня, когда я вышел из кабины, опустившей меня на нижний уровень Центра. — Ты должен радоваться!

Нед Спиннер! Скалился, как акула.

— Спиннер, в настоящий момент я ощущаю в себе крайнюю кровожадность. Не испытывай судьбу!

Я мрачно посмотрел на него; на лице у меня было написано все, что я о нем думаю.

Он отступил на шаг назад.

— Берегись, Дрейер! Вчера ночью тебе повезло. Если бы тебя застукали с ней, сейчас ты сидел бы в соседней камере по обвинению в краже в крупных размерах!

Так вот зачем он науськал на нее полицию! Он хотел схватить и меня.

— Не повезло тебе, придурок.

— Рано радуешься. Ты еще не соскочил. Возможно, тебе придется просидеть здесь очень долго после того, как начнется расследование и Центральная база данных заинтересуется, кто изменил ее статус с клона на настоящую. Да, власти очень заинтересуются странным случаем!

После его слов мне стало слегка не по себе, но я не выказал своего замешательства.

— Всего наихудшего, — сказал я, зная, что он именно этого мне желает, и направился к выходу.

Оказавшись во внутреннем, усеянном нишами, пространстве Пирамиды, я вдруг заметил множество детишек. Грязных, тощих детишек всех возрастов, одетых в лохмотья.

Беспризорники!

Я не заметил их, когда входил, но тогда я очень спешил. Может, здесь хорошо подают? Вряд ли, но откуда мне знать? Я всегда всеми силами старался избегать контактов с властями.

А сейчас мне надо торопиться к Элмеро. Назревает беда, и его необходимо поставить в известность о нависшей над нами угрозе.

VIII

— По-моему, нам ничто не угрожает, — заявил Элмеро после недолгого размышления.

Его костлявое тело было погружено в недра мягкого кресла-трансформера. Он улыбнулся — несомненно, он считал, что таким образом проявляет дружеское расположение.

— Я не так уверен, — возразил я.

— Где связь? Мой знакомый с Центральной базы данных не в первый раз делает подмену — тебе это должно быть известно. Он может добавлять генотипы, или удалять их, или менять статус настоящего на клона и обратно, и никто даже не заподозрит его в нечестной игре. Но даже если и заподозрят, от него ко мне ниточка не протянется — я всегда платил ему золотом. Даже если ему вколют сыворотку правды, он не может меня выдать.

— А как же Джин — я имею в виду клона?

— Если ей вкатыт дозу, она скажет им только то, что знает: карточку подменил ее старый приятель Баркем. Нам ничего не грозит. — Внезапно он сурово нахмурил брови. — Кстати, она действительно до сих пор считает, что все дельце провернул Баркем?

— Ну... в общем, да.

Лицо его окаменело, глаза остекленели. Но даже с таким зверским выражением он выглядел лучше, чем когда улыбался.

— Надеюсь, ты не изображал из себя героя? Не сказал, что оплатил подмену?

Я почувствовал, как краснею.

— Конечно нет! Но она обмолвилась: ей показалось, что карточка, которую отдал ей я, отличалась от старой. Разумеется, она ни в чем не уверена.

— Даже в таком случае возможны неприятности, — заявил Элмеро, подумав еще с секунду. — Когда подтвердится, что она — клон, парни с Центральной базы данных очень захотят выяснить, каким образом ей переменили генотип. Когда ее накачают наркотиком, ты сразу попадешь под по-

дозрение, потому что она скажет, что карточка какое-то время находилась у тебя. А когда сыворотку правды вкатят тебе...

Он не закончил фразы.

— Да, — протянул я.

— Красота, да и только, — заявил Элмеро, помолчав с минуту. — И зачем ты вообще вляпался в дела паршивого клона?

Тут я обиделся не на шутку.

— Полегче, Элм, — зарычал я. — Она ведь улетела с Земли — и не должна была вернуться!

Некоторое время мы провели в неловком молчании; потом Элмеро сказал:

— Остается единственный выход.

Я понимал, на что он намекает, поэтому закончил за него:

— Поставить блок.

Он кивнул и сказал в переговорное устройство:

— Немедленно найдите Дока.

IX

— Сейчас, — сказал Док, — я хочу, чтобы ты подумал о грин-карте, которую клон Джин Харлоу получила от Баркема. Представь ее мысленно. Вспомни, как ты брал карточку у нее... теперь вспомни, как возвращал. Берешь — возвращаешь. Понял?

Я закрыл глаза и послушно представил: вот карточка оказывается у меня в руке, а потом возвращается к Джин. В моей голове зародились какие-то туманные воспоминания, но я отогнал их.

— Есть. Понял.

В ушах зазвенело, и вдруг у меня перед глазами все взорвалось. Я ощутил, как дернулись в судороге руки и ноги, и все было кончено.

— Последний раз?

Док кивнул:

— Наверное.

Некоторое время назад Док вкатил мне дозу диаминна, а потом начал обрабатывать цепочку памяти изнутри. Он объяснил, что будет двигаться с середины к началу и концу, блокируя нужный участок. Коварная процедура, но Док в таких вещах специалист. К тому же такие вещи проделывать запрещено. Отчасти именно из-за подобных проделок Дока снова лишили лицензии на три года.

— Испытай меня.

— Ты знаешь Джин Харлоу-К?

— Конечно.

— Она когда-нибудь показывала тебе свою грин-карту?

— Да.

— Она говорила, откуда у нее карточка?

— Получила от Кела Баркема, которого она называла Кайлом Бодайном.

— Она передавала карточку тебе?

— Да. Чтобы легче было найти Баркема.

— Пока карточка находилась у тебя, ты производил с ней какие-либо манипуляции?

В мозгу у меня что-то промелькнуло. Я попытался вспомнить, что это было, но не успел ухватить воспоминание за хвост.

— Конечно нет.

— И ты вернул ей карту в том же виде, что и брал?

— Да.

— А теперь подумай хорошенько. Ты совершенно уверен?

На этот раз ничто не промелькнуло. Карточка находилась в моих руках некоторое время, и все.

Док улыбнулся:

— Превосходно! Остальные воспоминания полностью заблокированы.

— Какие остальные воспоминания?

Он рассмеялся; Элмеро поддержал его. Он следил за всем происходящим из-за своего письменного стола.

— Действие рассчитано примерно на месяц, — заявил Док, вытаскивая у меня из черепа шприц. — После этого диамин начнет разрушаться; постепенно ты все вспомнишь.

Очень странно. Я понятия не имел, о чем он толкует.

— А самое чудесное во всем то, — продолжал Док, — что диамин является неполным аналогом ацетилхолина, поэтому ты не помнишь ни саму процедуру, ни то, что было за час или около того до нее. Так что ты даже не будешь знать, что с тобой проделывали.

— Главное — держать рот на замке, когда тебе вкатыт сыворотку, — добавил Элмеро.

— Конечно!

Больше всего я боялся, что меня начнут испытывать сывороткой правды без представителя властей, который ограничит объем вопросов и не позволит слишком глубоко закапываться ко мне в мозги.

— Элм, включи, пожалуйста, Информпоток! — попросил Док, убирая инструменты к себе в чемо-

данчик. — Я хочу посмотреть, что сейчас происходит в Пирамиде.

Я подумал о Джин.

— В чем дело?

— Передавали, будто целая орава детишек заполонила нижние уровни Пирамиды. Я шел через зал и застал самый конец передачи.

— Детишек? — Я вспомнил толпы оборвышей, которых заметил, когда сам выходил из Пирамиды. — Беспризорников?

— Чего не знаю, того не знаю.

Информпоток появился на огромном экране голокамеры в углу кабинета Элmero. Диктор второго канала, лысый, нудно, как всегда, зачитывал сводки новостей. Политика, транспорт, развлечения, спорт; потом он напомнил, что сегодняшней дождь в шестнадцать часов отменяется, показал новости из других мегаполисов по всему миру. Его сводки постоянно сопровождались видеорепортажами.

— Наверное, стерли, — предположил я. — Они никогда не писали о Центре.

— Детей показали в граффити, — сказал Док.

Тут по экрану поползли полосы. Вдруг мы увидели очень странного диктора: на месте волос у него на голове плясали языки пламени, а вместо глаз крутились спиральные колеса. Центральная база данных старается выпускать симпатичных цифровых дикторов, однако вид у них, как правило, стандартно-усредненный. А еще власти стараются почаще заменять дикторов, чтобы публика не слишком привязывалась к несуществующим личностям. И все равно у всех нас есть свои любимчики. У меня — диктор четвертого канала. А у это-

го, огнеголового, вид был откровенно дикий; я понял, что кто-то снова запустил в Информпоток капсулу с пиратским репортажем.

Огнеголовый не тратил времени даром и сразу приступил к делу:

«Обитатели Центра обращаются с призывом о помощи! По всем признакам, нижние уровни Пирамиды захвачены маленькой оравой ребятишек. Или, точнее выразиться, оравой маленьких ребятишек».

Ненадолго он дал крупный план фойе нижнего уровня Пирамиды. Фойе было заполнено — заполнено до предела — беспризорниками, которые сновали везде, бегали вверх и вниз по сводчатым галереям по периметру, летали вверх и вниз на скоростных подъемниках, в которых было отключено земное притяжение. Диктору пришлось высить голос:

«Для тех из вас, кому удастся всю жизнь проводить на значительном расстоянии от уровня земли, напоминаю: этих детей мы называем беспризорниками. Возможно, где-то на вечеринке вы слышали, как кто-то упоминал о них. Разумеется, в официальном Информпотоке о них не говорят ни слова. Как будто их нет!»

Я увидел, как сквозь прозрачную верхушку Пирамиду заливает солнце. Недавняя картинка, но нравится всем.

Камера вклинилась в толпу детей. Видимо, репортер граффити держал скрытую камеру на уровне пояса, потому что мы, зрители, видели глаза детей — вернее, глаза беспризорников.

«Дети, которых вы видите, не имеют никакого официального статуса. Их генотипы не заре-

гистрированы в Центральной базе данных, следовательно, их не существует. Зачем же беспокоиться о детях, которых нет?»

Огромные, бездонные глаза с экрана смотрели прямо на тебя, но тут же отворачивались в сторону. В глазах была печаль, боль утраты, как будто они искали что-то или кого-то и оплакивали потерю. Эффект был потрясающий.

«Никто не знает, зачем они пришли и чего хотят. Они просто пришли сюда, заполонили все проходы и лестничные пролеты. В основном они молчат, но довольно часто начинают выкрикивать...»

По экрану снова поползли полосы, и вдруг мы вернулись в официальный Информпоток.

— Поспешили вырезать! — заметил Док.

Правильно. Обычно капсула с граффити успевает пробежать в Информпотоке пару раз, и лишь потом ее выкидывают. Центральная база данных склонна видеть в радикальных журналистах скорее раздражитель, чем угрозу, — раздражитель на грани Большого Шоу.

Элмеро заметил:

— Они озабочены появлением детей. — Он задумчиво смотрел в голокамеру.

— Я поехал туда, — заявил я.

— Правда? — оживился Элмеро. — Не забудь потом все мне рассказать!

Готов поспорить, о чем он в это время думал: «Не удастся ли тут чем-нибудь пожить?»

Элмеро становится ужасно проникательным, когда дело касается его личной выгоды. Он сразу учуял: там что-то затевается. Я тоже понял: дело нечисто. А Джин и Эм-Эм находятся в самой гуще событий.

Либо беспризорников, наводнивших Пирамиду, со времени передачи последнего Информпотока стало еще больше, либо авторы нелегальной передачи, которую я видел, неверно оценили количество ребятишек в комплексе. Они сновали повсюду. Я с трудом пробивал себе дорогу в толпе. И все дети без умолку тараторили — они болтали друг с другом и обращались ко всем, кто мог их выслушать. Звуки смешивались и образовывали несмолкающий, постоянный гул, от которого звенело в ушах.

В результате их вторжения вся деятельность в Пирамиде замерла.

Найти Эм-Эма казалось почти невозможной задачей.

Вдруг кто-то потянул меня за рукав. Я посмотрел вниз и увидел маленького рыжеволосого беспризорника. Видимо, мальчика.

— Зиг? — спросил он, тыча пальцем мне в лицо.

Я поднял его на руки и хорошенько оглядел. Вроде бы раньше он мне не попадался.

— Ты из пропащих мальчишек?

Он гордо кивнул:

— Пропащий мальчишка — я.

— Знаешь, где сейчас мой друг Эм-Эм?

Малыш огляделся и вдруг завопил что есть мочи, показывая на меня рукой:

— Эм-Эм! Зигги! Эм-Эм! Зигги!

Я собирался сказать ему, что почти всех мальчиков-беспризорников зовут Эм-Эм и что даже при такой силе голоса его слышит лишь незна-

чительная часть детей, как вдруг заметил, что малыши, которые столпились вокруг нас, замолчали. Все они уставились на меня. Постепенно остальные тоже умолкали — молчание, если можно так выразиться, ширилось, как рябь на воде. Вскоре тишина воцарилась и в огромных сводчатых лестничных пролетах, и на балконах, и в многочисленных переходах к внутреннему контуру.

Вскоре во всем фойе стало тихо; слышались лишь звонкие призывы моего нового знакомого.

И вдруг метрах в пятидесяти от нас раздался отклик:

— Зиг! Я здесь! Я здесь!

Всмотревшись, я увидел Эм-Эма, который подпрыгивал на месте и размахивал руками, чтобы привлечь мое внимание. Когда он двинулся ко мне, все снова зашумели, но на сей раз шум не был бессвязным. Теперь все выкрикивали имя. Мое имя.

— Зигги! Зигги! Зигги! Зигги!..

Все глазели на меня, вскидывали руки вверх всякий раз, как они произносили мое имя. Мне показалось, так будет продолжаться вечно. Наконец Эм-Эм прорвался ко мне и обхватил меня руками за пояс.

— Классно, Зиг, да? Здорово!

Из-за радостных криков я едва расслышал, что он говорит. Я отвел его на расстояние вытянутой руки и пристально посмотрел в его сияющие глазенки.

— Ага. Здорово. Но что происходит? Что вы все здесь делаете?

— Хотим Венди назад.

Только и всего! Если бы только они знали...

— Откуда же пришли все эти дети?

— Венди — общая мама.

— Да, ты мне уже говорил. Но ведь она не могла каждого из вас укладывать спать!

— Все слышали о Венди. Пришли вместе.

— Все?! Неужели все явились сюда?

Он покачал головой:

— Еще придут. Отовсюду!

Еще придут?! Все они не поместятся в Пирамиде! Ну и ну!

Все банды беспризорников мегаполиса объединились — возможно, впервые в истории.

— Все слышали о Зиге тоже.

Его улыбка свидетельствовала о том, как он гордится знакомством со мной. Чертовски странная штука! Когда ребенок вот так смотрит на тебя, хочется убежать и спрятаться. Или двигать горы.

Пока я думал, куда бы смыться, чья-то рука похлопала меня по плечу. Я обернулся и увидел перед собой записывающую плату репортера дневного выпуска новостей. Пластина была закреплена у него на лбу, поэтому обе руки у него были свободны.

— Извините, — проорал он, перекрикивая шум. — Но верно ли я понял — вы тот самый Зигги?

Я не знал, что и сказать. Эм-Эм, наоборот, не замедлил с ответом. Он похлопал меня по руке и звонко крикнул:

— Точно, сани! Он Зигги! Классный друг!

— Меня зовут Аррел Лам, — представился репортер. У него были черные волосы, карие глаза

и круглое лицо. — Я работаю на Центральную базу данных.

Я так и понял. Пытался придумать, как бы половчее уклониться от его расспросов, раз уж у меня нет возможности сбежать. Я попытался ответить уклончиво:

— Информпоток намеренно не обращает внимания на происходящее. Зачем же вам понапрасну тратить свое время?

— Ничего подобного. Центральная база данных записывает абсолютно все, что случается в мегаполисе. И в мире. А уж что скармливают публике посредством Информпотока — другой вопрос.

Его откровенность располагала, но, кроме того, его манера говорить, дикция, ритм голоса показались мне знакомыми.

— Вы чем-то неуловимо напоминаете мне диктора четвертого канала!

Он улыбнулся:

— У вас хороший слух. Последние пять лет я создаю его видеоряд и моделирую его голос.

— Он... то есть вы — мой любимый диктор!

— Спасибо, очень приятно. Но скажите вот что: кто вы такой и как связаны с этими детишками?

Не удалось мне его обойти!

— Я знаком с одним из них.

— Чего они хотят?

— Вы хотите сказать, что сами не знаете?

Репортер покачал головой:

— Никто ничего понять не может!

Интересно.

— Вы в затруднении, верно?

— Только не я. — Аррел Лам ухмыльнулся. — По-моему, шоу вышло классное. Жаль только, что мне неизвестно, в чем тут дело.

Я повернулся к Эм-Эму:

— Малыш, расскажи ему, в чем тут дело.

Эм-Эм тут же вскинул вверх руку со сжатым кулаком и завопил:

— Венди! Венди! Венди!

Другие дети вокруг нас немедленно подхватили его клич. Имя Зигги постепенно затихало, слава Ядру, и они начали скандировать два новых слога в прежнем ритме:

— Вен-ди! Вен-ди! Вен-ди!

Лам obeжал толпу детей глазами — мне показалось, он осматривал их испытующим, внимательным взглядом.

— Вот так они целый день — то затихают, то начинают снова! — проорал он, перекрикивая беспризорников.

— Ну вот, — сказал я, — теперь вы знаете, зачем они здесь.

— Нет, не знаю. Я... — Он бросил взгляд куда-то поверх моего плеча. — Не оглядывайтесь сразу, но, по-моему, вы пользуетесь огромной популярностью.

Я обернулся и заметил отряд облаченных в желто-черную форму «ос». Их было шестеро. Они явно направлялись ко мне. Сердце у меня в груди екнуло, но я устоял на месте. Бежать все равно было некуда.

Лам отступил и направил свою записывающую пластину на «ос». Они не глядя расшвыривали детей в сторону, неумолимо приближаясь ко мне. По приказу главного «осы» окружили меня, отшвыр-

нув Эм-Эма в сторону, словно букашку. Вскоре я очутился в таком желто-черном эллипсе.

— Пойдемте с нами, — приказал главный.

— А если я не пойду?

У него были маленькие глазки-бусинки, близко поставленные и противные.

— Босс сказал, что хочет с вами поговорить. Вы пойдете.

— Класс, — ответил я.

Лам вклинился между двумя охранниками и позвал меня, перекрикивая детей.

— Но чего же хотят эти дети?

— Свою маму, — ответил я.

Окруженный «осами», я зашагал к скоростным подъемникам, а он остался стоять посреди толпы, и вид у него был такой, точно кто-то со всей силы врезал ему в горло.

XI

— Признайтесь, мистер Дрейер, за всем происходящим стоите вы?

Региональный администратор Броуд навис над моим стулом и смерил меня тяжелым взглядом. Естественные серебристые волосы, красиво подстриженные и уложенные, пронизательные голубые глаза, которые великолепно сочетались с цветом волос. Во плоти он выглядел почти так же хорошо, как в голокамере. Я подумал, что в его взгляде сосредоточилась вся власть, заключенная в его посте.

Ему ни к чему проблемы. В конце концов, центральная власть поставила его во главе ме-

гаполиса, и ему не нужно было делать ничего особенного, чтобы я запаниковал. Я начал волноваться еще по пути, узнав, что со мной желает встретиться сам региональный администратор. Лично. В жизни не видел человека, с которым Броуд встречался бы лично.

Да, скажу я вам, я струхнул. А сейчас меня прямо-таки бил озноб.

— За чем, сэр?

— За беспризорниками, которые заполонили все здание.

Я не смог удержаться:

— Мне всю жизнь твердили, что ничего такого, как «беспризорники», не существует.

— Неужели вы посмеете...

— Господин администратор, я о них и понятия не имею.

— Зато они отлично вас знают. Откуда? Почему?

— Долгая история.

Мои слова повисли в воздухе; он медленно вернулся к себе за стол. Обстановка у него в кабинете оказалась на удивление простой. Здесь было почти пусто. Все холодное и функциональное. Единственной данью экстравагантности был его большой неуклюжий дрон, который скакал по мебели, клевал ее и то и дело летал между зависшими в воздухе помощниками р.а.

— Кто такая Венди, о которой они все время кричат? Центральная база данных уверяет, что в Пирамиде нет персоны с таким именем.

— Потому что Венди — не настоящее ее имя. Она здесь находится под арестом.

— Вот оно что! Как же ее зовут по-настоящему?

Глаза у него загорелись, и я понял: толпа беспризорников не на шутку встревожила нашего дорогого регионального администратора. Почему?

— Если я вам все скажу, что мне за это будет?

Глаза у него отяжелели и стали холодными. Я сразу понял, что совершил крупную ошибку, когда он рывкнул одному из помощников:

— Принесите сыворотку!

— Многого вы от меня не добьетесь! — предупредил я.

Он внимательно рассматривал меня, словно решая, чего я стою.

— Продолжайте.

— Я просто хочу, чтобы мое имя нигде не упоминалось, только и всего. Я не хочу иметь с происходящим ничего общего. Просто вышло так, что я знаком с парочкой беспризорников, да и с самой Венди случайно встретился несколько лет назад. Только и всего.

Броуд самодовольно ухмыльнулся:

— Центральная база данных утверждает, что у вас вообще целая куча подозрительных знакомых. В частности, один ваш близкий друг —делец черного рынка, известный спекулянт.

— Ни о чем таком понятия не имею, мистер администратор, — возразил я. — Мое дело — частный сыск.

— Я так и понял. Отлично. Не стану подвергать вас преследованиям или испытывать сывороткой правды. Честно говоря, я сомневаюсь, что вы стоите таких хлопот.

— Благодарю вас. Ее зовут Джин Харлоу-К. Она — бывшая девушка из Дайдитауна, а здесь

находится по подозрению в краже чужого имущества.

Броуд рассвирепел:

— Ничего себе! Административный комплекс переполнен беспризорниками, которые ищут клона-отступницу! Положение становится все более нелепым с каждой секундой! — Он повернулся к одному из помощников: — Уведите его отсюда! А потом предоставьте мне всю информацию о клоне!

Никто не торопился выставить меня за дверь. Я подошел к первому встречному пневмолифту и прыгнул. По инерции я быстро долетел до центральной аллеи, когда кто-то задержал меня.

— Мне нужно поговорить с вами.

Это был Аррел Лам, репортер Центральной базы данных. Я не сразу узнал его без записывающей пластины; кроме того, я был не в том настроении, чтобы вести беседы.

— О чем поговорить?

— Мне не дают покоя ваши слова... о детях, которые ищут мать. Что вы имели в виду?

— Ничего.

— А если без записи?

— В Пирамиде фиксируется абсолютно все.

Репортер загадочно улыбнулся:

— Не верьте всему, что слышите. Летите за мной.

Я задумался. С какой стати я должен верить репортеру Центральной базы данных, пусть он даже и диктор четвертого канала? Почему я должен ему что-то рассказывать?

— Пожалуйста, — просил он. — Это для меня очень важно.

— Я думаю.

У меня возникли подозрения в отношении репортера Лама. И я хотел убедиться в том, что прав.

— Показывайте дорогу, — велел я.

Лам был в ярости.

— Ты рассказал о ней Броуду? Ты просто подонок!

Мы находились на сорок восьмом уровне, в месте, которое Лам называл «тупиком». Здесь располагалась комната отдыха, где проводили время между сменами репортеры и техперсонал Центральной базы данных. Техники устроили так, что, если надо, здесь можно было заблокировать записывающие устройства. Я рассказал Ламу отредактированную, но подлинную историю Джин, поведал, как вышло, что она связалась с беспризорниками и оказалась в тюрьме, за что ее ждет стирание памяти. Потом упомянул о краткой дружеской встрече с региональным администратором.

— Лам, ты все не так понял...

— Сейчас ей угрожает более серьезная опасность, чем когда бы то ни было!

— Не будь идиотом! Что может быть хуже стирания памяти?

Он быстро остыл.

— Наверное, ты прав.

— Конечно, прав. Вот почему я сказал ему, что знаю, кто такая Венди, — решил, что так она, может быть, выиграет время.

— Может быть, — согласился он, светлея лицом. — Возможно, Броуд даже решит вернуть ее беспризорникам!

— Тебе-то что за дело? — спросил я. — Ты ведь ее даже не знаешь!

— Но очень хочу познакомиться с ней. Больше всего на свете. Она — просто чудо. Понимаешь, мы регулярно собираем информацию о людях и объединениях, которые «хотят что-то сделать» с беспризорниками. Устраивают шум, на них никто не обращает внимания, и спустя какое-то время они исчезают. Но эта... этот...

— Клон.

— Верно. Этот клон променяла свободу, которой она обладала бы в другой галактике, вернулась сюда и заботится о детях! На самом деле заботится о них — живет с ними, спускается в туннели и живет там. В жизни не слышал, чтобы кто-нибудь так поступил!

— И что?

— По сравнению с ней большинство настоящих — просто мерзавцы.

— Говори за себя, Лам. Беспризорников никто не видит, о них забыли. Сколько раз в году, по-твоему, средний человек вспоминает о беспризорниках? Один раз? Полраза?

— Я думаю о них каждый день, — невнятно пробормотал Лам.

Я обхватил себя руками.

— Наверное, среди них гуляет твой незаконный ребенок?

Он кивнул, и слеза выкатилась у него из глаза. Он торопливо смахнул ее, прежде чем она успела скатиться вниз по щеке.

— Но мысль о том, чтобы спуститься к ним в туннели и жить с ними, никогда не приходила мне в голову! Знаешь, кем я себя теперь чувствую?

Я ничего не ответил; пусть себе продолжает.

— Сегодня с ними наверняка был и мой сынок! Может быть, мой сынок держал тебя за руку и смотрел на тебя так, словно ты — его кумир! Я хочу разыскать Венди и побеседовать с ней. Где ее содержат?

— Не знаю.

— Ну и ладно. Я обязательно разыщу ее. Видимо, сейчас с ней беседует Брод. Позже я просмотрю запись их беседы, и тогда станет ясно, что он намерен с ней делать — и с детишками тоже.

— И что потом?

— Не знаю. Что-нибудь придумаю.

— Сообщи мне, если что-нибудь узнаешь. Мой номер есть в справочнике, в разделе частных детективов.

Лам рассеянно кивнул. По-моему, он не слышал моих слов.

— Мне нужно ее найти, — повторил он.

— Не увлекайся. Она — всего лишь клон.

— Неужели? — Он пристально посмотрел на меня. — Тогда почему ты сам пытался помочь ей?

Мне не понравился ни его испытующий взгляд, ни вопрос.

— Пару лет назад она была моей клиенткой. Знаешь, как бывает: клиент однажды — клиент навсегда.

Лам кивнул, но мне показалось, что я его не убедил.

— Так дай мне знать, — повторил я.

— Попробую, — ответил он.

Мы вышли из тупика и вернулись к пневмолифту. Прилетели на нижний уровень, и тут нас снова окружили «осы». Дюжий офицер зарывал:

— Административный комплекс закрывается! Если только вы не работаете здесь, вы должны покинуть здание!

Лам возразил:

— Пирамида никогда не закрывается!

— Сегодня закрывается, — ответил полицейский. — Шевелитесь!

Лам показал ему пропуск сотрудника Центральной базы данных; поскольку у меня ничего подобного не было, пришлось уйти. Ну и ладно. Внезапно из центральной части здания послышались крики. Мы побежали посмотреть, в чем дело.

«Осы» вышвыривали беспризорников из нижних уровней, причем действовали отнюдь не кротко и ласково.

Лам помрачнел.

— Слетаю за своей пластиной. Хочу снять несколько крупных планов!

— Чего ради? Ничего из того, что здесь происходит, не попадет в Информпоток. Может, ты тайком подрабатываешь, изготавливая граффити?

— Пока нет, — ответил он и убежал.

ХII

Почти всю ночь я просидел в приемной у Элмеро, нюхая разную дрянь вместе с другими завсегдатаями. У него собрались почти все постоянные клиенты. Минн пришлось подсуетиться, чтобы справиться с наплывом заказов, и ей это не нравилось. Она не привыкла суетиться.

Док тоже был там, но вел себя как-то странно. Без конца спрашивал меня о старой грин-карте Джин — держал ли я ее когда-нибудь в руках и что с ней делал. Я сказал ему все, что мне было известно: карточка недолго была у меня, потом я вернул ее клону. Вот и все. Не знаю почему, но мои слова ужасно его обрадовали. Видимо, перенюхался. Он приставал ко мне с картой раза два или три.

Все только и говорили, что о беспризорниках в Пирамиде; поскольку клиенты у Элмеро те еще, все смеялись, вспоминая, как детишки создали чиновникам неожиданные проблемы. Я тоже ненадолго сделался центром внимания: рассказал, как «осы» выпроваживали беспризорников вон, когда я уходил. Все были потрясены известием о том, что Центр закрыл отделения публичного доступа — пусть хотя бы на несколько минут.

И все вполглаза следили за Информпотоком, который лился из полноразмерной голокамеры в углу. Никаких голоигр, ни драм, ни комедий — сегодня одни дикторы, а зрители ждут, когда произойдет очередной вброс граффити про беспризорников.

— Смотрите, вон четвертый! — закричал я, увидев на экране знакомое лицо. Я надеялся, что он, может быть, украдкой сообщит что-нибудь про беспризорников. — Послушаем этого парня!

Компьютерный образ диктора четвертого канала представлял собой высокого блондина с квадратной челюстью и прямым носом — он был прямой противоположностью Аррелу Ламу. Мгновение четвертый смотрел на нас из своего

угла голокамеры, а потом заговорил звучным баритоном:

«Человеческие отбросы Восточного мегаполиса сегодня утром заполонили нижние уровни Центрального административного комплекса. Вот как все было».

Физиономия диктора растворилась в панорамной съемке сегодняшней массовой сцены в Центральном административном комплексе мегаполиса.

«Детей, которых вы здесь видите, — произнес четвертый за кадром, — мы называем беспризорниками. В том случае, если вы сомневаетесь в их существовании, пусть ваши сомнения рассеет наш репортаж. Здесь все по-настоящему. И дети настоящие, и они сегодня заполонили всю Пирамиду.

Приглядитесь получше. Возможно, среди них находятся ваши племянники и племянницы. Один из них может оказаться вашим внуком. Вы ведь ни в чем не можете быть уверены! А некоторые из зрителей узнают в толпе детей сына или дочь. У меня сердце болит за вас».

— Ну и дела! — воскликнула Минн из-за стойки. — По Информпотокуют показывают беспризорников! На самом деле показывают!

— Наверное, граффити! — предположил кто-то из посетителей.

— Ничего не граффити! Это диктор четвертого канала! — возразил другой.

Я услышал голос Дока из противоположного угла:

— Если это не граффити, значит, передачу видят все! По всему нашему проклятому миру!!!

По всему проклятому миру! Ну и дела!

— За такие штуки кого-то схватят за задницу и отправят на Южный полюс грести навоз! — заметила Минн со свойственной ей утонченностью.

Я подумал об Арреле Ламе — после такого поступка ему предстоит распрощаться с карьерой, а может, и с жизнью.

«Но чего хотят дети? — произнес Лам в образе диктора. — Зачем они пришли в Пирамиду?»

В голокамере замелькали серьезные детские личики; послышались крики. Дети скандировали одно и то же. Их крики заполнили зал бара Элмеро:

«— Вен-ди! Вен-ди! Вен-ди!»

— Кто же такая Венди? — продолжал диктор, в то время как зрители смотрели на детские лица. — Нашему репортеру удалось выяснить: Венди — молодая женщина, которая живет с различными бандами беспризорников в центре Восточного мегаполиса. Она читает им вслух и обучает их читать, готовит им еду и учит готовить, укладывает их спать. Можно сказать, она их пестует».

Он замолчал, и в камере появились новые детские лица.

«Они хотят вернуть свою маму!»

Внезапно в камере появилось лицо Джин — крупным планом. У нее был усталый, затравленный взгляд. И она казалась испуганной.

Голос диктора четвертого канала загремел, словно канонада:

«Вот она! Ее настоящее имя — Джин Харлоу-К. Она — клон из Дайдитауна. Да, да! Она — клон! Стерилизованный недочеловек. Она спустилась

под землю, в заброшенные шахты метро. Она заботится о детях — о наших детях! Тех, кого мы отшвырнули прочь, о чьем существовании нас заставляют забыть нечеловеческие законы!

Что ждет ее?»

В камере появился дальний план, изображающий Джин, которая сидела перед главным администратором Броудом. Она казалась маленькой и хрупкой, а он — огромным и внушительным.

Диктор заговорил снова:

«Передаем запись разговора, имевшего место немного ранее.

Броуд. Что же вы намерены были делать с этими беспризорниками?

Джин. У меня не было никакого плана. Просто я была им нужна, а они — мне. Вот и все.

Броуд. Вы собирались организовать их ради каких-то собственных целей? Разве в ваши планы не входила подрывная деятельность, направленная против официальных организаций?

Джин. Я же говорила вам, у меня не было никакого пла...

Броуд. Я вам не верю! Введите ей сыворотку!»

Сменили друг друга несколько кадров, на которых ей вводили дозу наркотика; потом нам снова показали Джин и Броуда.

«*Броуд.* Ну вот. Что вы намерены были делать с беспризорниками?

Джин. Я... понимаю, это звучит глупо, но я хотела каким-нибудь образом увезти их на другие планеты, в другие галактики».

Презрительный смех Броуда звучал как-то неуверенно — совсем как мой, когда она мне поведала свою мечту.

«Броуд. На другие планеты! Маленькая идиотка! Что вы имели в виду?

Джин. Я имела в виду солнечный свет, свежий воздух и будущее для них. В других мирах очень нужны крепкие, полноценные люди. С ними там будут обращаться как с настоящими. Там им не придется жить в системе канализации и в шахтах метро!»

В баре вдруг стало тихо; Броуд помолчал и оглянулся на своих помощников, которые не попали в кадр. Наконец он заговорил.

«Броуд. Вы знаете о том, что завтра же с утра вы подвергнетесь процедуре стирания памяти?»

Вдруг я услышал, как кто-то изумленно ахнул. Док подошел ко мне. Челюсти у него были плотно сжаты.

А на экране Джин лишь печально кивнула.

«Джин. Я знаю. После того как мне сотрут память, я забуду всех моих детей. Я снова стану работать в Дайдитауне на Неда Спиннера. Детям от меня больше не будет толку. Но, мистер Броуд, сэр...»

Она подняла на него взгляд, и ее большие голубые глаза сверкнули в ярком свете ламп в комнате для допросов.

«Скажите, пожалуйста, вы не могли бы что-нибудь сделать для них? У вас огромная власть. Не могли бы вы помочь им начать где-нибудь достойную жизнь? Я ведь уже не смогу...»

Из-за стойки послышалось громкое сопение. Я поднял голову и увидел, как Минн утирает глаза. Я даже не подозревал, что она способна пролить хоть одну слезинку. Она наградила меня сердитым взглядом, смысл которого заключался в

словах: «Не смотри на меня!» — и я отвернулся. Огляделся по сторонам. Заметил смущенных Дока и завсегдатаев. Однако не по себе было не всем, и даже не большинству. В этом месте собрались стойкие люди. Однако Джин можно было верить — она находилась под действием сыворотки правды. На пару мгновений даже Броуда проняло. Потом черты его лица вновь застыли.

«Бруд. Это невозможно. Мы...»

Картинка перекосилась, искривилась. На экране заискрилось разноцветное конфетти. Потом появилась дикторша седьмого канала. Ее овальное безбровое лицо бодро улыбалось.

«У нас возникли технические затруднения...»

Ее лицо сменилось разноцветным конфетти, но тут же показалась сцена изгнания беспризорников несклонными к сантиментам «осами». За кадром послышался напряженный голос четвертого:

(Шум, треск.) «Позвольте мне закончить! Вот как они сегодня обращались с детьми! Завтра может быть еще хуже! Сделайте что-нибудь с Венди! Позовите своих...»

Снова конфетти, снова седьмая со своим вкрадчивым голосом:

«Вот и все. Все проблемы решены. Вы смотрите Информпоток; говорит диктор седьмого канала. Выпуск новостей...»

Мы ждали, не появится ли снова четвертый; однако его, видимо, отключили на всю ночь. Или насовсем. Совершенно ясно, что четвертому пришел конец. Придется им создать новое лицо на замену. Это нетрудно. Ведь четвертый — всего лишь компьютерная программа.

Но что будет с Ламом? Аррел Лам — живой человек. Что они сделают с ним?

— С каких пор четвертый превратился в клонолюба? — спросил кто-то в центре зала. Я огляделся и понял, что говорил Грег Халлоу. Славный малый, но часто впадает в крайности.

— Точно, — присоединился к нему другой. — Ради чего он делает из мухи слона?

— Наверное, решил, что на следующем референдуме мы проголосуем за предоставление прав клонам! — заорал кто-то еще.

В зале послышались редкие смешки.

— Не вижу ничего смешного в том, что красивой женщине сотрут память, — сказал Док.

— Не женщине, Док! — возразил Халлоу. — А клону! Клону!

Док раскипятился:

— Она сделала для беспризорников больше, чем любой из моих знакомых!

— Беспризорники — это беспризорники, а клоны — это клоны, — заявил Халлоу. — Так оно было всегда, так есть и так будет! Не нужно раскачивать лодку.

Халлоу озвучил мнение многих — и не только тех, кто ходит к Элмеру.

— Мы знаем, Док, ты старый клонолюб, — крикнул кто-то, — но мы все равно тебя любим!

В зале закипел жаркий спор. Мне не было интересно, что они скажут, поэтому я вышел.

Полетел домой. Эм-Эма там не было, только Игнац. Я устал; мне было одиноко и грустно. Вот когда я с удовольствием подключил бы дискетку. Но даже такое невинное удовольствие отныне мне недоступно. Я чувствовал себя гото-

вым взорваться ядерным зарядом. Интересно, с чего бы?

Я плюхнулся на кровать и стал слушать, как плавятся у меня мозги.

Сон долго не приходил ко мне.

ХІІІ

Когда зажужжал домофон, я уже давно не спал. Я просмотрел массу граффити в Информ-потоке. Одно из самых простых: лицо Джин и голос за кадром:

«...чтобы она стала современной Жанной д'Арк. Не допускайте этого!»

Отвернувшись, я увидел за дверью двух коп, которые нетерпеливо переминались с ноги на ногу. Внутри у меня все сжалось.

— Администратор Броуд хочет видеть вас немедленно, — заявила внушительных размеров женщина-«оса», как только раздвижная дверь отъехала в сторону.

— И вам доброе утро, — отвечал я. Только сейчас я понял, что всю ночь пролежал в том же комбинезоне, в котором ходил вчера. — Не возражаете, если я сперва переоденусь?

Она схватила меня за руку и выволокла в коридор.

— Сказано — немедленно!

Я не стал возражать, вырываться. Все равно против них у меня никаких шансов. Мы вылетели прямо на крышу, пересели во флитер и понеслись прямым ходом к Пирамиде — на большой скорости, по выделенной правительствен-

ной трассе. Значит, я действительно срочно понадобился Броду!

Пирамида сверкала золотом в лучах восходящего солнца. Когда мы сели на одну из посадочных площадок, я увидел внизу толпу народа.

Вся площадь перед Пирамидой и все пространство вокруг нее были заполнены людьми. Буквально яблоку негде было упасть. Кажется, там и вздохнуть нельзя было в тесноте. Очереди тянулись к Пирамиде со стороны темных боковых улиц, похожих на туннели. Словно миллион термитов роились вокруг гигантских сот.

— Ну и ну! — воскликнул один из «ос». — Их даже больше, чем раньше!

Я заметил, как мои сопровождающие озабоченно переглянулись. Они забеспокоились. Их учили наводить порядок в толпе, но я уверен, что до сих пор ничего подобного им видеть не приходилось. Впрочем, как и другим землянам.

— Неужели они все беспризорники? — спросил я.

Коротышка полицейский, мужчина, повернулся ко мне:

— Все началось с беспризорников — они толпятся у входов. Мы не пускаем их в комплекс. Но сейчас в толпе по большей части настоящие. Взрослые.

Я не верил глазам и ушам.

— Настоящие? Но зачем?

— Наверное, демонстрируют свою поддержку. Мы предвидели, что сюда явятся несколько групп сочувствующих — так называемых «клонолюбов» — и независимых. Но на такое никто не рассчитывал!

— А следовало бы, — сказал я, но дальше распространяться не стал.

Внезапно я понял, почему здесь собралось такое множество настоящих. Геометрическая прогрессия. У каждого беспризорника имеется два родителя и легальный брат или сестра. И по четыре или больше дядей, тетей, дедушек и бабушек. Здесь собрались все эти люди, которые почувствовали себя виноватыми, с ними пришли друзья, знакомые — хотя бы из любопытства. Все стеклись к Пирамиде, желая убедиться в том, что на малышей не набросятся, как вчера ночью. Таким образом, толпа росла неудержимо.

Как только мы приземлились на самой верхней посадочной площадке, двери тут же отворились. И тут я услышал шум. Даже здесь, наверху, из-за него невозможно было говорить. Странно! Глубокий, почти подсознательный гул проникал не только в уши, он проникал под кожу, ощущался даже подошвами ног. Если бы мог заговорить рассерженный штормовой океан, наверное, звук был бы такой же.

— Вен-диии! Вен-диии! Вен-диии!

Меня втокнули внутрь, мы полетели вниз мимо пустых коридоров. Наконец я оказался в пустой комнате, где уже ждал администратор Броуд. Губы его были плотно сжаты. Лицо посерело от усталости. Мы были одни, если не считать дюжего помощника у двери. В дальнем углу работал видеофон.

— Сюда! — Он жестом подозвал меня к себе.

Броуд сделал стену прозрачной, и перед нами открылся вид на толпу, бурлящую вниз, на площади.

— Удивляюсь, что вы не применили силиметы, — сказал я.

— Не думайте, что такой вариант не приходил мне в голову. Но там собралось слишком много настоящих, и среди них, несомненно, множество достаточно влиятельных личностей. Мы не можем рисковать, ведь некоторые из них могут задохнуться.

Я отлично понял его. С помощью струй силиконовой эмульсии можно достичь потрясающих результатов. Как-то я видел передачу о древних голодных бунтах. Тогда силиметами разгоняли толпу. Силиконовая эмульсия создает нулевую тягу. Как только она попадает на вас или на улицу, вам крышка! Вы не можете устоять на месте, не можете держаться за соседа, даже стоять на коленях. Ужасно смешное зрелище. Но в такой толпе, какая заполонила площадь перед Пирамидой, многих просто затопчут.

— Я хочу, чтобы вы отправили их по домам, — заявил Броуд.

Я не сумел удержаться от смеха.

— Конечно! Вы только скажите когда!

— Сейчас. Немедленно!

Он не шутил.

— Не хочу показаться невежливым, сэр, но со вчерашнего дня вы, наверное, слегка повредились головой!

Он собирался ответить, но вдруг остановился и уставился в видеофон поверх моего плеча. Я сам повернулся и увидел лицо Джин крупным планом. Повторяли передачу про то, как Броуд допрашивал ее. Кто-то вбросил в Ин-

формпоток граффити, повтор несанкционированной передачи четвертого. Голос Джин зазвучал громче:

«Скажите, пожалуйста, вы не могли бы что-нибудь сделать для них? У вас огромная власть. Не могли бы вы помочь им начать где-нибудь достойную жизнь? Я ведь уже не смогу...»

Тут послышался голос за кадром:

«Подземная Мадонна, моли Господа о нас!»

Ролик тут же повторили — каждая капсула граффити рассчитана на несколько повторов. Броуд повернулся к помощнику и заорал:

— Уберите ее оттуда! Сейчас же!

Помощник что-то сказал в переносной микрофон. Ролик исчез с экрана, когда повторялся уже в третий раз.

— Итак, — Броуд вновь устремил взгляд на толпу внизу, — я знаю, что вы способны разогнать их. Я видел вчерашний сюжет с нижних уровней. Некоторое время они скандировали не ее, а ваше имя! При вашем появлении они оживятся. А вы, дав беспризорникам выкрикаться, сообщите, что их милую маму-клона освободят из Пирамиды, как только они разойдутся.

Я прикусил губу, чтобы справиться с внезапно подступившей тошнотой. Пока я ничего не понимал.

— Вы говорите правду?

Наконец он оторвался от окна и посмотрел на меня. Глаза его были пустыми и холодными.

— Конечно.

— И ее выпустят на свободу?

— В некотором роде.

— Что значит «в некотором роде»?

— Она беспрепятственно вернется к своему хозяину.

Джин вернется к Спиннеру! Я едва справлялся с охватившей меня яростью. Если бы он не был региональным администратором...

— Вы считаете, что тогда все закончится? Не надейтесь!

— Все закончится. Они подойдут к ней, но она их не узнает и не поймет, о ком или о чем они говорят. Беспризорники еще немного пошумят, а потом все будет кончено. Все вернется на круги своя.

— Если ей сотрут память, конца беспорядкам не будет!

— Таково решение суда. От меня уже ничего не зависит.

— А как насчет помилования в виде исключения? Или отсрочки — или как там еще эта дрянь называется?

Он отвернулся к окну.

— Для таких решений уже слишком поздно.

Я стоял и смотрел на него; в глубинах моей души стало пусто и темно. По закоулкам души гулял и выл злобный ветер. Казалось, воздух вокруг меня сгустился. Я не мог выговорить ни слова, так как горло у меня сжалось. Сила притяжения удвоилась, утроилась. Я тяжело опустился на ближайший стул и сидел там, пытаюсь набрать в грудь воздух.

Когда я снова обрету способность дышать, я выкину Броуда в это самое окно!

Единственный его помощник, который находится здесь с нами, возможно, был научен заранее предугадывать состояние души человека по

его позе. Крупный парень. Он подошел поближе и остановился между Броудом и мной.

— Я хочу ее видеть.

— Свидание невозможно. Вам так же хорошо, как и мне, известно, что субъекты, подвергнутые процедуре стирания памяти, несколько часов после операции пребывают в коматозном состоянии. И еще несколько недель их сознание затемнено.

Тишина длилась, как мне показалось, вечность. Мне показалось, что мне самому стерли память. Наконец Броуд сказал:

— Итак... Вы поговорите с ними?

— Наверное, вы совсем выжили из ума! Я сейчас прикажу им разнести ваше здание по кирпичикам, по панелям!

Он развернулся ко мне с самодовольным видом:

— Да что вы говорите? Я так не думаю. Мистер Дрейер, кажется, сейчас вам неплохо живется. Вы живете не так, как большинство людей, но вам такая жизнь по душе. У вас есть припрятанное золото, у вас подозрительные друзья — владелец бара с сомнительной репутацией, беспризорник, который иногда живет у вас, и доктор, который временно лишен возможности практиковать. — Он тонко улыбнулся. — Словом, вы поддерживаете именно такие знакомства, которые характерны для бывшего околпаченного.

Я глазом не моргнул. Даже не дрогнул. Я был так зол, что он уже ничем не мог задеть меня. Однако мне стало ясно: он досконально изучил мое досье.

— Я могу изменить вашу достойную сожаления жизнь, мистер Дрейер. Я могу приказать возобновить расследование, касающееся смерти двух сотрудников «Невронекса», которых разрезало на куски в вашей квартире. Ведь к делу причастен ваш дружок-беспризорник, верно? Я могу закрыть бар, а его владельца отправлю на Южный полюс. Он совершил столько правонарушений, что больше никогда не увидит солнца в зените. Я могу позаботиться и о том, чтобы лицензию вашего приятеля доктора отозвали навечно. Мистер Дрейер, в моей власти сделать так, что вы пожалеете, что родились на свет.

— Даже не надейтесь. Я уже побывал на том свете и вернулся.

— Я могу сделать так, что об этом пожалеют ваши друзья.

Некоторое время мы оба молчали и только смотрели друг на друга. Мы оба знали: я проиграл. Он угрожал Элмеру, Доку и Эм-Эму. Я не мог допустить, чтобы их погубили вместе со мной.

Но что-то было не так. Я не понимал, что именно, однако чувствовал, что в игре участвуют и другие силы. Меня осенило.

— Позвольте мне переговорить с Ламом!

— С Ламом? — удивился он, и лицо его избороздили злые глубокие складки. — Лам арестован и ждет приговора. И если дело будет зависеть от меня, ему дадут пожизненное заключение! Он не в силах помочь вам.

— Все равно я хочу с ним поговорить. Не такая уж это и значительная просьба!

Броуд вздохнул:

— Ладно. Так и быть.

Он кивнул помощнику, который что-то буркнул в свой микрофон.

И я стал ждать. Помощник следил за мной, а я следил за Броудом, который следил за толпой снаружи.

XIV

Когда ввели Аррела Лама, я увидел у него на правом запястье толстый, странного вида серебристый наручник. Нас отвели в угол, где мы могли бы поговорить, но вначале активировали его браслет.

— Что это? — спросил я.

Лам горько улыбнулся:

— Если бы ты внимательно смотрел мои передачи, ты бы знал. Гравитационный браслет. Сейчас я прикован к оси земного притяжения. Могу двигаться вертикально, — он поднял руку и опустил ее, — но вбок — ни-ни!

— Просто класс, — сказал я и объяснил, чего хочет от меня Броуд. Я понимал: каждое произнесенное нами слово записывается, но мне было наплевать. Лам некоторое время помолчал, а потом повернулся к Броуду:

— Знаете, мистер администратор, вы можете сейчас стать больше чем просто политиком. Если задействуете творческое мышление, вы сумеете взобраться на самый верх. Вы сумеете показать себя настоящим государственным деятелем. Мы ждем такого деятеля долгие годы. Мы научились клонировать динозавров, дронтов и Джин Харлоу, но...

— Они стерли Джин память, — вмешался я.

Лам пошатнулся, словно я его ударил. Только гравитационный браслет удержал его от падения. Он закрыл лицо свободной рукой. На мгновение мне показалось, что он упал духом, но я ошибся.

— Мне так хотелось познакомиться с ней, — тихо сказал он, приходя в себя и устремляя пронзительный взгляд на Броуда.

— Она не умерла, — напомнил я.

Он смерил меня выразительным взглядом:

— Нет, умерла.

Я знал, что он прав, но старался не думать о Джин.

— Что нужно от меня Броуду? — спросил я.

Лам хищно оскалился:

— Политическая жертва. Благодаря моей вчерашней передаче к клону Харлоу и беспризорникам приковано внимание всего мира. Центральные власти сильно давят на Броуда; от него требуют как можно тише разрядить бомбу. Вот главная причина, почему он не приказал полить толпу силиметами. На карту поставлено его политическое будущее.

— Отлично. Но откуда тебе все известно?

— Ко мне пускают посетителей. А все мои друзья — журналисты. Так что сейчас он подвергается сильному давлению. Дело сейчас в тебе. Он рассчитывает на твоё сотрудничество.

Броуд все рассчитал верно. А у меня есть друзья, которые рассчитывают на то, что я их прикрою.

— Он добьется успеха.

— Итак, мистер Дрейер, — обратился ко мне Броуд из противоположного угла комнаты, — я жду. Время не терпит.

— Хорошо, — крикнул я в ответ. — Будь по-вашему!

Лам выпучил глаза:

— Что-о?!

— Я еще пока ничего не знаю.

Дюжий помощник уже теснил меня к выходу. На пороге я услышал, как Лам произносит, ни к кому не обращаясь:

— А как же я?

— Мистер Лам, нам с вами надо поговорить, — заявил Броуд.

— Уж лучше я посижу в камере.

— И тем не менее мы с вами поговорим о государственном мышлении. Ваши слова крайне заинтересовали меня.

Потом дверь за моей спиной закрылась, и я больше ничего не слышал.

XV

Меня научили, что сказать, репетировали со мной речь снова и снова, пока я не выучил все наизусть. Потом мне на подбородок навесили прозрачный микрофон размером с ноготь, на палец посадили крошечный тумблер включения-выключения и вытолкнули на летучую платформу. Еще один помощник Броуда — кажется, у него их просто тьма — повел платформу вниз. Я услышал снизу зов:

— Вен-диии! Вен-диии! Вен-диии!

Когда люди увидели снижающуюся платформу, крики постепенно стихли. Мы опустились на уровень десяти метров над землей. Теперь я от-

четливо видел толпу — оборванные беспризорники впереди, настоящие, одетые почище, сзади. Обе группы почти не смешивались. Входы в Пирамиду, расположенные за моей спиной, перегораживали вооруженные полицейские.

Я помахал детишкам и включил свой микрофон.

— Привет, беспризорники! — загремел мой голос из всех динамиков, навешанных где-то на стене Пирамиды.

Видимо, среди них были и пропащие мальчишки, потому что в их рядах послышался гул. Вскоре невнятный шум сменился новыми кликами, правда, выкликали потише:

— Зиг-ги! Зиг-ги! Зиг-ги!

Мое имя скандировали не так громко, как имя Венди, потому что взрослые не присоединились к детям. Возможно, они спрашивали себя, кто, во имя всего святого, этот Зигги. В конце концов, меня вчера не показывали в Информпотоке!

Но дети знали мое имя. Все маленькие личики повернулись вверх; огромные глаза с надеждой смотрели на меня. Меня пробрала дрожь.

— Я должен кое-что сообщить вам о Венди!

Взрыв новых приветственных кличей потряс платформу. Они снова начали выкликать имя Венди.

Я ненавидел себя за то, что мне предстояло им сказать. Чтобы потянуть время, я дал им покричать. Отключил микрофон и спросил у охранника:

— Кстати, как вам удалось закрыть Центральный административный комплекс? Я думал, он открыт для всех граждан круглосуточно.

Помощник самодовольно ухмыльнулся:

— Верно, но мы отыскиали одно забытое предписание: детям запрещается проходить в Пирамиду без сопровождения взрослых.

— Так-так, — кивнул я. — Просто чудесно!

Толпа малышей заволновалась, зашевелилась, расступилась, и вдруг я увидел Эм-Эма. Он взобрался кому-то на плечи; светясь от гордости, он махал мне рукой. В его глазенках я прочитал: «Зигги здесь! Зигги не позволит нас обидеть. Зигги может все!»

Именно в тот момент я и принял решение.

— Спустите меня вниз, вон к тому малышу, — велел я.

— Это не предусмотрено.

— Позвольте небольшую импровизацию. Мои слова возымеют больший эффект, если я посажу одного из пропащих мальчишек себе на плечи!

Помощник что-то забормотал в свой микрофон. Должно быть, начальство совещалось в кабинете Броуда, потому что ответ пришел не сразу. Однако, очевидно, мое предложение одобрили, так как мы начали снижаться.

Жестом я приказал детишкам, стоящим рядом с Эм-Эмом, расступиться. Они отошли от него, когда мы спустились до двух метров над землей.

Тут я и спрыгнул на землю. Перескочил через перила и махнул к детям.

— Эй! — всполошился охранник. — Так нельзя!

Я не обратил на него внимания. Подхватил Эм-Эма и быстро побежал к ближайшему входу в Пирамиду. Радостно вопящие беспризорники расступались перед нами.

Над нами в вышине нас преследовал на платформе помощник Броуда. Он закричал, обращаясь к «осам», которые охраняли ближайший вход:

— Остановите его!

Самый опасный момент. Именно тогда я, можно сказать, приставил к своей голове бластер и нажал на спусковой крючок. Я подвергал опасности Элмеро, Дока и даже Эм-Эма, однако сделать уже ничего было нельзя. Никто не имеет права стирать память моего клиента, тыкать меня носом в дерьмо и ожидать, что я отвечу: спасибо, да, конечно, я помогу потушить пожар, который вы же сами и устроили!

Дерьмо!

Я не возражаю, если мною помыкают. Я даже ожидал, что они так поступят. Такова жизнь. Я не радикал, не клонолюб, не псих. Но у всего есть пределы. Бруд перешел границу дозволенного.

И я собирался сломить его, если получится.

Передо мною «осы» сомкнули ряды. Я покрутил у подбородка микрофон, настроил на максимальную громкость и завопил во всю мощь своих легких:

— Я — гражданин мегаполиса! И требую, чтобы меня пропустили в Пирамиду! Таков закон!

Я чуть не оглох. Словно услышал гром, стоя в самой туче. Словно глас Божий. Все беспризорники вокруг меня съежились, присели и заткнули уши руками. От собственного голоса я сам едва устоял на ногах.

«Осы» явно дрогнули. Я едва расслышал, что ответил тот, кто стоял ближе всех ко мне:

— Беспризорику нельзя.

— Он идет в сопровождении взрослого! А сейчас отойдите в сторону!

Они только глазами заморгали; тут я проскользнул между ними, не дав ни одному схватить меня. Когда я взбежал на внутреннюю площадку, я снова подкрутил громкость и сказал:

— Внимание! Все следуйте за...

Внезапно мой микрофон отключился. Но, развернувшись, я понял: это уже не имеет значения. Настоящие, толкаясь, бежали к беспризорникам, хватали их, сажали себе на плечи, поднимали на руки. «Осы» неуверенно пытались помешать им, но настоящие были непреклонны. Они были разгневаны. И закон был на их стороне. Я даже увидел, как один из «ос» сам берет на руки ребенка и входит с ним в здание.

Люди заполонили весь первый этаж, просочившись сквозь входы, как вода просачивается сквозь бреши в плотине. Они уже взбирались на галереи второго уровня. Вскоре крики возобновились. Они эхом отражались от стен и гремели в пещеристой структуре Пирамиды:

— Вен-диии! Вен-диии! Вен-диии!

Я держал Эм-Эма на плечах и не мешал ему вопить вместе со всеми, но сам помалкивал. Что толку орать? Та Венди, которую он знал, мертва. Броуд не спустит ее вниз и не покажет ее пустую оболочку толпе. Но если все пойдет так, как я рассчитываю, возможно, толпа сметет самого Броуда — не вытеснит сюда, вниз, а вообще сметет. Выкинет из кабинета.

Он уничтожил мою клиентку. А я намерен уничтожить его самого. Хотя бы попытаться.

Крики раздавались все громче; никто не собирался умолкать. Снаружи в Пирамиду проникали все новые и новые люди — снаружи до сих пор их оставалось больше, чем успело попасть внутрь. Они поднимались все выше по периметру внутренних стен. Еще немного времени, и скоро мы займем каждый сантиметр Пирамиды. Броуду придется что-то решать, и быстро!

И он решил.

Летучая платформа, вроде той, на которой я спускался снаружи, а может быть, та же самая, плавно отделилась от одного из верхних уровней и начала спускаться вдоль стены, справа от меня. Похоже было на то, как будто из верхушки Пирамиды к нам спускается огромный солнечный луч. Я прищурился на свет и различил на платформе четыре фигуры.

Крики затихли; все мы следили за платформой и ждали. Кто там?

— Как там, Зиг? Венди летит?

Бедняга! Я не хотел лишать его последней надежды.

— Не думаю, малыш. Давай лучше надеяться, что у них нет с собой силиметов.

Мы наблюдали, как платформа снижается. Вдруг Эм-Эм завопил:

— Она, Зиг! Венди! Она! Она!

Он оказался прав. Я не верил собственным глазам, но на платформе стояла Джин Харлоу-К собственной персоной; она облокотилась о поручни и смотрела вниз, на толпу. Казалось, она оцепенела. Я и помыслить не мог, что Броуд способен на такое. Что он замышляет? Неужели действительно думает выйти сухим из воды?

Беспризорники словно взбесились, а вот настоящие рядом со мной затихли. Я прекрасно понимал, в чем дело. Они все вчера ночью видели Информпоток. Они знали, что Джин сегодня утром была назначена операция стирания памяти. И все боялись, что перед ними — пустая оболочка.

Правильно боялись.

Потом я всмотрелся и увидел, кто стоит рядом с Джин на платформе. От изумления я чуть не уронил Эм-Эма. Там были сам Броуд, один из его помощников, который управлял аппаратом, и Лам.

Что же здесь происходит?

Миллион мыслей в одну секунду пробежал у меня в голове. Какая-то афера? Может, они изготовили голокостюм Венди? А внутри — актриса? Нет, на голокостюм не похоже — наружные очертания четкие, не расплывчатые. И что Лам делает рядом с Броудом? Неужели они его купили? Или выкручивали руки — как мне?

Платформа застыла в тридцати метрах над землей. Джин по-прежнему не двигалась. Должно быть, ее заранее научили, что говорить. Велели распустить всех по домам. Сейчас будет плохо!

Она облокотилась о перила, и ее тихий голос, усиленный в сотню раз, заполнил Пирамиду:

— При... Привет! Мне сказали, я свободна. Здесь ли мои пропащие мальчишки?

И тут она улыбнулась, и за ее спиной улыбнулся Лам, и я понял, что передо мной настоящая Джин. Настоящая Венди. Я не мог взять в толк, как все произошло, но это действительно была она! Внезапно почувствовал, что реву, как

младенец. Я, Зигмундо Дрейер, который никогда не плачет!

А что началось вокруг меня! Бедлам, пандемониум, экстаз, полный хаос. Никогда — ни до того, ни после — не видел такого. Обычно уравновешенные, сдержанные люди смеялись, плакали, вопили от радости, прыгали, махали руками, как сумасшедшие. Они кричали, подпрыгивали, обнимались и целовались и танцевали. Готов поклясться, что я слышал и звон церковных колоколов.

Ненадолго — в то время, в том месте — мы все стали пропащими мальчишками Венди.

XVI

Прошло много времени, но наконец все понемногу стихло. Наверное, человеческая глотка способна выдержать лишь определенные усилия; потом она начинает сдавать.

Во время всеобщего волнения я несколько раз замечал, как Броуд и Лам о чем-то совещаются, сблизив головы. Вдруг Броуд подошел к Джин и поднял руки вверх. Его низкий бархатный голос загремел во всех закоулках Пирамиды:

— Дорогие сограждане! Произошла ошибка, связанная с неверным определением гражданского статуса. Ради того, чтобы избежать трений с суверенным миром Ники, я воспользовался своими полномочиями, дарованными мне согласно Уставу Центральной власти, и пожаловал Джин Харлоу-К, женщине, которую вы знаете под именем Венди, статус настоящей!

Вокруг меня послышались радостные и одобрительные крики; я же гадал, куда клонит Броуд.

— Однако ее статус носит лишь временный характер. Через месяц ей придется вернуться на Нику!

Услышав в толпе неодобрительный гул, Броуд поспешил объясниться:

— Но я не хочу, чтобы она возвращалась туда одна! Так же как и вы, я хочу, чтобы мечта Венди сбылась.

Никогда бы не поверил, чтобы такая огромная толпа вдруг так быстро замолчала. Не слышно было даже шарканья ног. Мы все затаили дыхание. Неужели он сейчас скажет то, на что мы и не надеялись?!

— Разумеется, мы не можем взять средства из государственной казны. Посему Первый банк Бозиоркингтона уполномочил меня открыть доверительный фонд: Фонд пропавших мальчишек. Средства, собранные в фонде, будут использованы на доставку в другие галактики несчастных детей, которых мы называем беспризорниками.

В толпе начал нарастать шум, больше похожий на землетрясение. Броуду пришлось еще повысить голос, чтобы его слышали.

— Для почина я лично жертвую первые десять тысяч кредиток. Если мы объединим усилия, мы сможем воплотить мечту Венди в жизнь!

Вот и все. Больше никаких слов не потребовалось. Он пытался добавить что-то еще, но динамики Пирамиды едва не лопнули от ликующих криков толпы — вначале разрозненных, но вскоре слившихся в единый вопль:

— Броуд! Броуд! Броуд! Броуд!

Я заметил, как ухмыляется Лам, и понял, что отважный поступок Броуда — его рук дело. Лам нашел способ раскрыть глаза честолюбивому высокопоставленному чиновнику, политикану и превратить его в мудрого государственного деятеля, который сумеет принять бразды правления и изменит ход истории.

Я сам не присоединился к ликующим крикам. Решил: пусть Эм-Эм, подскакивающий у меня на закорках, вопит за нас обоих. Я просто стоял на месте и смотрел на Джин. Ее потрясенное лицо было залито слезами; она лучезарно улыбалась всем своим пропадающим мальчишкам.

«Ах ты милая дурочка клон! — подумал я. — Ты хоть понимаешь, что натворила?»

эпилог

— Значит, насчет стирания памяти Броуд солгал, — сказал я Ламу, когда мы и Док сидели за столиком в баре Элмеро.

— Конечно! Он хотел посильнее нажать на тебя, но ее придерживал до последнего. Поэтому он убрал ее, по сути дела внушив тебе, что она мертва. А сам в то же время защищал ее, оттягивая операцию на крайний случай.

Много всего случилось за два дня, прошедших после беспорядков в Пирамиде. Фонд пропащих мальчишек раздувался от пожертвований. А после того как Броуда тысячу раз показали по Информпоток, население Чи-Каси, Текс-Мекса и Западного мегаполиса потребовало основать такие же фонды для своих беспризорников. То же самое творилось в Европе и вообще повсюду.

— На других планетах справятся с наплывом малолеток? — спросил Док.

Лам горячо закивал:

— Чем больше мы им пришлем, тем лучше. На тех планетах, где развито сельское хозяйство, детей поселят в специальных поселках; за деть-

ми будут присматривать до тех пор, пока они не вырастут и не смогут обзавестись собственными участками земли. Рано или поздно все они станут землевладельцами. И я тоже.

— Ты? — удивился я. — Я-то думал, ты теперь главный помощник Броуда!

— Правильно. Но ненадолго. Повевял ветер перемен, а Броуд — тот человек, который способен возглавить новый мир.

— Разумеется. Потому что все время он по своим убеждениям тайно был истинным клонолюбом.

Лам пожал плечами:

— Убеждения Броуда сводятся к одному: Броуд должен взобраться на самый верх. До истории с Венди он был всего лишь очередным администратором одного из мегаполисов; так сказать, шишка местного масштаба. Теперь же он единственный в своем роде — единственный политик, который отстаивает интересы клонов и беспризорников. Разумеется, его поддержат не все, но многие в глубине души испытывают то же самое. Так что он далеко пойдет. Отныне Броуд становится первоклассным кандидатом на самые высшие посты. Если борьба за права клонов и эмиграцию беспризорников забросит его туда, куда он стремится попасть, он будет бороться за них от всего сердца.

— А если бы его могли вознести наверх противоположные взгляды? — спросил Док.

— Тогда он проклинал бы клонов и беспризорников с такой же страстью и искренностью. — Лам покачал головой. — Поразительный человек! Воплощение прагматизма. Я намерен еще немного по-

болтаться здесь и посмотреть, долго ли мне удастся удерживать его на верном пути.

— На самом деле ничего не меняется, — заметил я.

— Когда перемены насаждаются сверху вниз — да, согласен, — кивнул Лам. — Но сейчас... сейчас перемены идут снизу вверх. И в верхних эшелонах власти у людей есть сердце и душа. Такого рода изменения носят длительный характер.

Я не поверил ему и на минуту, но и спорить не собирался.

Я сказал:

— Поживем — увидим.

— Ты, может, и увидишь, а я через несколько лет буду уже далеко отсюда. После того как завершу все дела с Броудом, я отправлюсь на Нику.

— Почему на Нику? — удивился я.

— Потому что там будет Джин. Она завораживает меня. Я хочу познакомиться с ней поближе. И если получится...

Он не закончил фразы.

— Не забывай, она не может иметь детей, — выпалил я, так как ни один более веский довод не приходил мне в голову.

— Конечно, я знаю. Но ты не подумал, что вокруг нас будет достаточно детишек. А что ты сам намерен делать, Зиг?

Я пожал плечами:

— То же самое, что и сейчас.

— Ты не собираешься отправиться туда, куда улетают настоящие люди?

— Ни в коем случае. Я землянин и останусь на Земле.

— Хочешь работать на Броуда?

— Мне это не интересно, — ответил я. — Терпеть не могу политиканов — не важно, в какую обертку они завернуты.

— Хорошо тебе. — Он встал и поднял большой палец вверх. — Пора бежать. Где тут пла-
тить?

Я отмахнулся:

— Угошаю!

Мы пожали друг другу руки, и он ушел. Док повернулся ко мне:

— Уж не хочешь ли ты сказать, что тебя совсем не тянет начать новую жизнь на Нике?

— Совсем.

— Несмотря на то, что Джин и Эм-Эм чуть ли не на коленях умоляли тебя полететь с ними?

— Чтобы я стал фермером?!

— Наверняка там и для тебя что-нибудь найдется. Есть же там города...

— Там городишки, а не города, Док. Крошечные городишки, разбросанные по всей карте.

Я представил себе далекие горизонты, огромные открытые пространства, и меня пробрала дрожь.

— Просто позор отпускать ее одну, — заявил Док, разглядывая меня поверх своего пузыря с дурманом.

Я немедленно обиделся:

— Она для меня ничего не значит!

Он расхохотался:

— Ты что, держишь меня за психа? Жаль, ты не видел своего отражения, когда Лам толковал о том, как полетит на Нику и, может быть, женится на Джин!

— Док, ты нанюхался дурмана. У тебя размягчение мозгов.

Он направился к стойке, а я начал думать об эмиграции на Нику. Сумасшедшая мысль! Но все же... может, там и найдется дело для такого бродяги, как я. Только не фермерство. Что угодно, только не сельское хозяйство.

Это мысль. Может, когда-нибудь... не сейчас...

Интересно, найдется ли на Нике подходящая еда для Игнаца?

Литературно-художественное издание

Вилсон Ф. Пол

ОХОТА НА КЛОНА

Роман

Ответственный редактор *З.В. Полякова*

Художественный редактор *И.А. Озеров*

Технический редактор *Н.В. Травкина*

Корректор *М.Г. Смирнова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 15.05.2006
Формат 82х100 1/32. Бумага типографская. Гарнитура «Таймс»

Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,96. Уч.-изд. л. 9,64

Тираж 6 000 экз. Заказ № 2760

ЗАО «Центрполиграф»

125047, Москва, Оружейный пер., д. 15, стр. 1,
пом. ТАРП ЦАО

Для писем:

111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15

E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов

в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ВИЛСОН

Ф. ПОЛ

ОХОТА НА КЛОНА

Частный детектив Зиг Дрейер берется помочь девушке-клону. И горько жалеет об этом. Оказывается, на человека, которого она просила разыскать, объявлена настоящая охота. Чуть было не став кормом для тираннозавра и с трудом распутав порученное ему сложное дело, Дрейер снова попадает в неприятности: на этот раз он переходит дорогу производителям нейрогормонов. Убийца устраивает ему ловушку из молекулярной проволоки, которая режет кости как масло...

ISBN 5-9524-2333-7

9 785952 423336

ЦЕНТРОЛИГРАФ®